

Габриэлла Мониз

КАОН

Изтождавшее
счастье

Лео вернулся в Рио совершенно подавленный и молчаливый. В одночасье рухнули все планы, умерли все надежды, словно погас свет вокруг... Жить стало нечем. Но жить все равно было нужно. Лео понимал это краешком едва живого сознания.

Его везли домой мать и Албиери. Профессор был мрачен и сосредоточен, а Деуза пыталась развеять настроение сына, угрюмого и безразличного ко всему окружающему. Она непрерывно что-то рассказывала, о чем-то вспоминала, теребила Лео, старательно улыбаясь ему. Деуза была уверена в том, что именно так и только так можно побороть депрессию сына, изменить его настроение, заставить его жить по-новому. Хотя не слишком четко представляла себе, как это = по-новому для Лео?

На аэродроме в Рио их встретили Эдвалду и Эдна.

«А вот и наши Эдды», = машинально подумал Лео, увидев их, и впервые за последние тяжкие дни чуточку развеселился. Деуза тотчас подметила это и обрадовалась.

— Как хорошо, что вы пришли! — заворковала она. — Как хорошо... Эд, как там мама?

— Нормально, — усмехнулся портной. — Ждет не дождется внука! Сильно соскучилась.

Донна Мосинья действительно очень ждала возвращения внука и дочери, ждала и волновалась. Не меньше нее скучал без жены и Эдвалду.

Он исподтишка окинул пасынка внимательным взглядом. Парень не понравился Эду. Да и кому могут прийти по душе отсутствующие пустые равнодушные глаза, хмурое и, несмотря на загар, какое-то сероватое, словно с налетом пыли лицо и горькие морщины на лбу и возле рта, не по возрасту рано врезавшиеся в кожу.

Портной перевел пристальный испытующий взгляд на жену. Ее вид тоже не понравился Эдвалду, хотя она изо всех сил старалась держаться ровно и демонстрировала одну лишь бесконечную радость. Демонстрация демонстрацией, но только получалось неважно. Несчастную танцовщицу выдавали, как и ее сына, глаза — беспокойные, мятущиеся, полные боли и непонимания.

Эду тотчас стало жаль ее. За последние несколько лет, трудных и тревожных, он научился жалеть, чего раньше делать абсолютно не умел и даже никогда не пробовал. Считал, что это лишнее для него. Оказалось, что это тоже большое искусство и немалое усилие души. И теперь душа

часто болела за жену — чаще, чем хотелось бы Эдвалду, поскольку душевная боль порой становилась непереносимой. Ему очень хотелось защитить жену, уберечь ее от горя и тревог, наладить их общую жизнь и жизнь пасынка, который и был главным источником волнений Деузы, но ничего не выходило. Новые «эксперименты» Лео, который уже совсем обалдел, по мнению портного, и пустился во все тяжкие, довели Деузу до нервного истощения. «Как чудесно она когда-то танцевала...» — не вовремя вспомнил Эдвалду. Но ей уже давно не до танцев. Она стала нервная, дерганая, сильно похудела... И в доме не первый год все идет наперекосяк из-за выходов этого неуправляемого парня.

Сам Эд впал в настоящее бешенство после звонка жены из Марокко, когда она нашла наконец Лео и рассказала мужу обо всем. Но пока Деуза везла своего заблудшего сына домой, портной постарался взять себя в руки и проанализировать ситуацию. И, как ни странно, Эдвалду неожиданно даже для себя самого пришел к выводу, что во многом виноват именно он. Да, он! Единственный мужчина в семье, он не сумел перехватить бразды правления, стать главным, опорой всем, в том числе и мальчику, не смог воспитать его как следует. Эд просто устранился от решения наиболее важных проблем семьи и от парнишки, в частности. А этого делать было

никак нельзя. Нужно было руководить женщинами и пасынком. Вот на Востоке... Там в семье всегда главный мужчина. А как же иначе? Так и только так должно быть.

И Эдвалду решил попытаться жить иначе, своей мужской властью резко изменив к лучшему и собственную жизнь и жизнь своей небольшой семьи.

— Да, Лео, — охотно подхватила Деуза, — сейчас побыстрее поедem домой к бабушке! Она действительно истосковалась без тебя. Она очень тебя любит и так переживала, пока тебя не было...

Лео выслушал все это молча и равнодушно. Ему было все равно, что с ним теперь будет, где и с кем он будет жить. Вообще наплевать на все...

Эд снова потихоньку начал закипать. И тут в разговор вмешался Аугусто, который в самолете сидел тихо и грустно и только наблюдал за сыном и Деузой, сидящими рядом друг с другом справа от него через проход. Профессор был подавлен ничуть не меньше остальных, чувствуя свою немалую вину за все, что совершил Лео. Ведь это его сын! Именно его, им созданный, им воспитанный! И кто, кроме Албиери, повинен во всем, что произошло, происходит и еще произойдет из-за Лео?! Кто?! Только он один.

Эдна, в свою очередь, тоже печально искоса наблюдала за мужем. Его боль уже давно стала ее

болью, и ей было по-настоящему тяжело. А муж... Он любил одного лишь Лео... Лео для него — свет в окне, кумир и драгоценность... «Пусть, — думала Эдна, — пусть он любит этого парня... Но хоть бы у Аугусто все складывалось с его любимцем хорошо, а то ведь одни сплошные несчастья!»

— Мама права, — неожиданно твердо сказал профессор сыну. — Ты должен, наконец, прислушаться к ее словам. Нельзя пренебрегать своими близкими! И нельзя жить только ради себя! Плохо, что ты до сих пор этого не понял! Давно пора бы, ты не маленький!

Внезапная резкость и несвойственная доктору интонация удивили всех, а Лео окончательно был сбит с толку. Эд впервые посмотрел на доктора с уважением. Если они станут единомышленниками, парня можно будет, в конце концов, привести в порядок. Тогда у всех них начнется совсем другая жизнь — нормальная, спокойная, домашняя. Такая, о какой постоянно мечтается...

— Ты взрослый человек! — гневно, понемногу распаляясь и заводя себя все больше и больше, продолжал Албиери. — Но не умеешь и не хочешь отвечать за свои поступки! Ведешь себя, как капризный, эгоистичный ребенок! Конечно, в этом большая моя вина — не научил! Но и ты тоже виноват во многом! Тебе пора взрослеть и мужать, пора становиться на ноги, а не просто резво и бойко носиться по свету без всякого смысла и цели.

Пора найти себе работу, толковое занятие, начать зарабатывать деньги. Тебе надо учиться любить своих близких, родных, а не только женщин! Да и их ты толком не любишь! Для тебя это не что иное, как новая заманчивая увлекательная игра! Ты просто требуешь от них любви к себе, властно берешь ее, пользуешься ею! И страшно негодуешь, обижаешься, даже выходишь из себя, когда не добиваешься своего. Что, я не прав?

Все молчали, потрясенные этой неожиданной вспышкой-отповедью. Лео тупо уставился в пол. Что отвечать, когда нечего отвечать? Конечно, отец прав.

— Успокойся, Аугусто, — поспешила на помощь сыну Эдна. — Теперь, я думаю, все будет иначе. Просто потому, что жить по-старому уже невозможно ни для кого из нас.

— Да, — охотно присоединился к ней Эдвалду. — Я тоже надеюсь, что все изменится к лучшему. Поехали!

И он первым двинулся к выходу, туда, где их ждали машины.

Лукас, Жади и Кадижа начали понемногу осваиваться в Рио. Все в этой новой жизни было не просто.

«В который раз я начинаю все заново! — одновременно печально, радостно и тревожно думала

Жади, потихоньку осматриваясь в доме Феррасов. — В который раз... Неужели теперь мне повезет? Неужели и правда мы с Лукасом будем счастливы? Странно, но я в это сейчас почти не верю... А раньше верила и ждала счастливых перемен. Но то было раньше... Я тогда была молодая и глупая. И очень самонадеянная. Никого не слушала, кроме себя. А сейчас?..»

Она взглянула на себя в зеркало и невесело усмехнулась.

На нее из матово-чистой зеркальной глубины смотрела еще довольно красивая, но уже далеко не юная женщина. Сколько ошибок она наделала, эта женщина в зеркале! Сколько опрометчивых шагов... Не слушалась дядю Али и Зорайде, а ведь они желали ей только добра. Но все-таки у нее есть дочь. И любимый человек... Будут ли они, наконец, счастливы?

Жади нервно стиснула руки и горделиво откинула волосы со лба. Будут! Обязательно будут! Иначе для чего она живет на свете, эта уже немолодая, но пока еще красивая женщина?

В доме Феррасов все его обитатели встретили приехавших очень по-разному. Леонидас — настороженно и холодно, Иветти — приветливо и радостно, Далва — своим обычным ворчанием и излюбленной фразочкой: «Эт-та женщина... опять она... и теперь она будет жить у нас в доме...»

Даже легкомысленная и вполне довольная жизнью Кадижа, и та примолкла.

Лукас постарался приободрить мать и дочь.

— Ничего, все образуется, — оптимистично пообещал он. — Дайте только время... Оно всегда делает свое доброе дело и поможет нам обязательно. Потерпите немного.

Мел и Педринью жили отдельно, но довольно часто заезжали к Феррасам. Мел никогда не забывала навещать родной дом, хотя делала это скорее автоматически, по инерции, в силу привычки. Она держалась с Жади всегда ровно и доброжелательно, но Жади чувствовала, что за внешней мягкостью и дружелюбием прячется совсем иное — настойчивое желание разобраться в характере мачехи, понять ее, разгадать ее суть и тогда уже решать, станет ли Мел подругой новой жены отца или окажется ее противницей во всем, настоящим врагом.

Через несколько дней после их приезда неожиданно позвонил Саид.

По лицу Лукаса, говорившего с Саидом, Жади сразу догадалась, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Что? — шепотом спросила она Лукаса.

Он махнул рукой: мол, закончу разговор, тогда все объясню.

Наконец он медленно, как-то вяло, заторможенно положил трубку и опустил глаза.

— Что? — тревожно повторила Жади. — Что случилось? Пожалуйста, не молчи. Мне страшно.

Она уже не сомневалась в том, что случилась новая беда.

— Бросили... — отрешенно отозвался Лукас.

— Кто? Кого? — недоумевала, пока ничего не понимая, перепуганная Жади.

— Рания уехала с любовником. Бросила дом, — объяснил, в конце концов, Лукас. — Поставила все точки над «i»... Давно пора. Только очень жалко Саида...

Он произнес это и тотчас с опаской покосился на жену. Как она воспримет эту его жалость? Наверное, говорить о сожалении не стоило. Но Лукас в последнее время, как ни странно, действительно по-своему привязался к Саиду, всегда немногословному и мрачноватому, сдержанному и загадочному. Лукас понял его, немного разобрался в этой сложной, глубокой, истерзанной противоречиями и догматами душе, а, постигнув ее, стал относиться к своему бывшему вечному сопернику иначе. Но надо ли знать об этом Жади?

Она смотрела задумчиво и грустно.

— Значит, Саид опять остался один? Совсем один? Знаешь, Лукас, у меня такое непонятное ощущение... Я никогда не любила его, всегда рвалась от него прочь...

— А теперь рвешься назад, к нему? — не очень удачно пошутил Лукас.

Но Жади не приняла его шутки, даже не улыбнулась, осталась совершенно серьезной. Она укоризненно покачала головой:

— Просто я догадалась вдруг, правда, чересчур поздно, что никогда не понимала его и даже не пыталась понять. Жила одними своими чувствами, своими эгоистическими настроениями и интересами. Да и тебя тоже я не понимала и не стремилась к этому. Только без конца обижалась и ждала твоих решительных действий. Удивительно, как много обнаруживается ошибок, когда оглядываешься и видишь наконец свой путь на Земле... Почему их столько? Почему человек не в силах жить иначе, правильно, идти прямым путем? Почему он бесконечно ошибается, сбивается, идет не туда?

Лукас вздохнул и улыбнулся.

— Мы все несовершенны. Идеалов нет. Хотя к этому нужно стремиться.

— Это общие слова! — неожиданно вспыхнула Жади. — Пустые! Они ничему не учат, ничего не дают, ничего не приносят в нашу жизнь! А я хочу ее понять! Вот дядя Али, тот тоже всегда меня поучал. Ну и что? Все его старания пропали втуне! Наверное, потому, что он так и не сумел подобрать для меня нужные слова.

— А может, это ты сама не слишком прислушивалась к нему? — осторожно спросил

Лукас. — Например, по поводу Саида и меня... У вас с дядей всегда были разные мнения по этому вопросу.

На этот раз улыбнулась Жади.

— Ну, да. Поэтому я здесь, с тобой... В общем, все так запутанно и сложно. Вот и жизнь уже почти прожита, а ясности нет как нет...

Лукас покачал головой.

— Нет, жизнь еще не прожита. Особенно, если мы с тобой вдвоем. Мне кажется, вдвоем мы можем сделать очень много. И жить мы будем долго. Потому что вместе. Поодиночке у нас так не получилось бы, я уверен.

— Откуда у тебя такая уверенность? — засмеялась уже совершенно остывшая Жади.

Лукас удивленно развел руками и соорудил смешную гримасу. Прямо как мальчик.

— Сам не пойму. Просто верю — и все!

— А чем же помочь Саиду? — вновь вспомнила о бывшем муже Жади. — Мне так жаль его!

— Мне тоже. А чем поможешь? Ему необходимо перетерпеть какое-то время, потом станет легче. Да и не так уж это будет для него тяжело. Ведь он не любил Ранию. Расстаться с тобой ему было значительно труднее. Но сын... Сын наверняка был для него большой радостью.

— Да, ты прав, — вздохнула Жади. — Саид на редкость несчастный человек. Просто невезучий во всем.

Она с горечью подумала о том, что нашла свое счастье ценой трагедии бывшего мужа. Но ведь иного выхода у нее не было.

— А я так не думаю, — возразил Лукас. — Абсолютно везучих на свете нет, а насчет Саида... У него в жизни было счастье — он любил! Любил тебя. И любит. Это ли не радость?

— Ты шутишь? — изумилась Жади. — Разве неразделенная любовь может быть радостью? Одни сплошные мучения.

— Это как подходить к такому вопросу. С одной стороны, да, конечно, если тебя не любят — это боль и страдания. А с другой стороны, если человек умеет любить, если наделен этим великим даром, значит, все не так плохо в его жизни. Он душевно богат, а это очень много значит. Вообще это самое главное, на мой взгляд, для человека, все остальное — мелочи.

— Ты сильно изменился, — задумчиво заметила Жади. — Стал мудрым и рассудительным.

— Жизнь заставила! — усмехнулся Лукас. — Да и пора пришла!

На самом деле он чувствовал себя круглым дураком. Таким, каким еще не ощущал себя никогда в жизни. Он не хотел ни думать ни о чем, ни рассуждать, ни анализировать, ни вести умные и долгие беседы о политике, положении в мире, экономике, о развитии бизнеса Феррасов и их успехах и неудачах. Он был так счастлив, что ника-

кие мысли просто не лезли ему в голову, мешали, казались лишними. Да, он всегда, с юности любил Жади. Он полюбил ее, едва увидев. Но только теперь до конца осознал, что это такое — настоящее полное счастье, у которого никто и ничто не стоит поперек дороги.

Да, они были счастливы. И переполнены сильно опоздавшим, но все-таки пришедшим к ним счастьем. Счастьем, задержавшимся в дороге, но не потерянным окончательно. Им удалось то, чего многим не удавалось. Пусть поздно, ну и что? Главное, что это свершилось. И не так уж важно теперь, сколько лет они проведут вместе. Хотя, конечно, хотелось бы побольше. И Лукас уверял, что именно так и будет.

Их ночи вдвоем...

Им обоим казалось, что они попросту сошли с ума, обезумели, забыли обо всем на свете. А может, как раз так и было? Но им не хотелось — ни малейшего желания! — да и недосуг вникать в свое новое необычное состояние и с ним разбираться. В сущности, это все равно, совершенно безразлично. Они безумствовали, как молодые, едва начинающие жить и постигать этот мир, не в силах оторваться друг от друга до самого утра, пока наконец не засыпали, обессиленные, по-прежнему не разжимая рук и прижавшись друг к другу. И вечерами вновь торопились остаться поскорее наедине, закрыть дверь в

свою спальню, словно отрезав себя от всего мира, от его забот, волнений и суеты. К ним вернулась юность.

«Я никогда еще не была так счастлива, — думала Жади. — Кажется, я вообще еще не жила на свете. Только начинаю... Вот только-только, совсем недавно, несколько недель назад...»

«Я впервые в жизни так спокоен, безмятежен и умиротворен, — мысленно вторил ей Лукас. — Мне хорошо, как никогда еще не было в жизни... Как же мне хорошо...»

Они забыли обо всем, как бывало всегда и раньше, когда они оставались вдвоем. Из памяти словно стерлись Маиза, Саид, Лео... Они благодарили Небеса за то, что все-таки смогли жить так, как мечтали много лет. Им было хорошо.

Латиффа искренне радовалась за сестру. Наконец-то у Жади все сложилось! Однако в доме Мохаммеда все обстояло далеко не лучшим образом, и Латиффе приходилось несладко.

Прежде всего, муж опять неожиданно оскорбился за брата и снова начал отчаянно ругать Жади. Правда, быстро переключался на Ранию, и тогда Латиффа облегченно переводила дух, но ненадолго. Потом, если гнев Мохаммеда обрушивался на Карлу, Латиффа с удовольствием разделяла бешенство мужа. Хотя на самом деле

родители Амима ни за что не пожелали бы иметь ее своей невесткой, тем не менее они ненавидели ее, бранили и яростно без конца проклинали именно за то, что она влюбила в себя их ненаглядного сына и не пожелала ответить на его чувства.

Нелогично? Конечно. Но разве часто встречаются на Земле абсолютно логичные родители? Тем более среди искренних и сильно любящих своих детей.

Латиффа и Мохаммед одновременно и охавали Карлу, и хотели, чтобы сын был счастлив с ней. А он все никак не мог забыть ее, все не в силах был отказаться от нее, освободиться, уйти навсегда.

Самира тоже непрерывно ругала брата за это.

— Что ты за мужчина, в конце концов? — твердила она, умышлено обижая Амима, который, впрочем, уже привык к ее постоянному брюзжанию и почти на него не реагировал. — Почему ты не можешь плюнуть на эту девку и навсегда ее бросить? Это ведь не так уж сложно, особенно учитывая, что ей до тебя нет никакого дела! У нее совсем иные дела, желания и настроения, абсолютно не связанные с тобой. Ясно, как день.

Амим неизменно выслушивал сестру молча, не вступая в пререкания и споры. Ему уже надоело дискутировать с родителями и сестрой на одну и ту

же излюбленную тему — о Карле. И хотя конечно сестра была во всем права, он продолжал упорно хранить ей верность, не переставал думать о ней. Плунуть на Карлу не удавалось, как Амим ни старался. Все его титанические усилия, о которых Самира не догадывалась, оставались тщетными. Он пошел учиться, готовясь стать химиком. Самира уже была без пяти минут педиатр. И успехами своих детей Латиффа и Мохаммед гордились по праву. Однако семейная жизнь детей их не радовала.

Самира, хоть и вышла замуж, и даже была счастлива, все равно не тешила сердца родителей. Во-первых, она все-таки выбрала себе мужа не по их воле, а по своей, и не мусульманина, пусть он даже покладистый, вникающий в чужую веру парень, прислушивающийся к чужому мнению и уважительно относящийся к родителям жены. Во-вторых, у нее не было детей, она училась и отдавала все силы и время учебе, а не семье. И Зе Роберту это спокойно принимал, относился к такому положению весьма терпимо. Зато Мохаммед и Латиффа давно уже про себя негодовали, стараясь не давать своим эмоциям выплеснуться наружу. Да и что толку в их возмущении? Пусть себе дочка живет как хочет. У каждого на Земле своя дорога. И Мохаммед, и Латиффа все это прекрасно сознавали, но мириться с этим не желали. Как большинство родителей, они мечтали постоянно и во всем руководить детьми и их на-

правлять. Без этого жизнь им была не мила, казалась скучной и пресной, абсолютно неинтересной. Только друг с другом они могли поделиться всем наболевшим и излить свои чувства.

— Никак не могу понять Самиру, — нередко начинала вздыхать Латиффа. — И что ей неймется? Учиться ей надо, видите ли! Лучше бы внуков нам родила. Вылитая Жади, честное слово! Той тоже никогда на одном месте не сиделось, все рвалась куда-то.

— И добились-таки своего, — бурчал в ответ Мохаммед. — Брата моего бросила, Кадичу забрала с собой, приехала в Рио... Живет теперь с этим своим Лукасом, и все-то у нее хорошо... А брат мучается.

— Да ладно! — тотчас возражала и отмахивалась Латиффа. — Рания виновата перед Саидом куда больше, чем Жади! Это надо же — сбежать с любовником, бросить мужа! Какая мусульманка могла бы себе это позволить?! А она запросто, даже не задумалась! Все Рио этот проклятый...

Муж подхватывал.

— Не повезло брату с женами! Что одна, что вторая... А как он любил твою сестру! И продолжает любить. Хотя ничего не говорит об этом. И если Самира пошла в твою сестру, то Амим целиком в моего брата.

Латиффа молчаливо соглашалась с мужем. Она очень переживала за сына.

А тому и впрямь жилось нелегко. Погруженный в себя, в свои мысли, чувства и воспоминания, он не нашел, да и не искал себе друзей и приятелей. Знакомых у него было очень мало, в основном случайные. Общался Амим лишь с сестрой и ее мужем да с родителями. Правда, в последнее время очень привязался к тетке Назире, прямо-таки подружился с ней. •

Назира, понимая, что ее личная судьба не сложилась и теперь уже, наверное, не сложится, решила посвятить свою жизнь целиком и полностью родным, в частности, племянникам. Сначала она стала преданно помогать Кадиже и Дуде, потом Амиму. И осознала вдруг, что нашла себя, что ей стало жить легче и радостнее, когда, как ни парадоксально, беды, боли и проблемы юных сделались ей близки, словно свои собственные. Она крепко привязалась к ним, начала жить их надеждами, успехами и тревогами — их, а не своими, — появился совсем иной смысл жизни, и сама жизнь обрела другие, насыщенные краски, превратилась в новую, незнаемую раньше, увлекательную, глубокую, яркую.

Когда Рания бросила Саида, Назира помчалась спасать брата и помогать ему. Однако ментально выяснилось, что тот, к горькому разочарованию Назире, не слишком жаждал этой помощи и не мечтал о ней. Целыми днями он пропадал на работе, возвращаясь домой поздно

ночью. И Назира быстро заскучала одна — разговоры со служанками ее не устраивали — и перенеслась к Мохаммеду. Латиффа встретила ее сдержанно, но в ссору уже больше не ввязывалась — поумнела.

Затем появилась Кадижа. После долгожданного возвращения в Рио она прилипла к тетке надолго и всерьез. Кадижа часто прибегала в дом Мохаммеда, где жила теперь Назира, и увлакивала ее с собой — погулять, побродить по городу и посекретничать. Нередко за Кадижей увязывался и Дуда, часто таскавшийся за ней хвостом. Тогда секреты становились уже иными, но все равно тетка была нужна, просто необходима Кадиже и ее любимому. Вслед за ними потянулся к Назире и Амим. Произошло это совершенно случайно, хотя Назира давно ждала этого события, поторапливала его в душе и была настроена на него заранее.

В то утро они остались дома одни. Мохаммед, как всегда ушел в свой магазин, Латиффа удалась по домашним делам вместе со служанкой, а у Амима разболелась голова, и он не пошел на учебу. Мать дала ему таблетку, заставила прилечь, задернула в комнате шторы и пообещала скоро вернуться. Амим лежал тихо, почти неподвижно, и грустил, глядя в потолок. Неслышно вплыла Назира и присела рядом на стул.

— Ну как твоя голова?

— Голова-то почти прошла, — пробормотал Амин.

— А что не прошло? Ты о ней, о той самой? — проницательно спросила догадливая Назира.

— Тетя, скажи, почему люди любят и не любят друг друга? — внезапно спросил Амин.

Назира усмехнулась.

— Знаешь, это крайне сложный вопрос... Я вот дожила до стольких лет — не будем уточнять, до скольких именно, это скучно и печально, — но до сих пор не представляю, как тебе ответить. И вряд ли кто-нибудь, даже поумнее и постарше меня, сумеет ответить тебе на этот вопрос. Может, только дядя Али. Спроси его об этом. А я попробую рассказать тебе то, что знаю по поводу этой пресловутой любви и нелюбви.

Назира помолчала, настраиваясь на нужный лад. Амин по-прежнему не отрывал сумрачного взгляда от потолка — что он там нашел? — но явно приготовился внимательно слушать тетку.

— Я думаю, что мир так устроен: — не всякий умеет любить, но каждый способен ненавидеть. Уж не знаю, почему у нас так все неправильно. Наверное, люди сами постарались, больше некому. Ведь любить сложно, трудно, непросто — нужно закрывать глаза на все недостатки того, кого любишь, а они, эти недостатки, конечно, есть у всех. И так и лезут в глаза. В конце концов, получается так, что любящие начинают видеть именно

эти недостатки, сосредотачиваются исключительно на них, и любовь быстро проходит, прямо-таки исчезает, высыхает, как капли дождя под нашим жарким марокканским солнцем. А ненависть и раздражение остаются. Это беда! Наша неприязнь к людям оказывается постоянной, неизменной. Разве так учил Аллах себя вести? Разве это Его заветы? Конечно, нет. А чьи? Ой, даже не хочу говорить, откуда это все идет! Но люди стали ленивы, равнодушны, не хотят изменяться, потому что это трудно.

— Сколько раз уже я слышал, что мир стал хуже, а не лучше, — пробурчал Амин. — Тогда как нам жить в этом ухудшившемся мире? И вообще, почему так происходит? А может, это вам только кажется? Старшие поколения без конца бранят новые, словно подрядились.

— Кажется?! — тотчас взвилась Назира. — Почему это нам так кажется?! Ты лучше оглянись вокруг! Люди забыли Аллаха, забыли честь, отказались от заветов отцов! А как ведет себя молодежь здесь, в этом уютном Рио?! Да я бы ни на минуту здесь не задержалась, если бы не братья и не племянники!

Амин мгновенно вспомнил сердечные увлечения тетки именно «в этом уютном Рио», но сдержал усмешку. Обижать ее не хотелось.

— И твоя девушка, как там ее зовут... — гневно продолжала Назира. — Прости, что я заговорила

о ней, но у нас с тобой началась такая откровенная беседа... Эта твоя краля тоже хороша!

Амим отвел глаза от потолка и угрюмо уставился на тетку. Его взгляд не предвещал ничего хорошего. Но Назира была начеку, она давно приготовилась к подобному диалогу.

— Кстати, насчет этого умения любить... — сказал Амим. — О нем часто твердят многие. Только ведь это ерунда! Потому что люди просто не умеют любить одного человека и замечательно умеют любить другого. Вот и все! Чего тут выстраивать какие-то философские теории?

— И кого же она любит? — снова тонко угадала Назира.

Племянник вновь принялся внимательно изучать довольно чистый потолок. Латиффа — хорошая аккуратная хозяйка.

— Какая разница... Есть там один... По имени Лео... Но он ее как раз не любит. Даже знать не желает и видеть не хочет. А она твердит, что ребенок у нее от него.

— Лео, — задумчиво повторила Назира. — Тот самый Лео... Как же, как же, наслышаны мы о нем... Бедная женщина!

Амим тотчас сел на постели.

— Тебе ее жаль? А почему?

— Да потому, что этот паршивый Лео, которого мы все отлично знаем, никогда не женится на

ней! Несчастливая! Он просто не снизойдет до простых разговоров с ней. Он чересчур заносчив и очень высоко себя ценит. Куда больше, чем стоит. Такой характер!

— Несчастливая... — протянул Амим. — А ведь ты первая, кто ее пожалел. Все только ругают. Она и вправду очень невезучая. И такая влюбчивая... Но не в меня. — И он невесело рассмеялся.

— А тебе знаешь что надо сделать? — заговорила Назира, склонившись к племяннику.

У того сразу загорелись глаза.

— Что?

— Тебе надо жить. Просто жить, а не вспоминать! Без конца вспоминают только старики, которым уже нечем существовать, у которых сегодняшний и завтрашний день намного хуже давно прошедших, потому что сегодня они больны и слабы, немощны и печальны, а когда-то были сильны и веселы. У тебя ведь пока все не так. И у тебя завтрашний день должен быть и обязательно будет лучше дня вчерашнего.

— Должен... — скептически буркнул Амим. — Дождись!

— А ты не дожидись! — горячо предложила тетка, которая всегда была оптимистичной. — Ты сделай свой день сам! Встань с дивана, на котором вечно сидишь, и сделай! Вот увидишь, у тебя все получится! А я буду молить за тебя Аллаха!

Амим посмотрел на нее недоверчиво, с большим сомнением. Нет, он не сомневался в том, что тетка будет за него жарко молиться. Он просто не слишком верил в лучшее. Но с того дня очень подружился с Назирой, привязался к ней, сумевшей искренне пожалеть Карлу и тем самым завоевать его измученное сердце.

2

Свадьба Мел и Педрињу прошла довольно скромно, хотя Леонидас был этим очень недоволен. Он рассчитывал выдать замуж внучку шумно, богато, с колоссальным размахом и жалел о своих рухнувших планах.

— Львенок, ты уже один раз ее так выдавал, — вполне разумно заметила ему Иветти. — Зачем повторяться?

Леонидас досадливо поморщился.

— Не напоминай мне об этом! В семье Лукаса все всегда идет наперекосяк! И все не так, как надо.

— А надо, конечно, только так, как хочешь ты! — лукаво пропела Иветти. — Но мне кажется, и день ото дня все больше и больше, что в семье Лукаса как раз именно сейчас все идет хорошо и на редкость правильно. Пусть это случилось роздно, но случилось. И у Мел тоже все сложится лучшим образом. Вот увидишь!

— Нечего мне видеть! — заявил упрямый Леонидас и насупился. — И так все ясно, как солнечным днем! В этом доме никто никогда меня не слушает, вот в чем беда!

С возрастом старший Феррас становился все ворчливее, неподатливее и несноснее. Но его по-прежнему очаровательная жена не унывала. Она отлично знала, что всегда поставит на своем и все равно сделает все по-своему, а жизнь ей в этом поможет. Жизнь — самая лучшая, просто несравненная учительница и наставница.

С Леонидасом заодно в последнее время оказалась и Далва. Их солидарность начинала мешать Иветти и Лукасу. Но они оба предпочитали помалкивать и лишний раз в бессмысленные споры не вступать. Тем более что Далва стала вдруг стремительно дряхлеть и сдавать буквально на глазах. Первой это заметила Мел и сразу испугалась.

Далва, влюбленная в Шанди-два и привязанная к малышу, увлеченно нянчилась с ним целыми днями. И однажды Мел увидела, что стол, где Далва недавно кормила Шанди, остался грязным, а на полу валяются кусочки банана и колеса от игрушечной машины. Любопытный малыш обошел безжалостно ломать игрушки, выясняя, что у них внутри.

Мел стала вытирать стол и подбирать мусор. Далва смутилась.

— Что же это я, старая? — виновато забормотала она. — Недоглядела... А разве там была грязь?

— Ну да, — кивнула несколько удивленная Мел. — Ты не расстраивайся. Просто Шанди,

как всегда, пролил и молоко, и сок. И жестоко разобрался с очередной своей машинкой.

— Странно, как же это я не заметила, — растерянно и подавленно сказала Далва. — Видеть я плохо стала, родненькая ты моя. Когда смотрю в окно на деревья или на здания вдалеке, они как-то начинают плыть, двигаться...

— Плыть?! — окончательно перепугалась Мел. — Тебе нужно немедленно к врачу!

Врач обнаружил у старой нянюшки катаракту.

— Ничего, она обычно зреет очень медленно, — успокоил он.

— Значит, я умру раньше, чем ослепну, — пробубнила Далва. — Ясно... Хорошее утешение!

— К чему такие мрачные мысли?! — вскричала Мел. — С ними нельзя жить! Надо бороться!

— Однако многим приходится жить именно с такими мыслями, — философски изрекла Далва. — Поскольку других просто нет, а жить, не думая, невозможно.

Мел стала присматриваться к нянюшке внимательнее и обнаружила, что все обстоит значительно хуже, чем предполагалось вначале. Далва начала плохо слышать, недопонимать сказанное ей, часто не реагировала на происходящее. Заметивший все это Шанди, который довольно часто приезжал к сыну, сказал как-то Мел:

— А тебе не кажется, что на Далву уже опасно оставлять ребенка?

— Не кажется, — резковато возразила Мел. — Есть вторая няня. Она всегда подстрахует.

— Вот именно! — хмыкнул Шанди. — Если есть вторая, помоложе и попроворнее, то зачем нужна первая? Вполне достаточно одной, но бойкой и разумной.

Однако Мел не согласилась с ним, хотя ей на мозги стала заодно капать и донна Жура, тоже частенько навещающая внука, и, наконец, сам Леонидас. Он вызвал к себе Мел для серьезного разговора.

— Ты довольна? — спросил он, пристально вглядываясь в лицо внучки, словно пробуя прочесть все ее тайные мысли и скрытые настроения.

— Да, — просто отозвалась Мел и улыбнулась.

— А ты не собираешься забрать к себе сына?

Мел немного смутилась и замаялась. Не спрашивая никого ни о чем, она самостоятельно решила пока оставить Шанди-два в доме деда под присмотром двух нянюшек и Иветти. Педринью тоже не возражал, даже слова не сказал об этом. Да и зачем ему липший груз в виде чужого ребенка? Так рассуждала Мел. Что думал по этому поводу ее второй муж и все остальные, ее не слишком заботило.

— Мне кажется, ему лучше у вас с Далвой, — наконец, сказала она.

— Вот-вот, именно насчет нее я и хотел с тобой поговорить, — недовольно ответил Леонидас. —

Во-первых, ты можешь забрать Далву себе, а во-вторых... Во-вторых, она слабеет день ото дня, и я бы на твоём месте поостерегся доверять ей ребенка, тем более такого резвого и шаловливого, как Шанди. Увы, такова жизнь... Приходится мириться с ее жестокими требованиями.

— А по-моему жизнь, не так уж жестока, — возразила Мел. — Люди более жестоки, и намного. Зато обожают все всегда сваливать на эту самую жизнь. Потому что это очень удобно: жизнь ничего не отвечает.

— Она действует! — продолжил Леонидас. — И ее поступки по отношению к нам редко радуют.

— Так ведь мы все это заслужили! Все правильно! А насчет Далвы... Она так привязалась к малышу, что, мне кажется, если ее сейчас от него отлучить, она умрет от горя. Этого делать никак нельзя!

Мел была совершенно права. Далва, не имеющая собственной семьи и детей, отдавшая всю свою жизнь, все свои силы и время, всю свою душу семье Феррасов, искренне и справедливо считала ее родной. И расставание с ней, тем более насильственное, действительно могло йривести к необратимым последствиям. Но Леонидас не желал ничего понимать и ни с кем и ни с чем считаться.

— Пойми, все люди старятся, у всех начинаются болезни, слабеет память... Ну, и всякие другие

гадости. Это естественно, и об этом необходимо всегда помнить. Разве ты не боишься за своего ребенка?

— Боюсь, — раздраженно отозвалась Мел. Она уже разошлась. — Но значительно больше боюсь отдавать его сейчас в другие руки, к которым он не привык, которые для него чужие. Знаешь, я выросла в родном доме, где меня вроде бы окружали любящие и заботливые люди. Только они меня никогда не понимали, даже не делали попыток понять, и мне довольно быстро стало казаться, что вокруг меня — чужие. И я не хочу — слышишь, не хочу! — чтобы мой сын рос так же, как я! А с Далвой ему хорошо. Так что лишать его любимой нянюшки я не собираюсь!

Неслышно вошла Иветти, легко и быстро угадавшая, что происходит в кабинете «Львеночка» по возбужденному и чересчур громкому голосу Мел.

— Хорошо ребенку — хорошо и родителям! — с порога изрекла Иветти. — Так что будем создавать все условия детям! Не понимаю, чем же плохо Шанди?

— Ему хорошо! Плохо всем остальным, которые прямо спят и видят, просто мечтают день и ночь отнять у него Далву! — сердито выпалила Мел. — Она, видите ли, стареет и не может справляться со своими обязанностями! А кто это определил?! Я, например, очень довольна, а малыш —

еще больше. Так что никаких указаний и замечаний на этот счет я не принимаю!

— И правильно делаешь! — пропела Иветти. — Действительно, все обожают вмешиваться и лезть в чужие дела, когда у них полным-полно своих собственных. И лучше бы им заниматься личными проблемами.

— Но проблемы Мел для меня как раз разные! — взорвался в ответ Леонидас. — Близкие мне и меня волнующие! У меня один сын, одна внучка и один правнук! И чьи же проблемы для меня должны быть ближе, чем их?!

— Это в случае, когда они обращаются к тебе за помощью! — проворковала Иветти, положив ладонь на жестко сжатые в кулак пальцы мужа. — Только тогда! А пока они обходятся и справляются своими силами, приставать к ним и решать за них вовсе не нужно. Живи своими делами. Можешь и моими! Я всегда с удовольствием позволяю тебе вмешиваться, разве не так, Львеночек? — И она обворожительно улыбнулась разъяренному старшему Феррасу.

Тот слегка смягчил и сбавил тон, временно сменив гнев на милость.

— Одна лишь ты и позволяешь! Остальные сопротивляются, как воины при обороне родного города.

— Ну и оставь их обороняться дальше! — широко улыбнулась Иветти. — Нельзя же вечно воевать!

Тем более с родственниками. И должна тебя огорчить, Львеночек: боец из тебя никудышный! Не каждому ведь быть воином, им нужно родиться, а тебе была уготована иная судьба и совсем другая дорога. Так что лучше ты в битвы не лезь и в боях не участвуй. Зачем тебе это?

Мел фыркнула. Дед сурово покосился на нее.

— Это плоды твоего воспитания, Иветти!

— Я ее не воспитывала! — промурлыкала жена. — Это исключительно твои заслуги. Плюс Лукаса, Далвы и Маизы. Кстати, как там она? Почему давно не появляется? — Иветти взглянула на Мел чистым взором.

Изумились сразу оба — дедушка и внучка.

— Маиза?! Мама?! — едва не хором произнесли они и выразительно переглянулись. — А что ей здесь делать?!

Иветти невозмутимо пожала плечиками.

— Ну как — что? Поболтать со мной насчет последней моды, посмотреть модные журналы, поперебирать мои кольца и кулоны. Маиза всегда обожала брюлики и была равнодушна к драгоценностям. Помнится, их у нее раньше хватало в избытке. А вообще... — Иветти задумчиво помолчала и покачала ногой, закинутой на другую. — А вообще-то главная цель ее визита сюда — полюбоваться красотой и достоинством Жади, насладиться счастьем Лукаса, окунуться в мирную и добрую атмосферу нашего дома... Я бы не

возражала, чтобы Маиза все это увидела собственными глазами.

— Да... — протянул потрясенный Леонидас. — Только женский ум способен на такую изощренность и жестокость!

— Прости, Мел, но я уж очень не люблю, просто не переносу твою мать, — покаялась Иветти, сделав виноватый вид. — Да и ты, думаю, тоже ее не обожаешь. — И она лукаво усмехнулась.

Мел улыбнулась в ответ.

— Зато ее любит дедушка. — Мел весело посмотрела на Леонидаса.

— Любил, — поправила ее Иветти. — Время прошедшее. А сейчас он любит одну меня, и никого больше. Правда, Львеночек? — Она подарила мужу еще один нежнейший взгляд, от которого старший Феррас почти растаял.

— Ты способна перехитрить кого угодно, — пробормотал он. — И всегда настоять на своем.

— Жаль только, что вы нашли друг друга не сразу и еще потом довольно долго никак не могли пожениться, — со смехом пожалела Мел. Она уже развеселилась. — Сколько времени было потеряно зря! Тогда в нашем доме покой и мир наступили бы значительно раньше.

— Спасибо, — проворковала Иветти. — Это незаслуженные комплименты в мой адрес, но, не скрою, мне очень приятно их слышать. Так что, Мел, живи себе по-старому и даже не думай о том,

чтобы искать малышу другую няню. Обойдемся! А как там Педриньу? Почему он редко появляется здесь?

— Стесняется, — объяснила Мел. — Никак не привыкнет к новым лицам. Ему трудно жить на свете. Он слишком необщительный.

— Все равно нужно вытаскивать его в свет как можно чаще, — разумно посоветовала Иветти. — Иначе твой муж совсем замкнется наглухо в себе самом. А что думают по этому поводу Лобату и Моника?

Мел вздохнула. Она и сама отлично понимала, что в ее новой семейной жизни сложностей намного больше, чем хотелось бы. А Лобату и Моника... При чем тут они?

Нью-Йорк встретил беглецов равнодушно. Ему было совершенно наплевать на тех, кто рванулся прочь от родных берегов и пристал к его небо-скребным высям. Эмигрантов здесь было полно испокон веков, и в последние годы стало еще больше, поэтому в этой постоянной суете и круго-верти гигантского муравейника на них никто не обращал никакого внимания.

Сесеу летел с группой своих музыкантов. Они были приглашены на длительные гастролы, а потом... Потом Сесеу планировал остаться в Штатах. Огромная богатая страна манила и словно

звала его к себе. Главное сейчас — не поскользнуться, не наделать сразу же ошибок, которые потом будет очень трудно исправлять, если вообще удастся их устранить.

— Главное, не волнуйся, — успокаивал он Ранию, тщательно скрывая свои тревоги. — Все обрзается. Пока проживем, переезжая из города в город, а дальше разберемся и что-нибудь придумаем. Америка — огромная страна. И дружелюбно настроенная, на редкость расположенная к чужестранцам, поэтому их здесь всегда много.

Рания прижимала к себе маленького Саида и молчала. Она была перепугана своей собственной неожиданной смелостью, почти бесшабашностью — надо же, решилась бросить мужа и уехать за океан с любовником, забрав с собой сына! И тайный отъезд, и перелет, и неизвестность впереди, и незаконность отношений с Сесеу, и смутное будущее маленького Саида, оставшегося без отца по вине матери, — все тревожило Ранию. Да мало ли чем может быть испугана женщина, отправляющаяся в дальний путь с маленьким ребенком и новым мужем! Правда, Рания рассчитывала на поддержку сестры, но Амина тоже казалась притихшей и растерянной, совершенно не похожей на себя.

Один Нанду чувствовал себя как рыба в воде и ликовал, предвкушая море удовольствий и прекрасную жизнь в волшебной стране Америке.

Он строил планы на будущее и заранее сговорился с некоторыми поставщиками наркотиков. Помог ему все тот же Педро. Правда, после истории с Маизой старик обозлился и стал значительно подозрительнее, хотя и раньше не отличался доверчивостью и доброжелательностью к людям.

— Я прожил жуткую жизнь, — нередко бормотал Педро в своё оправдание. — Никогда не знал родителей и домашнего тепла. На моем месте ожесточился бы каждый...

На самом деле он нагло врал. Нанду был в курсе его истории. Пятнадцатилетний Педро обворовал своих родителей и сбежал из дома. А мелкими кражами в родном доме он занимался лет с девяти. Мать рыдала, отец орал, но сделать они с сыном ничего не могли. Тот не желал никого слушать и жил по законам улицы, которая и взялась за его воспитание самым серьезным образом, когда окончательно выяснилось, что Педро принадлежит ей целиком и полностью.

Перед отлетом в Америку Нанду старался всячески ободрить, поддержать и развеселить тоже приунывшую и притихшую, как и сестра, Амину.

— Ну, что ты опять нос повесила? — радостно спрашивал он. — Я ведь тебе все уже давно и не один раз говорил: у нас все будет хорошо! И даже очень хорошо. Денег — навалом! Дай только мне вырваться из Бразилии и оторваться от своих

прежних приятелей. Мне нужен простор и самостоятельность. А в Штатах того и другого будет в избытке. Так что мы с тобой заживем! Ты будешь в восторге и моментально позабудешь про свое прежнее житье-бытье.

Амина слушала и не знала, верить ему или нет. Верить очень хотелось, и все-таки что-то в самом дальнем, глубоком, тайном уголке души тревожило Амину, что-то подсказывало ей, твердило, что все далеко не так гладко, как расписывает сейчас Нанду. Да и вообще, может ли быть хорошей жизнь, зависящая от наркотиков, им и лишь им подчиненная? Хотя Амина уже безудержно увлеклась этой новой своей жизнью, погрузилась в нее с головой, она все равно порой вздрагивала и задумывалась. Грядущее казалось ей и заманчивым, особенно в живописных и ярких картинах Нанду, обладающего даром красноречия и неумной фантазией, и одновременно пугающе-темным, отталкивающим и мрачным, навевающим ужас и дышащим прямо ей в лицо липким страхом. Но Амина боролась с этим чувством безнадежности и отчаяния, убеждала себя в обратном и надеялась только на лучшее, особенно после горячих, страстных речей Нанду. А он на них не скупился.

На аэродроме сестры растерялись окончательно. Вокруг гудели неумолкающие ровные океанские волны голосов, люди смеялись, перекликались, спешили куда-то. Амина и Рания прижались друг

к другу. Проснулся на руках у матери и захныкал маленький Саид.

— Стойте здесь, никуда не уходите! — велел Се-сеу и исчез вместе со своей группой, оставив инструменты.

— Я сейчас вернусь! — крикнул Нанду и тоже бесследно растворился в толпе.

Сестры стояли и ждали, испуганно оглядываясь. «Зачем мы приехали сюда?» — подумала Амина. «Надо возвращаться», — решила Рания.

Пробудившись, Саид с огромным интересом смотрел по сторонам, вытаращив большие темные круглые глаза. Вдруг какой-то высокий негр, улыбаясь ослепительно бело, вырос рядом с ошеломленными сестрами.

— May I help you? — вежливо спросил он.

— Что?! — почти хором воскликнули сестры.

Саид неожиданно засиял и потянулся ручонками к незнакомому. Рания ужаснулась и крепче прижала сына к себе, но он закапризничал, начал раздраженно вырываться и усиленно тянулся к негру. Тот озарился в ответ, весь превратившись в одну сплошную белозубую улыбку, и тоже протянул руки навстречу малышу.

— The charming baby... May I help you? — повторил он. — Would you like to take a taxi?

— No! — опять дружно вскричали сестры.

— У-у-у! — вдруг почти басом завыл обиженный Саид и рванулся с рук матери к темнокожему.

Крупные слезы потоком покатались вниз по щекам мальчика. Он явно мечтал подружиться с этим губастым белозубым гигантом.

— Ты что, обалдел?! — грубо закричала на сына Рания. — Чего это тебе в нем так понравилось? Чужой дядька! В чужой стране!

— У-у-у! — обиженно ревел Саид и тер глаза.

Люди стали оборачиваться на его вопли.

— Замолчи! — крикнула Рания. — Прекрати немедленно! Околдовал он тебя, что ли?

Саид беспрерывно орал и упрямо тянулся к негру. Тот весело улыбался. На счастье, появился тоже сияющий Нанду.

— What's the matter? — радостно справился он.

Незнакомец начал сыпать объяснениями, половину которых сестры не понимали. Нанду слушал и одобритительно кивал.

— Чего вы испугались, не понимаю! — обратился он к сестрам. — Человек вам такси предложил, хотел помочь, а вы ударились в панику! Английский надо вам учить, вот что! И изучать законы и нравы чужой страны. Вон малыш как точно просек ситуацию! В отличие от вас. И сразу поверил человеку. А дети — они чуткие приборы. Реагируют на малейшие изменения в природе и тонко чувствуют окружающих людей.

— Почему вы нас бросили одних? — едва сдерживая слезы, заговорила Рания. — Разве так можно? И откуда мы знаем, нужна нам машина или

нет? Тем более, куда ехать... А этот пристал... — Она одарила негра злобным выразительным взглядом. Гигант в ответ продолжал безмятежно сиять и обмениваться улыбками с успокоившимся наконец маленьким Саидом.

— Ну, ладно, перестань, — с досадой пробурчал Нанду. — Только приехали — и сразу... А ты что, не могла вмешаться и успокоить ее? — обратился Нанду к Амине.

Но та была слишком взволнована переездом и реагировала на все неадекватно. Поэтому промолчала, по-прежнему глядя вокруг испуганными глазами.

Нанду махнул на женщин рукой и начал договариваться с чернокожим по поводу машин. Им нужно было сразу несколько автомобилей: народу немало плюс музыкальные инструменты и вещи. Парень оказался понятливым. Да и заработать на иностранцах хотелось. Договорились они легко, за минуту, но тут появился Сесеу и тотчас все испортил, безжалостно сломав старательно выстроенную Нанду схему.

— Прости, но я вынужден тебе повторить то, что уже говорил не раз, — жестко заявил Сесеу. — Нам с тобой не по пути. Ни я, ни Рания не будем заниматься тем, чем занимаетесь вы.

— Да кто вам это предлагал? — огрызнулся Нанду.

Негр терпеливо ждал, чем закончится спор

эмигрантов. Маленький Саид по-прежнему радостно улыбался ему.

— Дурные примеры всегда заразительны, — наставительно продолжал Сесеу. — Поэтому мы сейчас разъедемся, разбредемся в разные стороны, все по своим делам. Будем лишь иногда перезваниваться. У нас одна дорога, у вас совсем другая. Понятно я тебе все изложил?

— Понятнее некуда! — буркнул Нанду. — Ладно, бывай!

Он резко кивнул Амине, подхватил свои вещи и стремительно, не оглядываясь, двинулся на выход. Амина поспешила за ним.

Негр сначала сделал попытку догнать их, но потом остановился, недоуменно глядя на Сесеу.

— А-а-а! — истошно завопил с новой силой Саид и в который раз потянулся к гиганту.

— А ты повезешь нас, — обратился к нему Сесеу. — Только учти, пожалуйста, друг, что нас много. Сейчас все сюда подтянутся... И вот еще, это наши вещи... — Он кивнул на инструменты.

— На, держи! — вдруг сказала измученная всем происходящим Рания и вручила чернокожему малыша, рвущегося у нее из рук. — Прямо ополоумел мой парень! Орет и орет! Может, у тебя успокоится!

Гигант с готовностью очень бережно взял ребенка, который возликовал, попав наконец в те руки, к которым так стремился. И они оба начали восторженно улыбаться друг другу.

Вернувшись в Рио, Кадижа первым делом занялась собой.

— Как же я опустилась в этой ужасной стране! — притворно причитала она, с великим удовольствием и даже с восхищением рассматривая себя в большое зеркало, предоставленное догадливой Иветти в полное распоряжение Кадижи. — Пусть эта страна мне родная, ну и что? Все равно это какой-то ужас! Косметика дрянная, духи еще хуже, одеться не во что... Ничего приличного не купишь! Одна ерунда! То ли дело здесь...

Ей очень понравился и дом Феррасов, и его обитатели. Но главным образом, конечно, Иветти. Она пленила сердце Кадижи сразу и навсегда.

Мать не слишком поощряла страсть Кадижи к украшениям и модной одежде. Правда, старалась не высказываться на эту тему, но Кадижа давно отлично знала, что в глубине души мать этим недовольна и совершенно не одобряет увлечения тряпками и брюликами. По этому вопросу они общего языка не нашли, ну и что же?... Зато сумели не поссориться и жить дальше тихо и мирно. И все это благодаря матери, которая очень любила Каджу и понимала, как глупо и нелепо испортить доверительные отношения с дочерью из-за расхождения во взглядах на бытовые проблемы. А такие расхождения неизбежны. Значит, нужно учиться их не замечать, уметь

обходить стороной и мириться с ними. Иначе не прожить.

Кадижа была благодарна матери за такое понимание и снисхождение. Она тоже многое чутко улавливала и многое прощала матери, главное — разлад с отцом. Едва Кадижа выросла и вникла в отношения родителей, то сначала сразу решила не принимать ничью сторону. В конце концов, какое ей дело до их семейных сложностей? Ее, Каджу, любят абсолютно все — и мать, и отец, и дядя Али, и тетя Назира, и дядя Мохаммед, и тетя Латиффа... Чего ей еще надо? У нее есть все для полного счастья, и не стоит морочить себе голову проблемами родителей. Однако на поверку все вышло совсем не так, как представляла себе Кадижа.

Жить в семье и абстрагироваться от всего в ней происходящего, оставаться ко всему безразличной оказалось невозможно. Поневоле Кадижа втягивалась в родительские распри, пытаясь разобраться, кто прав, кто виноват. Но у нее это не получалось. Кадижа любила и мать, и отца, и принять чью-либо сторону никак не могла. А родители, заметив интерес и внимание подросшей дочери, стали полубессознательно перетягивать ее каждый на свою сторону, стараться вызвать в ней жалость и сострадание именно к себе. Хотя делали они это ненавязчиво, тактично, словно через силу, нехотя, но все-таки по-

ступали именно так, тянули каждый к себе, рассказывали о себе и о том, как они несчастны по вине другого или другой. Рассказывали вскользь, мельком, просто бросали пару-другую фраз, но они, эти фразы, моментально западали в сердце Кадижи, заставляя ее страдать по-настоящему.

В конце концов, она устала, ей опротивели все эти бесконечные тягостные семейные разборки. И властно заговорила женская суть, упрямо и настойчиво твердившая, что женщина всегда слабее, зависимее и несчастнее. В любых обстоятельствах. Близость с матерью становилась все теснее, росла и росла. А отец... Он привел в дом вторую жену, которую Кадижа сразу возненавидела. И вообще... Разве так поступают настоящие мужчины? Нельзя держать в доме женщину настолько! А угрозы отца в адрес матери? А ее страх перед ним?..

И Кадижа целиком приняла сторону матери.

Правда, далось ей это вовсе не легко. Переход на одну сторону баррикад стоил девочке немалых мучений. Она любила отца, Саид тоже ее обожал, баловал, исполнял любые ее прихоти и желания. И вот так, резко, грубо бросить его, как это сделала Кадижа... Она переживала довольно долго, даже стала плохо спать. Мать поила ее какой-то успокаивающей настойкой из трав, рецепт которой дала верная Зорайде.

Потом Кадижа стала стремиться уехать из Марокко. Во-первых, ее сильно привлекал Рио с его свободой нравов, широтой, обилием удовольствий и развлечений. А чем заниматься в этом скучном, жарком, унылом Фесе? Что делать ей там, молодой и энергичной, падкой на забавы, увеселения и наслаждения, любящей модно одеваться, влюбленной в яркую, светскую, бьющую через край кипящим весельем жизнь? Во-вторых, появился Дуда, с которым ей хотелось видаться постоянно. Поэтому Кадижа особенно в последнее время ратовала за переезд в Рио, а значит, за брак матери с Лукасом. Иного пути и возможности для переезда у них не было.

А отец... «Ну что — отец, — рассуждала Кадижа. — У него остается Рания и маленький сын. И он может взять себе еще одну жену. Даже две. Это не возбраняется. И вообще...»

Она устала вспоминать о нем, ей надоело. Кадижа хотела думать о своей новой чудесной жизни в Рио и о Дуде. А все остальное не имело сейчас почти никакого значения.

В Рио в доме Феррасов она просто пришла в восторг. В основном из-за Иветти, поскольку Лукаса знала давно и уже успела к нему привыкнуть, а Леонидас и Далва встретили мать и дочь настолько и даже враждебно. Но Иветти, Иветти! Ее присутствие, один ее милый воркующий голос, ее улыбка согревали дом в любое время суток,

при любой погоде и настроении его обитателей. Искренне любя Жади, Иветти тотчас приняла живейшее участие в судьбе ее дочери и занялась девочкой всерьез. Тем более, что делать ей особенно было нечего. И Кадижа под руководством Иветти моментально просветилась и стала ориентироваться в модах, увеселительных заведениях Рио и многом другом, связанном с веселой и праздничной жизнью.

Нельзя сказать, чтобы это очень нравилось Жади. Однако возражать и спорить она не осмелилась, ей это даже не пришло в голову. Она не хотела портить отношений с Иветти, основным ее другом в доме Феррасов, если, конечно, не считать Лукаса. Терять приятельницу в таких непростых условиях она не могла, это было бы чересчур неразумно. Поэтому Жади молчала и терпела, немного отстранившись от дочери, которая теперь полностью находилась под влиянием Иветти и попросту ее обожала. Девочка развлекалась и веселилась в обществе Дуды довольно долго, пока тот сам наконец не спросил:

— А ты чем собираешься заниматься в Рио? Так и будешь болтаться без всякого дела? Я бы тебе не советовал.

Он был по-прежнему серьезен, все так же, как раньше, иронически относился к страсти Кадижи к золоту и драгоценным камням, посмеивался над этим, но ласково, прощая ей слабости.

Но она вдруг осознала, что вся эта ее легкомысленная жизнь порхающей бабочки очень непрочна и может измениться в один день. Дуда заскучает рядом с ней, начнет искать другую, более умную, интересную, глубокую, и тогда Кадижа останется одна. А ей этого вовсе не хотелось. И она призадумалась.

3

Жизнь Лео в Рио тянулась, словно резиновая, как нудная надоевшая жвачка. Он жил по инерции, не зная, чем себя занять и отвлечь. Ходить теперь ему куда не хотелось, и он избрал другую тактику, хотя сделал это неосознанно: флегматичный и мрачный, Лео целыми днями валялся на диване. Родственники это не одобряли, но Деуза и донна Мосинья сначала были так счастливы возвращению Лео, что не слишком обращали внимание на его безделье и леность. Лишь бы он оставался дома, лишь бы не сбегал больше куда, не занимался кражами и похищениями, ничего не творил на стороне. Лучше уж пусть дремлет.

Однако очень скоро такое сонное существование Лео стало раздражать многих.

Первым удивился Албиери, часто появляющийся, чтобы провести сына, поскольку тот из дома почти не выходил.

— Деуза, что происходит? — недоуменно спросил профессор. — Я ему звоню без конца, прошу прийти в гости, приглашаю на прогулку... Он не реагирует ни на что. Мне, конечно, нетрудно са-

мому приезжать к вам, но ведь это ненормально, что здоровый юноша никуда не ходит, а только лежит.

— Это уж ваше дело! — вполне резонно отозвалась танцовщица. — Вы врач, вам и разбираться, что происходит с Лео! А по мне, так пусть лучше лежит себе на диване, чем ворует женщин в Марокко!

В чем-то она была права. Доктор вздохнул и решил серьезно побеседовать с сыном наедине. Через два дня такой случай представился. Лео был дома один, и Албиери присел возле него и осторожно заговорил:

— Сынок, ты очень сильно изменился после возвращения в Рио... Нельзя целыми днями предаваться меланхолии и депрессии. Это путь, ведущий в тупик. Нужно бороться со своим настроением. Иначе ты заболеешь по-настоящему.

— Все люди меняются, отец, — вяло и равнодушно ответил Лео, даже не глядя на Албиери. — И все время от времени болеют. Значит, просто настала моя пора, вот и все.

Он тоже был абсолютно прав, и Аугусто не сразу нашел слова для дальнейшей беседы.

— Но разве ты не находишь, что человек в твоём возрасте не должен столько лежать и ничего не делать? — осторожно продолжил он.

— Представь себе, не нахожу, — с прежним безразличием отозвался Лео. — Надоест валяться

на диване — встану. Но пока мне нравится жить именно так. А что тут странного?

— Да ничего! — начал понемногу накаляться профессор. — Кроме того, что люди в твоём возрасте работают или учатся. Во всяком случае, чем-то занимаются, а не сидят без дела, как ты! Тебя кормят родители, но сколько можно сидеть у них на шее?

— Мать не возражает, — так же лениво и невозмутимо ответил Лео. — И у вас всех есть деньги, чтобы меня содержать. У тебя в том числе. Это же временно... Я встану когда-нибудь и найду себе занятие.

— И когда же это произойдет? — Албиери с трудом сдерживал себя. — Долго нам ещё ждать такого счастливого события?

Лео сонно пожал плечами. У него, похоже, не осталось сил даже для этого движения. И доктор внезапно встревожился. Почему он предъявляет сыну претензии? Ведь юношу нужно лечить! Он серьёзно болен. Необходима срочная консультация психотерапевта. На это намекала и Деуза, а матери всегда виднее все проблемы её ребенка.

Аугусто вышел в другую комнату и немедленно, не откладывая, позвонил знакомому врачу. Тот согласился приехать через час.

Лео отнесся к визиту незнакомого доктора без всякого энтузиазма, с привычным безразличием. Взволнованный Албиери оставил врача наедине с

сыном и растерянно бродил по коридору в ожидании медицинского заключения.

Психотерапевт разговаривал с Лео довольно долго. Наконец он вышел из комнаты и поманил Аугусто на кухню.

— Вот какое дело... — неторопливо заговорил врач, плотно закрыв за собой дверь. — Молодой человек, похоже, не просто притворяется. Конечно, он решил на время выйти из игры и позволить себе расслабиться, не без того. Но налицо тревожные симптомы. Нужно его лечить! Я сейчас назначу лекарства. А ты проследи, чтобы он принимал все обязательно по схеме, именно так, как я скажу. Через месяц позвони мне снова. Я зайду посмотреть.

Албиери грустно кивнул. Картина была ясна.

Накупив выписанных лекарств и микстур, он вернулся в дом Деузы. Сын по-прежнему неподвижно лежал на диване.

— Сынок, — с наигранной бодростью объявил профессор, — давай начнем принимать лекарства, назначенные моим другом! Он отличный врач и прекрасный человек! К его мнению стоит прислушаться.

Лео вяло повернул голову в сторону отца.

— Прислушаться? Ладно... А что нужно пить?

Обрадованный его согласием, доктор стал выкладывать на стол таблетки и капли.

— Так много? — изумился Лео и подозрительно покосился на лекарства на столе.

— Да разве это много? — заторопился успокоить его отец. — Совсем не много, всего ничего...

— Я не привык пить лекарства, — пробурчал Лео.

— Конечно, ты здоровый человек. Но, как ты сам недавно разумно замечал, настало твое время принимать таблетки. Ничего страшного.

Лео скорчил недовольную гримасу. И в этот момент весьма неудачно явилась домой Деуза. Хотя все равно скрыть от нее ничего бы не удалось, профессор рассчитывал пока не огорчать ее всей полнотой информации. Но его проекты мгновенно сорвались.

— Это что такое? — беспокойно спросила Деуза и метнулась к столу. — Ты совсем разболелся? — тревожно обратилась она к сыну. Ее голос сразу стал дрожать и срываться, и профессор опять пожалел несчастную женщину. — Что с ним? — повернулась она к Албиери.

— Да это все он сам выдумал! — махнул Лео рукой в сторону отца. — Ему прямо неймется! То одно у меня не так, то другое не в порядке!

— Раз доктор говорит, значит, так оно и есть! — неожиданно для Лео приняла Деуза сторону профессора. — Он знает лучше, чем ты и я! И вообще ты должен его слушаться. Если бы ты делал это всегда, все было бы совсем иначе!

— Ну да, как же! — насмешливо пробубнил Лео. — Если бы я его слушался, я бы никогда не влюбился, не сходил бы с ума, не метался бы, как

зверь в клетке... «Все было бы совсем иначе!» — передразнил он мать. — Чушь!

— Ладно, хватит вам пререкаться! — поспешил вмешаться Аугусто. — У тебя еще вся жизнь впереди. А пока надо немного подлечиться.

Встревоженная Деуза потянула его на кухню.

— Что с Лео? — спросила она, уставившись прямо в глаза доктора.

— Ничего страшного, не волнуйтесь! — попытался успокоить ее Албиери. — Нервное расстройство, срыв... Это понятно. Его смотрел сегодня мой приятель, очень хороший психотерапевт. И эти назначения — его. Все уладится. Лео встанет с дивана и начнет жить по-другому.

Деуза печально покачала головой:

— Мне в последнее время постоянно кажется, что ничего не изменится... Все останется точно так же, как сейчас. Или даже станет гораздо хуже. Лео вырос, а его проблемы стали значительно острее и страшнее. Когда-то я думала, он перерастет их, как многие дети. Не перерос...

— Все уладится, — безнадежно повторил профессор, отчаянно жалея Деузу, Лео, самого себя и всех остальных, причастных к этой истории, и понимая, что лукавит, чтобы хоть как-то утешить бедную мать. — Я верю в это!

Он ни во что уже не верил. Но чтобы жить дальше, нужно было убедить самого себя, что лучшее не за горами.

После довольно скромной свадьбы Мел и Педриньу начали постигать азы брака. Для Педриньу это вообще было совершенно новой наукой, а для Мел, уже побывавшей замужем, многое все равно осталось незнакомым. Ее стаж семейной жизни был невелик, да и провела она годы замужества в основном не с мужем, а с наркотиками да в клиниках, среди врачей. Так что ей тоже приходилось многим овладевать заново, многое изучать и постигать наравне с мужем.

Жизнь вдвоем оказалась совсем не простой. Раньше они встречались, пусть и каждый день, но обязательно по какому-нибудь поводу — съездить вместе на пляж, или сходить к кино, или в бар, просто поболтать, обсудить новый фильм, показанный по телевизору. Теперь они буднично находились наедине друг с другом каждый вечер, каждое воскресенье, были вместе без всяких причин и поводов, таких как праздники и выходы в свет. Если раньше времени на встречи им всегда не хватало, то теперь его стало с избытком, и Мел первая обратила внимание, что им вроде бы не о чем говорить, все уже переговорено.

«Странно, — думала она, — так ведь не должно быть. Как могло случиться, что у нас вдруг недостает тем для разговоров?»

С Шанди у нее все было не так. Когда-то они вместе ходили на дискотеки, в бары, а потом... Потом она забредала туда с иными друзьями и

подругами, тоже увлекающимися наркотиками, — Нанду, Режиной... А Шанди искал Мел по городу... Как давно это было! И как недавно.

Но прежние закадычные приятели и приятельницы исчезли после того, как Мел бросила наркоту. Новых она завести не успела. А у Педриньу практически не оказалось друзей, кроме Моники да отца. Мел считала это странным, но разумно предпочитала держать свое мнение при себе. Замкнутый, погруженный в себя, патологически застенчивый, ее второй муж не мог найти себе друзей да и не хотел искать. Ему было вполне достаточно тех, кто был рядом, кого уже подарила ему судьба. Новых знакомств он попросту боялся.

Но этого было недостаточно Мел. Она наконец обрела новую жизнь и хотела, чтобы в ней все было по-новому. И чтобы новые приятели тоже в ней были.

— Пойдем куда-нибудь, — неуверенно начала она все чаще и чаще предлагать Педриньу по вечерам. — Мне скучно все время сидеть дома. Тебя целый день нет...

Он удивлялся, недоуменно пожимая плечами.

— Куда? И зачем? — искренне не понимал он. — Дома так хорошо... Разве тебе плохо со мной вдвоем?

Мел боялась его обидеть и была не в силах ничего ему объяснить.

— Да нет, почему плохо... Я этого не говорила... Мне хорошо с тобой, спокойно, уютно... Но понимаешь, нельзя же просидеть всю жизнь в четырех стенах! Нам даже некого пригласить в гости.

— Ну и что? — Педринью старался ее понять, но никак не мог. — Давай пригласим Монику. Или моего отца. Или твоего с новой женой.

— Нам нужны друзья! Ровесники! — настаивала на своем Мел.

— Мне никто не нужен, кроме тебя, — отвечал Педринью и тянулся к ней губами.

Как правило, все споры и выяснения отношений на этом заканчивались. Мел тоже было хорошо с мужем, но вновь просыпалась тяга к живой, а не запертой в доме жизни, снова рождалась неудовлетворенность, появлялось ощущение неполноты жизни, ее какой-то ущербности. И тогда Мел опять начинала тосковать, грустить и скучать. Но муж не обращал на это никакого внимания, словно не замечал. И он на самом деле ничего не замечал. Он просто наслаждался своим тихим счастьем с Мел, безоблачным, как ему казалось. Педринью жил вдали от мира с его тревогами, заботами и суетой. И это было, с одной стороны, хорошо, но, с другой — очень плохо. До конца его понимала лишь Моника да старался понять отец. Всем остальным Педринью справедливо казался чересчур странным, но он

рассеян — и совершенно напрасно — игнорировал мнение этих всех остальных.

Не заводил он и речи, даже не вспоминал о сыне Мел. И тоже совершенно напрасно. Хотя бы дипломатии ради следовало бы и говорить о мальчике, и заезжать к нему. Мудрые мужчины так и делают, хотя на самом деле им глубоко наплевать на детей от предыдущих браков своих новых жен. Но внимание и забота об этих детях резко поднимает их цену в глазах жен, и ради сохранения мира и спокойствия в семье, ради сохранения самой семьи умные и дальновидные мужчины идут на все. Но Педринью не знал и не понимал этого.

Моника как-то попыталась направить брата на путь истинный, заглянув к нему однажды на службу.

— Ты почему так редко едешь к Феррасам? — спросила она.

— А зачем? Что мне там делать? — искренне удивился брат. — Ты ведь знаешь, я не люблю новых людей. А там их слишком много. И все чересчур пристально меня рассматривают и без конца норовят затеять со мной длительные дискуссии и начать долгие разговоры, едва я туда попадаю. А я не умею вести беседы.

— Это я все прекрасно знаю, — отозвалась Моника. — Но только ведь ты уже глава семьи, защитник, у тебя совсем иной статус, чем был

раньше. Значит, пора меняться хотя бы немного. Понимаешь, ты должен себя преодолеть, переломить и заставить бывать у Феррасов. Пусть даже через силу. Иначе начнутся обиды, непонимание, да и что касается малыша... Ты должен его видеть хотя бы для проформы. А у тебя одни чертежи и проекты на уме. — Она задумчиво осмотрела стол брата, действительно заваленный бумагами. — Дома, дома... Ты давно научился отлично строить чужие, но, боюсь, не представляешь себе, как строить свой собственный. Тебе пора учиться, пока не поздно.

Педринью начал слегка раздражаться.

— Ты пришла сюда учить меня уму-разуму? Очень тронут! Большое тебе спасибо! Но у нас с Мел все хорошо! Просто замечательно! И я не понимаю, что вдруг тебе взбрело в голову читать мне наставления! Вот если бы у нас с Мел в семье начались скандалы...

— У вас они вряд ли когда-нибудь начнутся, — проницательно заметила Моника. — С вашими-то характерами... Хотя кто знает... Ладно, я пошла. Привет Мел!

А та тосковала и металась все сильнее и сильнее, разрываясь между своими желаниями, мужем и сыном. Днем она стала все чаще и чаще ездить к малышу.

Далва и все остальные домочадцы встречали Мел неизменно ласково, но она начала замечать,

что они все посматривают на нее чересчур пристально, словно хотят о чем-то спросить, но никак не осмеливаются.

— Смотри, как он вырос! — каждый раз встречала Мел Далва одной и той же фразой и горделиво поднимала вверх малыша.

Шанди-два уже начал бойко топать ножками и каждый раз всегда неизменно старался продемонстрировать матери свое умение. Он вообще был достаточно самостоятелен и всегда стремился ускользнуть из-под опеки, рвался в путешествия по двору и по дому без сопровождающих его лиц. Нянюшки дружно протестовали и бросались за ним следом, что всегда крайне возмущало Шанди. Он начинал орать и топать ногами.

— Няньки его избаловали! — всякий раз сердился Леонидас, слышав эти вопли. — А все потому, что у ребенка толком нет родителей. Какие-то приходящие родственники: Мел приезжает редко, Шанди — и того реже. Посидят, поболтают с Далвой, поразвлекаются, поиграют с ребенком — и поминай как звали! Ребенок даже не успевает к ним толком привыкнуть, узнать их, как нормальных родителей. Бедный малыш, брошенный отцом и матерью!

— Что же делать, если у Мел так сложилась жизнь, — однажды ответила ему Иветти. — Она тоже переживает и казнится. И страдает из-за ре-

бенка. Но, знаешь, Львеночек, мне почему-то кажется, что у нее все будет хорошо. Просто чуточку позже. Надо немного подождать.

— Я всю свою жизнь только и делаю, что жду, когда у них все сложится, — проворчал Леонидас. — То у Лукаса, то у нее... И никак не могу дожидаться.

— Зато ты дождался меня! — лукаво пропела Иветти. — И теперь счастлив! Ну признайся, скажи мне честно — ты со мной счастлив?

Леонидас глянул на нее — кокетливую, красивую, неизменно молодую — и поневоле восхищенно улыбнулся. Да и какая бы мужская душа не восхитилась Иветти? Вряд ли кто-либо остался бы равнодушным рядом с ней.

— Ты ведь все прекрасно знаешь, плутовка! — притворно погрозил он жене пальцем.

— Ты не представляешь себе, Львеночек, как приятно слышать похвалы самой себе! Видно, я чересчур тщеславная и ненасытная. Но сколько бы я ни слышала в свой адрес комплиментов, мне всегда их мало, и хочется услышать еще и еще.

— Давай я тебе напишу их все, и ты будешь их перечитывать столько раз в день, сколько захочешь. Пока не надоест, — насмешливо, но ласково предложил Леонидас.

— Нет, Львеночек, читать и слышать — это очень разные вещи, — отказалась, нежна мурлы-

ча, Иветти. — Я когда-то читала, что женщина любит ушами.

— Банально! — отрезал Леонидас.

— Возможно. Зато правдиво. И ты не можешь это отрицать.

Леонидас опять улыбнулся. Да, он был удивительно счастлив. И почему он столько лет бегал от своего счастья, сопротивлялся ему, капризничал, как ребенок? Сейчас даже смешно вспоминать об этом. И одновременно грустно. Но как хорошо, что судьба все-таки сжалилась над ним и подарила такие светлые и спокойные последние годы жизни...

— В нашем доме, — отметила Иветти, — сейчас произошла не просто смена декораций, но и смена настроений, поменялась вся атмосфера дома. Правда? Именно поэтому я и думаю, что у Мел тоже, как у тебя и у меня, как у Лукаса и Жади, должно все сложиться наилучшим образом. Это будто запрограммировано кем-то наверху. Ты понимаешь меня, Львеночек?

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты оказалась права. — Леонидас не был столь оптимистично настроен и не разделял уверенности жены.

— Так и будет! — безапелляционно заявила Иветти, словно печать на документе поставила. — Все идет к тому. И вообще я редко ошибаюсь! — И она просияла с великолепной наглостью.

Нанду тоскливо смотрел вслед машине, уездившей Ранию, малыша и Сесеу. Остальные музыканты отъехали в другом такси.

— Почему мы не едем? Что ты застыл? Нужно ловить машину, — дернула его за рукав Амина.

Она все так же испуганно озиралась по сторонам, тщетно стараясь не показывать этого и держать себя в руках.

— Тебя не волнует расставание с сестрой? — резковато спросил ее Нанду.

Она натянуто улыбнулась:

— Это ненадолго. Рания не может без меня обходиться больше двух дней.

— Теперь не то, — возразил Нанду. — Теперь ею руководит Сесеу. А уж он ни за что не позволит ей видиться с нами. Этот как сказал, так и будет!

— Такой твердый характер? — удивилась Амина. — А вроде бы совсем непохоже... Он кажется мягким, прямо восковым.

— Много ты понимаешь, что похоже, а что нет, — пробурчал озлобленный и взвинченный Нанду. — И характер у него скорее упрямый, чем твердый. Ну да это для нас все равно... Не могу больше... Где у нас шприц?

— Да нет, не здесь, только не здесь! — Амина испугалась еще больше. — Ты с ума сошел! Колоться в Нью-Йоркском аэропорту! Тебя сразу заметут в полицию! Мы с ходу нарвемся на большие неприятности.

Но Нанду совершенно не слушал ее. Ему стало плохо уже в самолете: сказывались многие часы без наркотика. И поэтому он мгновенно выхватил у Амины из рук сумку, куда она, по его предположению, сложила самое необходимое, и рванулся к туалету.

Нанду не ошибся: наркотики и шприцы лежали именно в этой сумке. В туалете он закрылся в кабинке и вколол нужную дозу. Сразу полегчало.

К поджидавшей его красной от волнения и страха Амине Нанду вернулся совсем в другом настроении, плавной и легкой походкой.

— На, держи! — кинул он ей сумку. — Трусиха! Хватит тебе дрожать! У нас впереди вся жизнь! И весь мир! Эй!

Нанду весело остановил такси, из которого выходили пассажиры, и склонился к водителю, что-то ему втолковывая по-английски. Амина ждала. Первый страх понемногу рассеивался. Шум и суета вокруг даже стали нравиться. А какие богатые люди... Какие шикарные машины... Ну, ничего, у них тоже очень скоро все это будет. Даже лучше, чем у многих.

Нанду махнул Амине рукой и стал с помощью водителя грузить в такси вещи. Взяли они с собой немного.

«Зачем тащить в Штаты барахло? — рассуждал Нанду. — Там обоснуемся и купим все, что нужно».

Сейчас Амина убедилась, как он был прав. Путешествовать лучше налегке. Точно так же приехали в Америку Сесеу и Рания.

— А где мы будем жить? — спросила Амина, усаживаясь в машину.

Нанду весело подмигнул:

— В самом лучшем районе Нью-Йорка! Не бери в голову! Все о'кей!

Такси тронулось с места. Амина с любопытством рассматривала проносящийся за окнами город. Ехали долго.

— Какой огромный и шумный! — воскликнула она. — А ты здесь бывал?

— Приходилось, — усмехнулся Нанду. — Несколько раз... Кое-что здесь знаю. Скоро приедем.

Когда машина затормозила, Амина недоуменно огляделась.

— И это называется лучшим районом Нью-Йорка? Ты пошутил или решил поиздеваться?

Вокруг высились серые страшные здания, не внушающие доверия, как в смысле жителей, так и в отношении своей прочности. Относительно чистоты сомневаться не приходилось: неприятный запах говорил сам за себя.

Нанду хохотнул, выгружая вещи из машины.

— А ты хотела жить сразу на Пятой или Пятдесят седьмой авеню? Не получится, милая. Сначала надо пообтереться именно здесь. Ничего, при-

выкнешь. Тут не так уж скверно, как кажется на первый взгляд.

В общем, Нанду оказался прав. Квартирка, пусть и крохотная и на последнем этаже, была довольно уютной, милой и даже опрятной. И обходилась им в месяц очень недорого. Пришлись Амине по нраву и скромные соседи-бельгийцы, занимающие квартиру напротив. Так что жизнь сразу пошла неплохо. Одно огорчало Амину: сестра как в воду канула. Не подавала о себе ни единой весточки, ее мобильник был постоянно заблокирован, как и сотовый Сесеу.

— Они, наверное, меняли телефоны, — с горечью сказала как-то Амина Нанду.

— Наверняка, — рассеянно и безразлично откликнулся тот. — Ну и что? Не переживай. Они обязательно найдутся.

— Я видела афиши, — грустно заметила Амина. — И еще слышала по радио и видела по телевизору... Группа Сесеу выступает с большим успехом. Им могут предложить остаться в Штатах.

— Позавидовала? — ухмыльнулся Нанду. — Брось! Им предложат, а мы останемся сами. И неизвестно еще, кому будет лучше.

Шустрый и общительный Нанду моментально то ли обзавелся, то ли восстановил старые связи в Нью-Йорке. Амину он в подробности своих дел не посвящал. И правильно. Незачем ей еще морочить себе голову всякими сложностями! И вообще

женщине это ни к чему, тем более мусульманке. Она может быть хорошим исполнителем — и прекрасно!

Полеты Амины в Марокко временно прекратились. Она довольно удачно выполняла роль курьера, перевоза наркотики и деньги. Ни разу не попала, никем не была заподозрена. Ей везло. И Муса со своими сообщниками был доволен. Вполне. Хвалил Амину и всякий раз, когда она прилетала в Касабланку, жадно оглядывал ее с ног до головы, не скрывая своего желания. Довольная Амина каждый раз слегка краснела и делала вид, что не замечает этих сальных взглядов.

Наконец Мусе эта игра в гляделки надоела.

— Ты мне нравишься! — сказал он в очередной приезд Амины.

— Я знаю, — скромно отозвалась она.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — недобро ухмыльнулся он.

— У меня есть муж, — невнятно пробормотала молодая женщина.

Правда заключалась в том, что этот наглый и грубый Муса тоже стал ей нравиться. Даже очень. И он это отлично чувствовал.

Амина не сомневалась в том, что не любила Нанду. Он был просто ей нужен, поскольку отвечал некоторым ее жизненным целям и задачам. Это был союз по расчету. Таких на свете заключается великое множество, и нельзя сказать, что все

они — плохи и непрочны. Чаше даже наоборот. Однако изменять своему, пусть и незаконному мужу... У Амины сохранились еще некоторые принципы. Эти голоски мусульманской жизни и законов ее предков каким-то странным и причудливым образом тесно переплетались с ее новыми, европейскими принципами, а точнее, с беспринципной и незаконной жизнью, утвердившей в Европе свои собственные каноны и правила, далекие от общепринятых.

— Какой он тебе муж? — резонно возразил Муса. — Так, сожитель... А твои родители знают об этом? — Он ехидно и злобно прищурился. — Может, им сообщить? Я могу...

— Я знаю, ты все можешь и на все способен! — придя в волнение, перебила его Амина. — Только мне уже теперь, как и сестре, на мнение и осуждение родителей наплевать! Мы давно живем по-своему, другой жизнью, отделились от родных и тех людей, которые жили возле нас в Фесе. Это словно происходило в ином, почти забытом мире. И сейчас даже странно и непривычно вспоминать о той жизни в родительском доме с матерью и отцом. Мы оторвались от них, и оторвались навсегда. И не жалею об этом.

— Что верно, то верно, — хмыкнул Муса. — О чем тебе жалеть?

— Но за Нанду я собираюсь замуж, — продолжала Амина.

Она была будто наэлектризована. Плотские желания разгорались в ней все сильнее и сильнее. Ей хотелось быть с Мусой, хотелось испытать близость уже с другим мужчиной и посмотреть, кто понравится ей больше. Извечное пагубное Евино любопытство, от которого не застрахована ни одна из живущих на Земле женщин.

Существовала еще одна причина, толкающая Амину к опасному шагу.

В последнее время Нанду стал равнодушен к своим мужским обязанностям. Ему ничего не хотелось, и если Амина выражала откровенное желание, Нанду лишь удовлетворенно посмеивался. Сначала Амина недоумевала, ничего не понимала и просто злилась. А потом догадалась: наркотики, которыми Нанду увлекался все сильнее и сильнее, сделали свое злое дело. И Нанду, с виду еще крепкий и бодрый, как мужчина уже почти нигде не годился, несмотря на молодость и физическую силу. Следовательно, Амине надо искать заместителя на стороне. А что его искать, когда он тут рядом, и сам проявляет к ней интерес.

— Какой из твоего Нанду муж? — пробурчал Муса, словно подслушав ее мысли.... — Толку от него... Из него даже путный исполнитель — и то не получится. И чего ты за него держишься, не понимаю.

«Другого нет», — хотела сказать Амина, но вовремя удержалась. А вот от желания удержаться не

удалось. Сопротивляться ему уже не осталось никаких сил...

Близость с ненасытным, жадным до утех Мусой оказалась необыкновенной, превзойдя все ее ожидания. С тех пор Амина с нетерпением ждала очередного вылета в Марокко и новых встреч с Мусой, стараясь, однако, чтобы Нанду ничего не заметил. Но он был не слишком внимателен к ней, больше следил за деньгами, оборотом наркотиков, прибылью, а на такие мелочи, как увлечения и настроения Амины, попросту не обращал никакого внимания. Ее это оскорбляло, но, с другой стороны, позволяло свободно жить и устраивать жизнь по своему усмотрению, на свой лад.

И вот в Штатах поездки в Марокко неожиданно прекратились...

— А когда я полечу в Касабланку? — осторожно спросила как-то Амина у Нанду.

— Полетишь, — недовольно отмахнулся он. — Немного попозже. Тут у меня кое-что налаживается потихоньку, затеялась одна новая авантюра... Подожди немного. Возможно, понадобится и твоя помощь. Ты ведь у нас уже опытный наркокурьер! — И Нанду захохотал.

— Так ты решил не разрывать контакт с Марокко? — продолжала допытываться Амина. — В последнее время ты мне ничего не рассказываешь о наших делах, все молчком да молчком...

— Да потому, что дел пока никаких серьезных нет! Как появятся, так все выложу обязательно. А Марокко... Вполне возможно, что слетать туда еще понадобится. Так что жди! И будь готова в любой момент отправиться туда!

Амина сразу приободрилась, вновь постаравшись себя ничем не выдать и сохранить внешнее бесстрашие и безразличие. Она была готова. А пока необходимо было ждать, привыкать к новой жизни и новой стране, такой чужой, непонятной и пугающе огромной...

4

Амиму неожиданно позвонила Карла. Он обрадовался так, что поначалу даже потерял дар речи.

— Ну, у тебя все в порядке? — вскользь справилась для проформы Карла. — Говорят, у тебя большие успехи в учебе. Способный мальчик! — и она хохотнула.

— Кто тебе сказал об этом? — с трудом преодолел растерянность Амин.

— Неважно! Разве это неправда? А что, говорят, вернулся Лео? Вместе с твоей сестренкой Кадижей...

— Так вот ты почему мне позвонила... — Амин тотчас помрачнел. — Могла бы узнать у кого-нибудь другого.

— Так это правда? Вот, значит, как... А от меня почему-то утаивают эту новость. В общем, я догадалась об этом случайно. А потом наведальась в ателье отца Лео и там все потихоньку вызнала от его работников. Ладно, пока! Не вешай нос! У тебя все хорошо, даже отлично. — И Карла повесила трубку.

Мрачный Амин поплелся к себе в комнату и упал ничком на диван. Латиффа бросилась за сыном.

— Что случилось? Это звонила она? Что ей надо от тебя?

— В том-то и дело, что ничего, — с отчаянием ответил Амин.

— Послушай, тебе пора забыть ее, — осторожно завела свою излюбленную песню Латиффа. — Так ведь нельзя жить! Какое-то сплошное мучение!

— А жизнь часто безрадостна. У кого ты видела легкое существование?

— Дядя Али и Зорайде всегда уверяли, что жизнь станет прекрасной, если ты будешь помнить про Аллаха и часто молиться Ему, — напомнила Латиффа.

— Наверное, они правы. Только Самира и я выросли здесь, в Рио, а тут другие законы.

— Тут их попросту нет! — возмущенно выкрикнула Латиффа. — А то, что здесь выдают за законы, чистое безобразие! Одно сплошное беззаконие и порок!

• — А тогда зачем же вы сюда приехали? И нас с собой привезли? — ехидно спросил Амин.

— Да разве мы знали, куда едем?! — запричитала Латиффа. — Разве представляли, что это такое? И все деньги проклятые! Бизнес этот самый! Торговля! Вот и наказание нам за нашу грешную

жизнь! Родители всегда расплачиваются своими детьми! Я говорила Мохаммеду, да разве он меня слушал?! А ведь дядя Али предупреждал, предостерегал нас!

— Когда это ты говорила брату о Рио? — возникла на пороге возмущенная Назира. — Никогда ничего подобного не было, никогда! Ты сама сюда рвалась! Да, рвалась! А Мохаммед вообще тебя слушал больше, чем требовалось в семье. Мусульманину не стоит так прислушиваться к жене, как он к тебе всю жизнь. Но он тебя очень любил и любит по сей день.

Латиффа сразу обрадовалась и довольно заулыбалась, на минуту забыв о сыне.

— Любви! — продолжала Назира. — Вот что надо всем людям на Земле! Вот за чем они гоняются, вот чего добиваются всеми силами! А надо только любить Аллаха, и больше ничего! Правильно говорит дядя Али!

«Ну, раз они обе начали вспоминать дядю Али, это надолго, — подумал Амин. — Можно отключиться и не слушать... Только потом они обе вспомнят обо мне и снова примутся поучать и наставлять. Уже в два голоса. Как надоело. Может, уехать от них в Марокко, в Фес, и отдохнуть там от всех вдали?..»

Мысль была неожиданной и понравилась Амину именно этим. А что? Даже интересно... Скоро каникулы. Вот он и улетит в родной город.

— И тебе нужна любовь, и твоему сыну! И вообще всем! Это точно, — громко рассуждала Назира. Она по-прежнему недолюбливала невестку, хотя давно уже примирилась с ней и даже в чем-то соглашалась. — Тогда зачем ты упрекаешь его, укоряешь его этим? С его желаниями ничего нельзя сделать. Вот что, милый, — обратилась Назира к племяннику, — тебе просто нужно понять одну простую вещь. Хотя на самом деле понять ее довольно сложно... Жизнь не сосредоточивается на одной этой твоей Карле и ею не ограничивается. Жизнь огромна, в ней очень много всякого разного, хорошего и плохого, но женщина в ней — всего лишь эпизод, если она тебя не любит. Да и вообще, сам посуди, почему она, эта твоя Карла, обязана любить именно тебя? Ведь двое любят друг друга довольно редко, это совпадение, которое не так уж часто встречается.

— Какая ты стала мудрая и опытная! — протянула Латиффа одновременно иронически и уважительно.

— Тут станешь! — огрызнулась Назира. — А не станешь, так заставит та же самая жизнь! Ты оглянись вокруг! — снова обратилась она к племяннику. — Посмотри, сколько рядом людей, сколько кругом интересного, любопытного! Сколько занятий, увлечений! Какое на небе солнце, а какая ночью луна! Какое высокое и сильнее здесь небо! Какие у тебя хорошие, заботли-

вые, добрые родители! Какая у тебя ласковая и любящая сестра! Какая тетка, в конце концов! — Назира гордо выпрямилась и подняла кверху нос.

Латиффа и Амим дружно засмеялись.

— Вот так бы всегда и смеялись! — обрадовавшись за них, посоветовала Назира. — Как было бы хорошо в этом доме! Не то что у Саида... — Она сразу погрузилась и насупилась.

— А как он? Не лучше? Не приходит в себя? — осторожно спросила Латиффа.

— Ему вообще незачем так печалиться! — вновь взорвалась Назира. — Было бы о ком! Разве что о сыне... Эта гадина увезла малыша с собой! А ребенок должен остаться с отцом, это знают все мусульмане! Да какая она мусульманка!.. И эта ее сестра... Ведь Рания полностью находится под ее влиянием и властью. Эта Амина командует и управляет сестрой как хочет. Нет, конечно, любовь к близким и родственникам — дело хорошее, я это только приветствую, но нельзя же так-то! У каждого должно быть свое мнение, своя жизненная позиция! А у Рании ничего-нет. Поэтому Амина и подчинила ее так легко. Лучше бы Рания подчинялась мужу! А теперь ее еще завлек этот парень-музыкант! На чем он там играет?

Латиффа безразлично пожала плечами.

— Кажется, на гитаре. Точно не помню, — неохотно ответил Амим.

— Вот-вот! — никак не успокаивалась Назира. — Теперь этих самых музыкантов развелось видимо-невидимо! Все молодые норовят ими стать и брэнчать на чем-нибудь. И завывать дурным голосом под дурацкий аккомпанемент! Вон по телевизору показывают... Что в том хорошего? Разве это занятие для мужчины?

— Как раз для мужчины, — возразил тетке Амим. — Ты бы видела, сколько у них поклонниц! Эти фанатки прямо рвут их на части, не дают прохода, подкарауливают у дома и после концертов. А что творится на выступлениях рок-групп! Ужас! Толпы девиц и парней, крики, истуПЛенные вопли, подпевают группе, подскакивают на месте, бешено аплодируют... Наверное, это всеобщее безумие. Даже страшно иногда.

— Страшно — так и нечего тебе туда ходить! — резонно заметила Латиффа.

— А я и не хожу! — огрызнулся Амим. — Больно надо! Смотреть там на лохматых и красных от перевозбуждения девчонок, от которых в духоте и давке отвратительно несет потом! Фу! — Он брезгливо скривился.

— Ты очень похож на Саиду, — внезапно печально заметила Назира. И была права. — Такой же постоянный в любви, замкнутый и мрачный. Удивительно, как иногда могут быть похожи друг на друга племянник и дядя. А Самира — вылитая Жади. Только на меня никто не похож.

— Вот если бы родители произвели на свет третьего ребенка, тот обязательно был бы похож на тебя, — поспешил ее успокоить Амим. — И потом, может быть, наши дети будут как раз твоей копией. — Он тоже загрустил и мгновенно помрачнел, вспомнив Карлу. — Самира обязательно родит тебе кого-нибудь...

— Как же, Самира родит! От нее дождешься! — нашла новый повод для возмущения Назира. — Она у нас только учится! У нее один свет в окошке — учеба! Скоро уже окончит, и что тогда? Начнет работать, лечить детишек, даже, возможно, откроет свою клинику... Ну и что? Что дальше? Да, Латиффа, тут ты и Мохаммед полностью правы. Женщина должна жить ради семьи и рожать детей, а не задаваться высокими целями. У нее в жизни одна задача — семья и дети.

Латиффа согласно кивнула, Амим скептически хмыкнул.

— Ну, и куда ты собираешься летом? — внезапно спросила тетка. — У тебя скоро каникулы. Надо отдохнуть от всех этих головоломок и несчастий.

— В Фес, — буркнул Амим. — Куда же еще... Давно туда собирался, да все никак...

Мать и тетка в изумлении открыли рты.

После развода с Мел Шанди почувствовал себя совсем неудобно, еще хуже, чем раньше. Никакой

желанной свободы, покоя и умиротворения развод ему не принес. Да Шанди, собственно, и не очень ждал чего-либо подобного. Хотя в глубине души, не признаваясь самому себе в этом, все-таки рассчитывал на благие изменения в жизни. Новая полоса должна была бы стать совсем другой, светлой, но не стала. Шанди ошибся.

Донна Жура тоже ожидала от развода сына чего-то необыкновенного, такого, что в одночасье изменило бы его судьбу к лучшему. Когда ничего подобного не произошло, донна Жура вновь обрушилась из всех сил на Мел, которую всегда терпеть не могла.

— Во всем виновата эта девчонка! — закричала как-то вечером донна Жура, пристально посмотрев в печально-отстраненное лицо сына. — Она испортила тебе жизнь, извратила все лучшее, вся обкурилась разной дрянью! Делать ничего не делает, сидит на шее у родителей! А теперь еще, видите ли, влюбилась да вышла снова замуж! Да еще и забрала твоего ребенка!

— Никто у меня никого не забирал! — прохладно отозвался Шанди. — По поводу сына мы с Мел обо всем договорились. И ты прекрасно знаешь об этом. Зачем вновь мутить воду? Ты ведь можешь привозить малыша к нам в любое время на сколько захочешь. Или ездить к Феррасам. Да он был у нас совсем недавно, дня три назад! Полдня здесь провел. Все остались очень довольны, забыла?

После развода Шанди действительно достаточно часто вечерами находил дома радостно воркующих друг возле друга мать и сына. Мел честно выполняла данное ею обещание и никогда не отказывала донне Журе в просьбе забрать к себе Шанди-два на день или больше. Донна Жура часто бывала и у Феррасов. Ее дружба с Далвой после развода молодых неожиданно окрепла. Женщины стали еще лучше понимать друг друга и вместе скорбеть по поводу несчастной судьбы Мел и Шанди. Это их соединило еще прочнее.

— Бедная девочка! — грустила вслух Далва. — Обделенная любовью и состраданием. Запутавшаяся и глупая. Как будто дело в том, какой у тебя муж! Дело в тебе самой.

— Конечно, — с удовольствием вторила старой няне донна Жура. — Все дело в том, как ты сама себя ведешь, какая ты сама. Жили бы себе да жили с Шанди... Он ведь души в ней не чаял, прямо-таки не дышал на нее, все ей прощал, из каких только бед не вытаскивал... А теперь? Шанди подавлен, расстроен, ребенок остался брошенным на нас, Мел строит новую жизнь... А зачем строить новую, когда и старую можно было вполне наладить? Нормальная жизнь была у них, очень даже неплохая. Жили бы себе да жили...

— А Мел рассказывала, что у Шанди девушка есть, — вспомнила как-то Далва. — Кажется, Дорой зовут. И что же у него с ней?

— Ничего! — сразу насупилась донна Жура. — Глупости все это! Дора... Ну, учились вместе, ну, молодые, понравились друг другу... Но только эта девица заявила, что сын Шанди ей не нужен, не сумеет она с малышом поладить, полюбить его, принять как своего... Плохая из нее выйдет мать. Скорее злая мачеха...

— Так это же очень трудно — полюбить чужого ребенка, — резонно сказала Далва. — Поэтому на свете столько недобрых мачех. Даже в сказках... И не стоит ее заставлять. Зато призналась честно. И что же дальше? Они расстались?

— Нет, — печально покачала головой донна Жура. — Живут вместе... А что там будет дальше, предсказывать и угадывать не берусь.

Она очень переживала за сына. Шанди сейчас редко бывал дома. Он много сил и времени отдавал своей ветеринарной клинике, открыть которую ему помогли деньги матери. Вместе с ним работала теперь и Дора. Та частенько наведывалась в течение дня в кабинет хозяина, легко опускалась в большое кресло, закидывала ногу за ногу, закуривала, с улыбкой заводила разговор:

— Как дела, босс?

Шанди улыбался в ответ.

— Отлично, помощница. Сколько животных сегодня к нам привозили?

Дора начинала припоминать:

— Терьер с кишечным расстройством, болонка

с больными глазами — инфекция... Канарейка со сломанным крылом, осипший попугай, четыре кошки... У одной оказалась опухоль, надо оперировать, хозяйка рыдает. Сенбернар с простуженным ухом — и где умудрился застудиться в такую жару, уму непостижимо!

— Сквозняки, кондиционеры, вентиляторы, — глубокомысленно замечал Шанди. — От них немало вреда даже животным.

— Еще приводили жеребенка с ободранной ногой, за городом где-то бегал без присмотра. Была очень старая, толстая,двигающаяся с большим трудом белая крыса. Я посоветовала хозяевам ее усыпить, жизнь для нее сейчас — сплошное мучение. Они в ответ поинтересовались, как бы я отнеслась к идее эвтаназии, когда мне стукнет восемьдесят. Я объяснила, что до таких лет не доживу. Меня когда-нибудь обязательно слопают лев, явившийся на прием в расстроенных чувствах из-за многолетней тяжелой мигрени.

Оба дружно захохотали.

Примерно так происходило каждый день. Вечером они вместе ехали к дому, где Шанди снимал квартиру. Утром, опять же вместе, отправлялись в клинику. И, наконец, Шанди предложил как-то Доре:

— Давай поженимся. Мы когда-то перенесли этот разговор на потом. Мне кажется, что это «потом» уже наступило.

Дора как-то подозрительно глубоко задумалась, закурила, закинула, по обыкновению, ногу на ногу... Тягостное молчание длилось целую вечность, и Шанди уже собирался нарушить эту неприятную тишину, как Дора заговорила:

— Видишь ли, когда-то я мечтала только об этом. Все время постоянно представляла себе, как ты мне скажешь эти слова, воображала, как сделаешь мне предложение, день и ночь ждала его. Но потом... Потом я поняла, что это чересчур опасный шаг — наш брак с тобой.

— Это еще почему? — искренне удивился Шанди. — Мы ведь все равно довольно давно живем с тобой как муж и жена. Ну, регистрируем наши отношения. Многие так делают.

— Что нам до многих? — резонно возразила Дора. — Каждый живет сам за себя. Понимаешь, я поняла, что никогда, ни за что не смогу стать хорошей матерью твоему сыну. И, вероятно, вообще не смогу быть хорошей матерью.

— Ну, это все нужно еще проверить на деле. Проверка не помешает, ты же не можешь это знать наверняка, — в свою очередь возразил Шанди. — Пока это голословные заявления. Комплексы какие-то, и больше ничего.

— Но я так чувствую! — убежденно сказала Дора, затягиваясь. — А проверка в этом деле тоже крайне опасна, тебе не кажется? Она может плохо кончиться для ребенка, на котором мы с

тобой поставим такой рискованный эксперимент. Это раз. А во-вторых... Если я не могу быть хорошей матерью, то сумею ли я стать хорошей женой?

— Это разные вещи! — усмехнулся Шанди.

В глубине души он был оскорблен и раздосадован. Он считал, что Дора просто выдумывает несуществующие причины для отказа, а на самом деле она его не любит, он ей совершенно не нужен, и все остальное — выдумки, фантазии, сочинительство. Лишь бы найти повод...

— Не такие уж они разные. Ты уже наколотся однажды, вторая ошибка будет для тебя трагедией. Я не чувствую в себе ни желания, ни призвания к домашнему хозяйству, семье, к дому. Не знаю, откуда и как это все началось. Наверное, от мамы. Она у меня тоже такая же, как я. Точнее, я такая же, как она, то есть без всякой тяги к домашнему уюту. Разве ты ничего подобного не заметил? Наша квартира, где мы сейчас живем, осталась холодной, казенной, чужой... Я это ощущаю постоянно, но ничего не могу с собой поделать. Неужели ты не видишь этого? Ты же не мог не обратить на это внимания!

4"

Шанди злобно пожал плечами. Порой он действительно подмечал безразличие своей подруги к дому, но считал, это все оттого, что квартира чужая, временный вариант, да и они пока еще не создали семью, не составили единое целое. Со вре-

менем все будет иначе, все изменится коренным образом. Но Дора излагала сейчас совсем иную, противоположную точку зрения. И, наверное, не лгала, ничего не придумывала, не фантазировала. Она, вероятно, была во многом права, как ни горько это признавать.

— Я люблю только лечить собачек и кошек. Мне нравится это занятие, — продолжала Дора. — Знаешь, я однажды читала где-то, что человек, который очень любит животных, не способен любить людей.

— А меня... меня ты тоже не любишь? — наконец решился задать Шанди мучающий его вопрос и тревожно уставился на Дору.

Она отвела глаза. Вид у нее стал совершенно потерянный и страдальчески-жалкий.

— Я не знаю, что это такое. И потом, мне вообще кажется, что этот глагол — неправильный... Как бы тебе это получше и поточнее объяснить... Нельзя его употреблять одновременно и по отношению к людям, и по отношению к вещам, еде, природе... Я люблю маму, люблю апельсины и люблю море — это ведь абсолютно три разных понятия. А глагол для них — один и тот же.

— Ну, это уже из области философии, — резко оборвал ее Шанди. — А мне она как раз неинтересна. Именно сейчас. В общем, все ясно. Грустно, конечно... Жаль, что мы с тобой не объяснились раньше.

— Как будто это что-нибудь изменило бы, — расстроено пробормотала Дора.

Она упорно смотрела в пол, сигарета догорала в ее тонких, бессильно опущенных пальцах. Шанди и ненавидел Дору, и жалел ее. Да и что, кроме острой жалости, может вызывать женщина, не умеющая любить и не способная стать ни женой, ни матерью? Не готовая к своему святому женскому предназначению на Земле?

— Надо же, — с некоторым удивлением заметил Шанди, уже понемногу приходя в себя и остывая, — мы провели с тобой вместе не один месяц, а друг друга так до сих пор толком и не узнали.

— Да, всему свое время, — невесело согласилась с ним Дора. — Сразу часто ничего не выходит, никак не получается...

— Ладно, — подвел черту Шанди, — давай договоримся так... Нам нужно расстаться по-доброму, по-хорошему... К чему ругаться и ссориться? Останемся добрыми знакомыми.

Дора молча кивнула, по-прежнему не отрывая глаз от пола.

— За квартиру заплачено вперед, так что можешь спокойно жить здесь еще два месяца. Я уезжаю к матери. На работе все останется без изменений. Захочешь — уйдешь. Но я бы не советовал тебе спешить с переменой службы. Да и мне невыгодно терять такого хорошего работника. Ты отличный ветеринар, таких поискать.

— Спасибо, — прошептала Дора.

— Не за что. Это правда.

Донна Жура была счастлива возвращению сына. Однако он был мрачнее и молчаливее обычного, и это ее стало настораживать и пугать все сильнее и сильнее.

После бегства Рании вместе с сестрой и ребенком Саид замкнулся окончательно. Он целыми днями работал. В пустой и темный, какой-то холодный, несмотря на теплую погоду, дом приезжал поздно вечером, чтобы сразу лечь спать. Утром уезжал рано.

Всех служанок он уволил: они его раздражали, стали невыносимы своей продажностью. Вместо них взял одну новую — немолодую хромую бездетную вдову. Та очень старалась угодить своему угрюмому хозяину, хотя и побаивалась его, но, казалось, — во всяком случае, пока, — оставалась ему преданной. Саид был вполне доволен своей единственной прислугой и старался ни о чем не жалеть и не вспоминать. Только очень тяжелыми, невыносимо трудными теперь всегда оставались для него воскресные дни, когда офис тоже отдыхал от сотрудников. Что делать в это свободное время, Саид даже не представлял.

Ему на помощь вновь попыталась прийти верная Назира, которая уже пробовала один раз ему

помочь, хотя и безуспешно. Только неудача не обескуражила ее, а любовь к брату осталась такой же горячей и не остывающей. Эту любовь нельзя было поколебать ничем: ни холодностью самого брата, ни его деланным безразличием, ни его грубоватостью.

Назира прекрасно знала, что, несмотря ни на что, Саид ее любит, любит по-настоящему, что ему без нее плохо, что он просто пытается, и довольно неискусно, спрятать за маской равнодушия, напускной холодности и нарочитой грубоватости свою боль и страдания. Так поступают многие, стараясь победить душевные муки. Почему-то многим кажется, что лучше всего бороться с жестокой судьбой, с ее ударами наотмашь и выстоять именно надев на себя маску. **Имидж** — вот главное и модное, вот определяющее все слово. Стыдно показывать свою сущность, выворачивать наизнанку душу, демонстрировать свои мучения. Лучше всего спрятать это все поглубже, прочь от людских любопытных и чересчур часто недобрых глаз и жить себе дальше, свернувшись улиткой на дне раковины собственной души.

Назира страдала за брата и постоянно искала выход.

Выждав для порядка неделю после своего переезда к Мохаммеду, Назира позвонила Саиду. Он явно обрадовался, услышав голос сестры, но, конечно, совершенно ничем себя не выдал.

— Хочу помочь развеяться этому паршивцу Амиму, — с ходу поделилась Назира своими планами с братом. — А то парень совсем зачах от любви. Жалко мальчишку! Весь высох, как дерево в пустыне, ничего не ест, никуда не ходит — только на учебу и сразу домой. Придет, усядется на свой любимый диван и тупо глядит в стену.

«Совсем как я», — подумал Саид.

«Совсем как ты», — мысленно вторила Назира.

— Так вот я разработала тут на досуге целую программу действий, — решительно продолжала она. — Во-первых, мальчику надо развлечься. А раз он никуда не желает ходить, значит, развлечения ему нужно организовать прямо на дому.

— Будешь приглашать к нему девиц? — насмешливо осведомился Саид. — Интересно, как отнесется к этому варианту Мохаммед?

— Ну и глуп же ты! — отрезала Назира. — И вдобавок пошловат. Какие еще тут девицы, когда парня просто тошнит от их вида? Он грезит одной своей несравненной ненаглядной Карлой.

«Совсем как я», — подумал Саид.

«Совсем как ты», — прибавила про себя Назира.

— Просто нужны люди, близкие, родные, любимые, которые бы начали ходить часто в гости к Мохаммеду. И ты для этого очень подойдешь.

— Спасибо за честь, — снова сыронизировал Саид.

Сестра его тона словно не услышала.

— Значит, это номер первый в нашей программе. А во-вторых, Амиму нужно подыскать хороших друзей, и девушек, кстати, в том числе. Может быть, среди них и найдется та самая, единственная, которая окажется способной заменить мальчику эту поганку Карлу.

— И роль этого искателя девиц ты тоже предлагаешь, разумеется, мне? — хмыкнул Саид. — Хорошенькое дело!

— Ну, роль — это слишком громко сказано, — протянула Назира. — Но ведь ты должен помочь племяннику! Ты дядя, в конце концов! Кто еще о нем позаботится, если не ты? Родители уже не справляются с ним, они оба впали в отчаяние. Вот приходи в это воскресенье к ним, во всем убедишься сам! Мне очень жалко мальчишку.

Назира затаила дыхание в ожидании ответа. Сработает ли ее план? Удастся ли ее замысел или провалится с треском?

Саид немного помолчал.

— Ну, хорошо... — неохотно отозвался он наконец. — Заеду к вечеру.

— Нет, ты приезжай днем! — уже активнее пошла в наступление ликующая Назира. — Поговори с мальчиком, посиди с ним... Ты ведь давно его не видел, а Амим за это время стал взрослым, умным и серьезным парнем. Только чересчур влюбчи-

вым. Только как на грех — в одну девицу Вырос настоящий однолюб...

«Совсем как я», — подумал Саид.

«Совсем как ты», — вздохнула Назира.

— Так мы будем тебя ждать к обеду! Я очень надеюсь на тебя и рассчитываю на твою помощь! От Латиффы, сам знаешь, толку никакого, совершенно пустая, бесполезная женщина! И за что в нее так влюблен всю жизнь Мохаммед? Тоже ведь однолюб, но удачливый... А сам он, твой драгоценный брат, просто не знает, как и подступиться к собственному единственному сыну. Ох, беда! — горько запричитала она. — Родить-то легко, это проще простого, вот воспитать, вырастить... Вся надежда на тебя!

— Не сгущай краски! Ты обожаешь это делать! — проворчал Саид, которого не так-то легко было обвести вокруг пальца. Но сегодня Назире очень повезло, ей сопутствовал большой успех. Очевидно, выпал на долю крайне удачный день. — Буду к обеду. Я действительно давно не видел брата, Латиффу и племянников. Твоя правда. Пора исправляться.

— Пора! — радостно засмеявшись, согласилась с ним счастливая Назира. — Мы все соскучились по тебе. А я — больше всех! Приготовлю твои любимые блюда. Тебе понравится.

— Лучше приготовь то, что любит Амин, — резонно заметил Саид.

На том и распрощались.

Назира торжествовала. Ее затея полностью удалась. Теперь надо было развить и закрепить первый успех.

Лео начал принимать выписанные таблетки. С большой неохотой, но он все-таки подчинился Аугусто. В сущности, Лео сейчас был в таком состоянии, что способен был послушаться любого, кто пожелал бы им командовать. Создавалось впечатление, что у него полностью отсутствовала воля, таким безучастным он был. И странным казалось, что именно этот человек совершал совсем недавно отчаянные и дерзкие поступки, стремился куда-то, что-то замышлял и осуществлял...

Та полоса активных действий закончилась, миновала, канула в вечность. Лео стал другим, и хотя все его родственники горячо стремились молодого человека изменить, его превращения никому из них не пришлись по душе. Наоборот, мать, бабушка и профессор вновь впали в отчаяние, на этот раз оттого, что он стал тихим, заторможенным, безразличным ко всему.

— Ты принимал сегодня все лекарства, которые велел доктор? — напряженно спрашивала вечерами мать, тревожно вглядываясь в лицо сына.

Лео равнодушно кивал.

— Все.

— Ничего не забыл? — допытывалась Деуза.

— Ничего. — И Лео опять отворачивался к стене.

— По-моему, эти таблетки ничего ему не дают, — в конце концов, поделилась своими волнениями с дочерью донна Мосинья. — Он по-прежнему вялый, безразличный, полусонный... Как ослабевший старик. Не знаю, что и делать. Если уж лекарства не помогают... Я пробовала его разговаривать, увлечь хоть чем-нибудь, но все безрезультатно. Он меня почти не слушает, лишь рассеянно кивает. Старается не обидеть и казаться вежливым.

— И то хорошо, что старается, — печально отозвалась Деуза. — Я тоже не знаю, что делать. Все перепробовали, что только ни делали! Все без толку! Я так надеялась, так рассчитывала на эти лекарства! И вот, пожалуйста... Ну как нам его поднять с дивана, как?! Как заставить жить нормальной жизнью, а не прозябать, валяясь целыми днями. Что с ним случилось?!

Обе женщины были сами крайне подавлены и тоже нуждались в лечении, но на себя они внимания не обращали. Да и почти никто из окружающих, кроме Эдвалду, о них не заботился. Все были заняты исключительно одним несчастным Лео.

Плохо выглядел и неважно себя чувствовал и профессор. Он тоже возлагал немалые надежды на лекарства, а когда увидел результат, точнее,

полное его отсутствие, сразу скис, начал жаловаться на сердце и головные боли.

Эдна сильно волновалась. Бесконечная серия дурных происшествий довела ее тоже до постоянного стресса. Но больше всего ее беспокоил муж. И она, в состоянии полной растерянности и ужаса, позвонила священнику Матиолли и Али — двум старым и верным друзьям Албиери. Обоим все рассказала и обоих спросила, как быть.

Матиолли помолчал.

— Сложный вопрос... Я столько раз предупреждал Аугусто, но он никогда меня не слушал.

— Помогите, святой отец! — взмолилась измученная Эдна. — Аугусто погибает... И Лео вместе с ним. А мне так жаль их обоих, что я тоже вообще уже ни о ком и ни о чем другом не могу думать, кроме как о них. И ничего не могу делать, руки опускаются.

— А Аугусто работает? — спросил священник.

— Он ходит на работу, — отозвалась Эдна. — Но это не значит, что он работает. Он тоже, как я, постоянно, непрерывно думает об одном и том же. Лео давно стал ему сыном, заменил несуществующих родных детей. Это патологическая привязанность, но от нее теперь никуда не денешься. И эту связь не разорвать.

— Я приеду и поговорю с Аугусто, — пообещал Матиолли. — Но предупреждаю сразу: за результат поручиться не могу. Доктор упрям и всегда хо-

тел жить одним своим умом. Ничьего мнения он не признает. Но я все равно попробую сделать все от меня зависящее.

— Спасибо! — обрадовалась Эдна. — Я буду вас ждать!

Али тоже выслушал ее молча.

— Да, вас постигло новое горе, — сказал он. — Не меньшее, чем раньше. Хотя мне кажется, что теперь, когда Лео излечится, у вас действительно наконец все изменится к лучшему.

— Да когда это будет? — прошептала Эдна. — И будет ли вообще...

— Трудно вам помочь, — продолжал Али, — но я попробую. Нельзя бросить старого друга в беде. Я все равно собирался прилететь в Рио ненадолго, хотя не знаю даже, что мне там делать. Какое-то бессмысленное действие... Но мы с Зорайде скупаем без Жади и Латиффы, без Кадижи и Самиры. И этот Амим... Он тоже беспокоит нас. Так что надо бы приехать, посмотреть на всех них, поговорить с ними... Все в воле Аллаха!

— Так я буду ждать! — вновь высказала, повторяя, как заклинание, свою надежду Эдна. — Приезжайте скорее!

В доме Албиери было невесело. И Эдне хотелось поскорее нарушить эту тягостную тишину, развеять этот мрак, тяготеющий над домом, внести радость, сделать так, чтобы здесь начали улыбаться, чтобы здесь зазвучал смех, заблестело

солнце, которое профессор упорно сюда не пускал, плотно задергивая темные тяжелые шторы.

Беда сопротивлялась, никуда уходить не хотела. Она словно потешалась, издевалась, над двумя семьями: доктора и Деузы. И уже ни у кого почти не оставалось желания и сил бороться с ней, затеяв яростную драку, чтобы изгнать ее прочь. Оставалось только смириться со всем происходящим и жить дальше, точнее, существовать, приниженно и робко, в непрерывном несчастье и непроходящей тоске.

Лео все лежал на диване. Жизнь проходила мимо. Но так долго продолжаться не могло.

5

В Нью-Йорке Рания растерялась окончательно. Если и раньше ее часто терзали мысли о том, что она совершает, на что решается, то теперь ее страдания стали чрезмерными, не давая ей покоя ни днем ни ночью. Как она посмела бросить Саида, законного супруга, данного ей Аллахом и родителями? Как осмелилась увезти сына, оторвать его от отца?! Как могла нарушить законы Корана?! Она — неверная и нечестивая жена, проклятая теперь Аллахом и родными, и нет ей прощения!

Зато маленький Саид чувствовал себя в чужом, огромном городе замечательно. Это был очень редкий случай, ведь обычно дети очень нелегко переносят любые переезды, даже просто на другую квартиру. А тут...

Америка малышу явно понравилась, начиная с огромного негра, встретившегося им в аэропорту. Свое расположение Саид перенес на всех черных вообще, а потом распространил на других жителей Нью-Йорка. Широко и искренне, вполне осмысленно улыбаясь каждому, он завоевал сердца

всех без исключения соседей Сесеу и Рании, а еще раньше — всех участников музыкальной группы отчима. Мир улыбался мальчику точно так же, как он улыбался миру.

— До чего же у вас приветливый ребенок! — сказала как-то Рании соседка по дому, тоже гуляющая с сыном во дворе. — Прямо редкий! Сердце радуется на него глядеть.

— Спасибо, — смущенно пробормотала Рания.

Говорить по-английски она пока еще могла плохо, но понимать речь научилась довольно быстро.

— Такие дети — большое счастье! Ради этого стоит жить, — продолжала соседка. — Вам очень повезло. На вашу долю выпала огромная удача. Небеса вас выделили из всех матерей, послав такого чудесного сына. Вы счастливая мать! У меня это четвертый. — Она кивнула в сторону носящегося с визгом по двору крепенького двухлетнего мальчика. — В Америке женщины любят рожать. В наших семьях, как правило, три-четыре ребенка, а то и больше. Но таких детей мало! — На этот раз она кивнула в сторону Саида, с улыбкой внимательно рассматривающего играющих детей.

Рании и самой в последнее время стало казаться, что у нее необыкновенный малыш. Но она все приписывала своему крайне субъективному материнскому чувству, которому свойственно заблуждаться

в отношении собственного ребенка. Матерям свои дети часто кажутся необыкновенными, талантливыми, отличными от других, хотя на самом деле все не так. И Рания старалась не впадать в крайности и не делать ошибок любвеобильных мамаш, чересчур обожающих своих чад.

Но вот ведь и почти незнакомая женщина повторила это!

Рания пристально поглядела на сына. Тот, почувствовав ее взгляд, повернулся и тоже одарил мать улыбкой. Рания улыбнулась в ответ.

Ей было очень одиноко и грустно. Она держалась из последних сил, стараясь не сорваться, не закричать на Сесеу, не устроить ему скандал. Хотя в чем тот был так уж виноват? Скорее сама Рания виновата во всем. Она сама влюбилась, увлеклась музыкантом, сама дала согласие на отъезд. А сестра подзуживала, подталкивала...

Если разобраться во всем спокойно, то Сесеу оказался на поверку не так уж плох. Он был по своему заботлив и внимателен, любил Ранию, делал все, чтобы она и малыш чувствовали себя хорошо. Однако, приехав в Нью-Йорк, Сесеу целиком погрузился в свои гастрольные дела и пропадал где-то с утра до ночи. То репетиции, то выступления, то подписание новых договоров... Группа усердно репетировала, ее пригласили выступить с концертами по стране, и музыканты готовились к многомесячному путешествию по

Соединенным Штатам. Услышав о нем, Рания не выдержала и сорвалась.

— А как же я и Саид?! — гневно закричала она. — Тебя целыми днями и так нет, я сижу одна с ребенком! Ничего и никого здесь не знаю, говорю по-английски плохо! Мне страшно тяжело! Я всего боюсь! Ради тебя я бросила все, оставила семью, дом, свою религию! Ну и что я получила взамен? Ты увлеченно занимаешься исключительно одной своей музыкой! Я понимаю, это твоя работа, твое занятие, ты благодаря ему сюда и вырвался, но все-таки — как же я?!

Сесеу немного ступешался.

— Я, кажется, все делаю ради тебя... Рания, ты должна понять, что моя музыка — это тоже я! Я связан с ней неразрывно точно так же, как с тобой. Ты не должна ревновать к ней, это не женщина, хотя и женского рода. Потерпи, мы обоснуемся здесь, обживемся. Выучим язык. А гастролировать мне все равно придется — это моя профессия. И, кстати, наши деньги.

Сесеу улыбнулся ей добродушно и ласково. Он был так мил, так любил ее.

На шум голосов, сообразив, что началась ссора, прибежал Саид и ткнулся носом сначала в колени матери, а потом прильнул к Сесеу. Рания давно обратила внимание, что малыш очень хорошо относился к отчиму и признал его почти сразу же, тогда как родного отца всегда принимал напряженно и

подозрительно и никакой особой любви к нему не проявлял. Прежде Рания оправдывала это тем, что Саида-старшего вечно нет дома. Но, как оказалось, причина была не в том. Ведь Сесеу тоже постоянно отсутствовал и возвращался домой часто за полночь, а малыш все-таки привязался к нему. В чем же дело?

А что если мальчик прекрасно чувствует, кто действительно любит его?

Рания потихоньку стала остывать, приходиться в себя. Она вновь остро осознала свою вину и перед Сесеу, и перед сыном, и перед всеми остальными.

— Прости меня, — прошептала она.

— Да ну что ты! Не расстраивайся! — ласково отозвался Сесеу. — Тебе, наверное, грустно и тяжело без сестры, без родителей, без родного города... Я тебя понимаю.

— Какой же город теперь мне родной? — невесело усмехнулась Рания. — Фес я оставила довольно давно, Рио... Он всегда оставался для меня чужим, неясным, раздражающим. А сестра... Да, мне ее очень не хватает. Только без нее нам лучше, спокойнее.

— Конечно. — Голос Сесеу неожиданно окреп, стал твердым и даже жестким. — Нам с ними не по дороге. Ты ведь не собираешься торговать наркотой и растить на эти деньги сына, правда? И приучать его к зелью...

— Упаси Аллах! — испуганно пробормотала Рания.

— Вот именно! Они не понимают нас, а мы — их. Поэтому нам лучше всего, правильной всего было расстаться, как ни тяжело принять такое решение. Мне тоже было очень непросто отказаться от Нанду. Мы дружили немало лет, мне казалось, мы с ним срослись, как деревья корнями, отлично, без слов понимали друг друга. Но только наркотики стали мешать все сильнее и сильнее. Сначала я старался этого не замечать. А как не заметишь, когда Нанду начал меняться на глазах? Психовал, злился без наркоты, стал врать, стремиться только к этой дури. Приучился бездельничать и принялся провозглашать свой способ существования как единственно верный и прямо-таки замечательный. Я пробовал на него повлиять, убедить его в том, что он живет неправильно, что это страшная жизнь, ведущая в никуда. Но, видимо, не нашел нужных слов и не сумел ничего добиться. Нанду меня не слушал, не обращал на мои попытки его остановить никакого внимания. Он не хотел ничего менять. И меняться тоже. Я виноват перед ним в том, что не справился и не смог его заставить бросить наркоту. У меня ничего не получилось... И времени на Нанду вечно не хватало... Опять же все поглощала музыка. Одно время мы с ним даже вообще не виделись. Я его презирал, игнорировал. А разве так было можно?

Сесеу горестно покачал головой. Он переживал и говорил искренне.

— А его родители? Его семья? Они-то куда смотрели? — спросила Рания, тоже проникаясь болью мужа.

Саид играл на ковре, время от времени внимательно посматривая на взрослых, словно следил за ними.

— У них были свои проблемы. И эти родительские сложности тоже сильно повлияли на Нанду, окончательно сломали его психику. Его отец увлекся другой женщиной, даже на время уходил к ней. Но она его обманула, обобрала, и он вернулся домой. Мать тоже крутила какие-то романы...

— Да, у вас в Рио-это очень даже распространено, — вздохнула Рания. — Прямо какая-то настоящая зараза.

— Тебе не стоит продолжать делить мир на своих и чужих, на Запад и Восток, — мягко поправил ее Сесеу. — Мир един для всех. Да и ты теперь живешь на Западе, так что принадлежишь именно к этому, раньше чужому тебе миру. А твой сын, — он перевел взгляд на играющего малыша, — тот и вовсе полностью принадлежит этому западному миру. И говорить он будет свободно на трех языках...

— На трех? — задумчиво повторила Рания. — А ведь и правда, на трех... Надо же... Как интересно... И странно... Мой сын...

— Наш сын, — вновь поправил ее Сесеу. —

Нам надо оформить наши отношения, и я усыновлю Саида.

— Надо, — пробормотала Рания и снова задумалась.

Карла сначала удивилась внезапному исчезновению Деузы. Та ходила к внуку непрерывно, баловала малыша, и Антонио уже к ней привык, привязался, полюбил, явно выделял бабушку среди других взрослых. И вдруг она пропала...

Недоумевающая, ничего не понимающая Карла позвонила Деузе домой. Трубку взяла донна Мосинья и как-то странно замялась, сразу стушевалась, услышав голос Карлы.

— Антонио соскучился без своей любимой бабушки! — весело объявила еще ни о чем ничего не подозревающая Карла. — А ее нет и нет! И даже не звонит нам. Она не заболела?

— Н-н-нет, — запинаясь, отозвалась донна Мосинья. — Все в порядке.

Карла удивилась еще больше и начала тревожиться по-настоящему.

— Что-то случилось? Почему вы нас бросили? Я в чем-то провинилась? Тогда я готова заранее сразу извиниться, хотя не знаю, в чем дело. Мы с Антонио действительно к вам обеим очень привыкли...

В последнее время донна Мосинья тоже стала нередко заглядывать в дом Карлы, хотя пожилой

женщине ходить становилось тяжело — давали о себе знать больные отечные ноги. Одетти, заметив, что прабабушке Антонио трудно двигаться и даже ездить на такси, стала иногда отправлять дочь с внуком к Деузе, чтобы донна Мосинья могла побыть в обществе Антонио, никуда не выходя. И старуха была очень благодарна Одетти за это.

Вообще все четыре женщины за то время, когда исчез Лео, крепко подружились. И вдруг... Что все-таки произошло? Обеспокоенная Карла ничего не могла понять.

— Тебе позвонит Деуза и все объяснит, — наконец нашла способ, как выйти из положения, донна Мосинья, подставив, таким образом, дочь и передав ей «почетное право» объясняться с потенциальной невесткой.

Вечером старуха рассказала дочери о звонке Карлы.

— Все равно разговор с ней неизбежен, ты сама это понимаешь, — философски заметила донна Мосинья. — Карла рано или поздно обязательно бы нам позвонила, чтобы поинтересоваться, почему мы так неожиданно пропали, не заходим и не звоним. Тебе придется с ней объясниться.

— Да не знаю я, что мне ей объяснять и как себя вести! — тотчас вспыхнула Деуза.

— Придется сказать правду! — сурово изрекла старуха.

— Правду?! — истошно закричала, срываясь на противный визг, танцовщица. — Правду о Лео?! О том, что мы его привезли, вернули из Марокко, а он моментально залег на диване и лежит не вставая?! Кому нужна такая правда!

— Тише! Он тебя услышит, — предостерегла донна Мосинья.

— Пусть слышит! — окончательно вышла из берегов Деуза. — Пусть слышит! Я разве что-то не так говорю?.. А Карла, узнав обо всем, тотчас явится сюда! Да еще и с ребенком! И будет по своему права! И что дальше?

— Все равно это должно было бы когда-нибудь случиться! — твердила свое упрямая старуха. — Держать Карлу в неведении до бесконечности невозможно. А вот о чем ты думала, когда стала дружить с этой девицей и всячески опекать ее? Ты ведь подала ей необоснованную надежду! За чем, для чего? Разве ты не понимала, к чему это приведет, разве не могла предположить, что ничем хорошим это не кончится?

— Я начала ходить к своему внуку! — заявила в ответ танцовщица. Она была близка к истерике. — К внуку, а не к ней! А ребенок оказался вылитый Лео! Прямо портрет в детстве! Не ошибешься! Даже Эд обомлел, когда впервые увидел мальчика.

— А ты не понимала, что мать и сын — это одно и то же? — резонно поинтересовалась донна Мосинья. — И что твои визиты Карла воспринима-

ла иначе, чем рассматривала их ты? Она поверила в свое возможное светлое будущее. Не ты ли ей обещала, что Лео женится на ней, если вернется? Ну вот, он наконец вернулся, и что же? Ты теперь трусливо прячешься от матери своего драгоценного единственного внука?

Деуза виновато понурила голову. Да, конечно, мать абсолютно права: она, Деуза, во всем виновата сама. Сначала в том, что Лео вырос именно таким неуправляемым, эгоистичным и искренне считающим, что ему все позволено, потом — что ей поверила Карла. И ребенок... Несчастный малыш, у которого нет и, может быть, никогда не будет родного отца!

— Я хотела... Я пыталась... — горестно пробормотала Деуза. — Я уже полюбила Антонио. И Карлу тоже. Она, в сущности, неплохая женщина. И хорошая мать. И она действительно любит нашего Лео. А это самое главное в жизни.

— Ну, допустим, — нехотя согласилась с ней мать. — Только все запуталось вконец... И впрямь непонятно, что делать. Всех жалко, за всех обидно, за всех больно, а дальше-то что?

Деуза молчала. Если бы она могла ответить на этот страшный, почти роковой вопрос...

Неожиданно дверь в кухню открылась, и вошел Лео.

— Я кое-что слышал, — сказал он полусонно. — Ваши крики и вопли, ужасно несвоевременные

выяснения отношений меня разбудили. Значит, это действительно мой сын? Раз уж он так похож на меня...

— Просто вылитый, — прошептала немного оживающая и приходящая в себя Деуза. — Ты сам можешь посмотреть на него. Когда захочешь.

— А ты так уверена, что я этого захочу? — презрительно процедил сквозь зубы Лео. — Ребенок... Зачем он мне? Эта Карла вечно что-нибудь выдумывает... Фантазерка!

— Но это твой сын, и ты... — начала снова поникшая Деуза.

— Ладно, не ной и не читай мне новые морали и проповеди! — грубо оборвал ее Лео. — Этот вопрос — о моем сыне — пока остается открытым. Я должен хорошенько подумать об этом. Только предупреди Карлу, чтобы не вздумала являться сюда, ни одна, ни с мальчишкой. Сразу выставлю обоих! Они мне здесь не нужны!

Он резко повернулся и вышел.

Самира и Зе Роберту были счастливы. Счастливы так, как бывают люди, не предъявляющие друг другу никаких претензий, принимающие друг друга без всяких условий и оговорок, не пытающиеся друг друга исправить, живущие спокойно, безмятежно и увлеченно. Жизнь подарила им именно такое редкое счастье, и они им по-насто-

ящему дорожили и ценили его, пусть даже наполовину неосознанно.

Зе Роберту не донимал жену никакими попреками и замечаниями. Хочет учиться — пусть себе учится на здоровье! Дети? Ну, с этим можно и подождать. Самира еще очень молода.

Она тоже платила ему самой верной привязанностью и искренней благодарностью. И тоже не приставала по мелочам: не туда положил, не убрал за собой, не предупредил, что задержится на работе...

Зе Роберту по-прежнему был в хороших отношениях с тестем и тещей. Почти исключительный случай, но иногда такое случается. Везет немногим. А впрочем, так ли уж это связано с **обыкновенным** везением? Взаимоотношения скорее определяет характер, **но**, к сожалению, покладистые и невозмутимые люди — редкость.

Самира очень скоро поняла, что сделала правильный выбор, не ошиблась, и ей несказанно повезло с мужем. И теперь ее задача — мужа беречь и всячески лелеять. Она моментально постаралась перестроиться, обуздать свой дерзкий нрав и жить с мужем в мире и согласии. Ей все пока удавалось.

Самира уже заканчивала учебу и готовилась стать педиатром. Отец и муж, который с **помощью** тестя недавно завел свой второй магазин, обещали ей денег для открытия собственной клиники. Одно искренне огорчало Самиру — судьба ее единственного несчастного брата.

— Что он за человек такой? — часто печально твердила она вечерами Зе Роберту. — Никак не могу его понять! Все ведь у него есть, и способный он, и трудолюбивый, так нет — подай ему эту девку! Ух, как я ее ненавижу!

— Это ты напрасно! — однажды возразил Зе Роберту, отодвинув пустую тарелку. Они ужинали. — Девушка тут при чем? Она, на мой взгляд, ни в чем пока не виновата.

— А кто виноват?! Он? — тотчас вспыхнула эмоциональная Самира.

Зе Роберту давно прекрасно знал, как жене дорог ее брат, поэтому сразу постарался смягчить назревающий конфликт.

— И он тоже ни при чем. Почему обязательно кто-то должен быть виноват? Разве не бывает так, что виновных нет?

— Не бывает, — пробурчала Самира. — А вообще-то я не знаю... Может, и бывает, ты прав. Но дело, конечно, не в поиске виновных! Дело в том, что Амин не в силах ее забыть, эту мерзкую дрянную Карлу!

— Ну так это безнадежно! — развел руками Зе Роберту. — Здесь поможет одно лишь время. Или вообще ничто.

— Ты хочешь сказать, что он будет любить ее вечно?! — вновь взвилась Самира. — Только этого нам еще не хватало! Родители и так в полном расстройстве. Того и гляди заболеют от переживаний. Мама прямо еле ходит.

Зе Роберту живо припомнил довольно энергичную, бодрую, подтянутую тещу, выглядевшую отлично и молодо, и поспешно спрятал от жены скептическую усмешку.

— Не преувеличивай! Твоя мать еще такая молодая! И настоящая красавица. Ты вся в нее!

Это был удачный и тонкий ход. Самира просила от удовольствия и сразу немного остыла.

— Но все-таки мне хочется как-то помочь брату, — сказала она. — Мне его все время жалко, особенно когда я вижу его унылую мордочку и грустные глаза. Я не в состоянии спокойно это видеть, понимаешь? Что же мне, сидеть, сложа руки, когда родной брат так мучается?! Это бесчеловечно и вообще невыносимо для единственной сестры! Как я могу оставаться к нему равнодушной?

— Конечно, равнодушной оставаться нельзя, — охотно согласился с женой Зе Роберту. — Кто об этом говорит? Но что ты собираешься сделать? Как ему помочь?

— Не знаю, — страдальчески простонала Самира. — Если бы я знала, то давно бы помогла. А вот ты... Ты и старше, и опытнее, и вообще мужчина — глава дома. Подскажи, научи! Что бы ты сам, например, сделал на месте Амима?

— Ну, во-первых, я бы никогда не влюбился в эту Карлу, — хмыкнул Зе Роберту, — когда есть девушки, вроде тебя. А во-вторых, существует одно общеизвестное и хорошо испытанное средство

от несчастной любви — другая любовь. Это знают абсолютно все!

— Кроме моего брата! — фыркнула Самира. — Но к этому, как ты говоришь, общеизвестному правилу есть одно немаловажное дополнение — несчастный влюбленный должен обязательно захотеть влюбиться снова, чтобы избавиться от прежней заразы! Иначе ничего не получится. А мой драгоценный брат как раз об этом и слышать не желает! Он желает любить Карлу и продолжать страдать дальше. И что делать в подобном случае?

Она насмешливо взглянула на мужа. Тот слегка замялся.

— Да, это вопрос... — протянул он. — Хотя часто влюбляются, совершенно не имея такого намерения, все-таки должен быть настрой на такое серьезное изменение в жизни... Вообще не знаю... Ты меня совершенно запутала.

— Вот видишь! — торжествуя сказала Самира. — Значит, это очень трудный, тяжелый вопрос. И решить его не так уж просто.

А время бежало себе потихоньку вперед и несло с собой перемены.

Отыскав и доставив в Рио Жади и Кадижу, Али и Зорайде решили вернуться в Фес. Они оба устали, замучились, переволновались. Да и родной город звал их к себе неустанно.

— Конечно, я всегда желал для Жади совсем другой судьбы, — задумчиво и грустно сказал вечером Али жене. — Но разве это в моей власти? Да и она — страшная упрямица. Пусть живет как хочет. Ничего с ней все равно не поделаешь. И да пошлет Аллах ей счастья!

Зорайде согласно кивнула.

— Она столько лет мечтала об этом Лукасе, так рвалась к нему. Если уж и сейчас у них ничего не выйдет... Но я думаю, все будет хорошо.

Али недоверчиво покачал головой.

— Это ты так думаешь... А что выйдет на самом деле... И потом здесь немало иных сложностей. Могут возникнуть проблемы с Кадижей. Хотя она взрослая девочка, но капризная и чересчур избалованная отцом и матерью. И Маиза, бывшая жена Лукаса... Она, конечно, сейчас, после истории с исчезновением Жади и Кадижи, притихла, но надолго ли? Такие женщины, как она, обычно не могут успокоиться, пока не добьются осуществления желанной мести. Ненависть к обидчикам горит в их сердцах жарко и бурно, ее ничем не потушить и не залить.

Зорайде вновь кивнула. Она почти всегда соглашалась с мужем. А если вдруг решалась возражать, то делала это осторожно и вкрадчиво, ласково и тихо, стараясь ничем случайно не нарушить их на редкость отлично сложившиеся отношения.

Жизнь неожиданно повернулась к Зорайде своей светлой стороной. Прожив добрую половину жизни, а то и больше, Зорайде, не зная родителей, привыкшая к чужим домам, всегда работавшая в услужении, подчинявшаяся чужим людям, терпевшая их капризы и дурное настроение, а порой тяжелые характеры, привыкла смиряться, подчиняться, молчать, терпеть любые обиды. Жизнь многому ее научила и ко многому приучила. Но ее сердце не отвыкло любить, оно оставалось привязчивым и нежным, доверчивым и открытым для добрых и хороших людей. Она не потеряла способности любить, не утратила искреннего желания помогать людям, по возможности спасать их от бед и несчастий. Доброе сердце Зорайде и огромная вера хранили ее от больших разочарований и трагического восприятия жизни. Настоящая мусульманка, Зорайде не представляла себе жизни без ежедневных молитв Аллаху. Это всегда очень помогало и поддерживало ее.

— Меня снова очень беспокоит Жади, — тихо отозвалась Зорайде. — И тревожила всегда, ты это знаешь. Она стала мне близка, как дочь. Взбалмошная, излишне торопливая, не умеющая себя сдерживать... Но я ее люблю, несмотря ни на что.

— Я тоже, — ответил Али, грустно покачивая седой головой. — Но любовь должна быть разум-

ной и осмысленной. Нельзя бесконечно баловать ребенка и потакать буквально всем его желаниям. К сожалению, многие молодые родители из-за своей любви поступают именно так. И это портит в результате не только детей, но и самих родителей. Но, знаешь, Зорайде, я что-то очень устал. Да, набродился по свету, притомился, замучился... Я прожил длинную и очень непростую жизнь. Пора мне уже успокоиться и отдохнуть.

Зорайде с тревогой, которую постаралась скрыть, взглянула на мужа. Он действительно в последнее время как-то странно и быстро, совершенно неожиданно изменился, сник, притих, стал вести себя иначе: меньше говорил, редко вмешивался в домашние дела, почти не обращал внимания на происходящее вокруг. Сначала Зорайде даже обрадовалась этому. Муж стал спокойнее, мудрее, обрел настоящий смысл жизни. Но потом она насторожилась. Что-то все сильнее и сильнее волновало ее в поведении Али, а что именно — она объяснить себе не могла, и потому неизбывная тревога прочно поселилась в ее сердце и жила там, не покидая теперь Зорайде даже на минуту.

— Но тебе звонила Эдна, — осторожно напомнила Зорайде. — Просила приехать и помочь Аугусто. Ты ей обещал.

— Я помню об этом, — устало отозвался Али. —

Помню... И знаю, что ехать надо обязательно. Нужно помогать, если просят. Тем более своему старому другу.

— Я поеду с тобой, — поспешила добавить Зорайде.

— Конечно, — кивнул Али и ласково посмотрел на жену. — Куда же я теперь без тебя? Да я и раньше, почти с той самой минуты, когда ты попала в мой дом, не мог обходиться без тебя. Удивительно, но ты сразу стала незаменимой. Как тебе удалось это — не знаю.

— Да я ведь не задавалась такой целью, не собиралась никем руководить, даже не задумывалась над этим, — смущенно прошептала Зорайде. — Я просто работала себе и работала в твоём доме. Старалась...

— Я знаю, — улыбнулся в ответ Али. — Ты не собиралась покорять и завоевывать мужчин, искать себе мужей. Не строила грандиозных планов на будущее, не сочиняла и не фантазировала. Ты не тщеславна, не горда и не злопамятна. Иногда я думаю, что ты безгрешна.

— Так не бывает, — пробормотала Зорайде. — Все люди на Земле грешны. А я ведь не святая.

— Для меня — святая, — вполне серьезно ответил Али. — И всегда была ею. Мне тебя послал сам Аллах. Спасибо Ему за это! Я благодарю Его отныне непрерывно... А сейчас давай вместе подумаем и решим, когда нам лучше лететь в Рио.

Надо бы поторопиться, задерживаться долго нельзя: Эдна ждет и надеется. И бедный Аугусто тоже. Мне его очень жалко, хотя он во многом виноват сам. Заодно повидаем Жади, Латиффу и всех остальных.

Они вылетели через два дня.

После бурных и страшных событий, связанных с исчезновением и возвращением Жади и Кадижи, Мел немного растерялась. Она не знала, как теперь общаться с матерью. Конечно, Мел и раньше была не слишком привязана к холодной и жесткой Маизе. Но мать все равно остается матерью. И повзрослевшая, поумневшая, уже немного набравшаяся жизненного опыта Мел понимала, что Маиза по-своему любит и всегда любила дочь. А уж мужа тем более. И этой любовью Мел неизменно старалась оправдать мать и объясняла ее поступки.

Примерно такой же позиции придерживался Леонидас, но остальные дружно, хоть и не сговариваясь, сурово осудили Маизу и отвергли ее. В общем, они были, безусловно, правы.

— Да, я не люблю эту женщину, — грозно и свирепо повторяла Далва, неодобрительно кивая в сторону комнаты Жади. — Она мне не по нутру. Ну и что? Это ведь совсем не значит, что ее нужно похищать и прятать, как вещь, да еще вместе с до-

черью. Девочка-то в чем виновата? Как только Маиза могла додуматься до этого? Нет, ноги ее теперь в этом доме не будет!

С Далвой молчаливо соглашался Лукас, конечно, Жади и Кадижа, ее горячо поддерживала и одобряла Иветти.

Правда, Маиза и сама куда-то сгинула, о ней давно не было ни слуху ни духу. После того, как раскрылись все ее коварные замыслы, связанные с Педро, она срочно переехала, сменив квартиру, и никому не дала своего нового адреса и номера телефона. Мел не раз безуспешно пыталась дозвониться матери на мобильник, но он упорно не отвечал.

— Папа, ты не хочешь отыскать маму? — как-то все-таки не выдержала Мел, несмело войдя к отцу в кабинет.

— Нет, — холодно отозвался он, недобро взглянув на дочь. — Зачем мне это?

— А мне как быть?

— Ты — это совсем другое дело. И можешь, если хочешь, искать мать. А что, разве она пропала?

— Ну да, — кивнула Мел. — Ее нет нигде. Ищу, ищу... Даже стала думать, вдруг с ней что-нибудь случилось.

Лукас равнодушно пожал плечами.

— Что с ней могло случиться? Ерунда... Найдется.

Мел решила сменить тему и задала вопрос, тоже давно ее волновавший.

— А ты, папа... ты счастлив?.. Я давно наблюдаю за тобой... С тех пор, как здесь поселилась твоя новая жена, у тебя стало совсем другое лицо, другой взгляд... Ты сильно изменился. Даже помолодел.

Лукас просиял.

— Помолодел? Не знаю, может быть. Со стороны виднее. А счастлив так, как не смел даже никогда мечтать! Понимаешь, наверное, у каждого счастья, как у людей, есть свой возраст. Оно бывает маленьким, юным, зрелым и пожилым. Оно мудреет, становится опытнее и прозорливее с годами. И у меня сейчас это самое зрелое, умудренное опытом жизни счастье. Поэтому мне хорошо вдвойне. А ты, доченька? — Он изучающее заглянул в лицо Мел. — Ты счастлива с Педринью?

Мел захотелось убежать и спрятаться, поскорее забиться в какой-нибудь темный угол, где бы ее никто не нашел. Что ей отвечать? Зачем он сама затеяла этот опасный разговор? Разве не догадывалась, что отец тоже вправе поинтересоваться ее личной жизнью?

И теперь, когда он поинтересовался, что она должна отвечать?

Мел молчала, обдумывая ответ, и Лукас забеспокоился. Он совершенно не подозревал о том, что дочка чем-то недовольна, и спросил просто так, уверенный, что у Мел все в полном порядке. И вот вам, пожалуйста!

— Но ведь тебя не устраивала жизнь с Шанди... — неуверенно стал подсказывать ей Лукас. — Разве не так?

— Так, — тихо сказала Мел. — Все так, папа...

— У вас с Педринью ссоры? Вы не понимаете друг друга? Или он плохо относится к малышу?

— Нет, что ты! — искренне воскликнула Мел. — Ничего подобного! Но вот понимаешь, просто что-то не ладится, что-то не так... Словно мне чего-то не хватает.

«Не иначе, как Шанди», — подумал Лукас и спросил:

— А ему?

— Ему? Даже не знаю. Не приходило в голову это выяснять. — Мел пристыженно опустила голову. — Да и зачем? Ведь он в любом случае не сказал бы мне ничего об этом и ни в чем бы ни за что не признался.

— Я думаю, вам все равно необходимо поговорить по душам, — посоветовал расстроенный и озадаченный Лукас. — Иначе нельзя. Ситуация совсем зайдет в тупик.

— С Педринью трудно говорить по душам. Просто невозможно, — невесело объяснила Мел, не поднимая глаз. — Он чересчур замкнутый и застенчивый, весь в себе. Порой слова из него не вытянешь. Какие уж тут разговоры да беседы! А если напрямую вдруг коснуться наших

семейных сложностей, то он вообще тотчас забьется в свою раковину, и его оттуда клещами не вытянешь.

— И что же ты предлагаешь? Тогда я поговорю с Лобату, — начал сердиться Лукас. — Пусть он сам разбирается со своим сыном! Меня совершенно не устраивают твои новые трудности.

— Ни в коем случае! — крикнула Мел, подсаживая на стуле. — Да и что ты можешь ему сказать? Ведь на самом деле настоящего предмета для обсуждения нет. У нас не бывает ни ссор, ни скандалов... Просто ничего нет...

— Ты совсем заморочила мне голову! — окончательно рассердился Лукас. — Ссор нет, но все плохо! Так не бывает!

— Бывает, папа! — возразила Мел. — И потом я вовсе не утверждала, что все плохо. Только сказала, что не так. Не так, как я хотела и ждала. Но мало ли что... Далеко не всегда выходит именно по нашему желанию и хотению.

— Ну, если ты стала такая мудрая и разумная, то и не жалуйся! — почти по-детски обиделся Лукас. Не зря Леонидас считал, что его сын до сих пор не вырос и не повзрослел, как положено мужчине его возраста. — Ты совершенно ничего не в силах мне объяснить, но грустишь и печалишься о чем-то... Все так неопределенно, непонятно и расплывчато!

— А в жизни часто именно так и бывает: нео-

пределенно, непонятно и расплывчато! — тихо сказала Мел. — Как у нас с Педрињу... Что я могу объяснить? Ну все не так! А как должно быть — я не знаю.

— Да ты любишь ли его? — внезапно догадался Лукас. Эта неприятная мысль его больно ударила. — Не ошиблась ли ты? Не поторопилась ли со вторым замужеством?

Мел отвернулась к окну. За ним шла обычная городская жизнь, вдалеке гудели машины, шумел ветер, приносящий смех и говор детей.

— Люблю ли? — медленно повторила Мел. — Я сама в последнее время часто, слишком часто задаю себе этот вопрос. И никак не могу найти на него ответа... Мне спокойно с ним, тихо, уютно. А любовь... Это ведь совсем другое... Вот я часто вспоминаю, папа, что когда я впервые увидела Шанди, со мной что-то такое случилось, что-то произошло — загадочное, неожиданное. Я будто стала тотчас совсем другая, новая, как из другой жизни.

— Да-да — рассеянно подтвердил Лукас. — Это правильно.

Он тоже вспомнил, как когда-то впервые увидел в доме дяди Али девушку, которая танцевала... О Аллах, как же она танцевала! Лукас, увидев ее, потерял голову навсегда. Дочка была абсолютно права: с ним тогда тоже что-то случилось. И он тоже стал новым, иным, словно из другой жизни,

и начал добиваться этой самой другой жизни, жизни с девушкой, которая так волшебным танцевала. Он добивался ее много лет, пока не добился наконец.

— Не знаю даже, что тебе сказать, что посоветовать, — пробормотал Лукас. — Так все запутанно и сложно...

Мел горько усмехнулась:

— Почему ты непременно должен мне что-то советовать? Родители прямо без этого жить не могут. Буду искать выход сама!

Лукас взглянул на нее с жалостью. Выход... Каким он может быть? Но искать его все равно придется. Иначе жизнь Мел резко сломается в который раз. И это может стать непоправимой бедой. А главное — не начала бы дочка вновь принимать наркотики от отчаяния и тоски!

И Лукас опять потерял покой.

6

Аугусто тщетно яростно бился над решением все той же наиглавнейшей для него на сегодняшний день проблемы: как направить Лео на единственно верный путь? Как убедить сына в том, что он живет дурно? Как заставить его осознать, что люди вокруг очень нуждаются в доброте и отзывчивости, что нельзя жить по своим собственным эгоистическим законам, поступать в угоду одним лишь личным интересам, что невозможно существовать только ради себя и для себя? Почему Албиери никогда раньше не задумывался над этим? Ведь нужно было растить Лео совсем не так, какого растили. Нужно было давно внушать мальчику мысль о том, что эгоизм — чувство нехорошее, что надо учиться любить людей и жалеть их, сострадать и соболезновать им, помогать и выручать в беде. Но ничего этого доктор не делал. И Деуза тоже. Парень рос чересчур свободным и считал, что ему все доступно и все можно. И вот результат...

Правда, иногда профессор задумывался и о другом. А что если вдруг это все — не результат воспитания, а итог его непродуманного экспери-

мента? Ведь никто нигде не говорил и не писал о том, кто может вырасти из клона. И исключительно потому, что просто никто не знает этого, даже не представляет, не догадывается, что может получиться из клона. Это пока загадка для всего научного мира. И вот сейчас, только сейчас, на примере Лео можно понять хоть что-нибудь.

Да, но как отделить последствия его явно неправильного воспитания от генетических мутаций? Как разобраться, что привнесено в характер Лео, а что он получил в наследство от природы, обозленной и возмущившейся вмешательством в ее дела и творения?

Лео — единственный клон на свете. Сравнить его не с кем, анализировать и наблюдать можно лишь его одного, и это дополнительная сложность. Так что все статьи, написанные о клонировании, — это чистое теоретизирование. Опыта в этом деле нет ни у кого. Только у одного Албиери. Но он давно уже предпочитал не распространяться о своих достижениях. И так они сослужили ему недобрую службу в прошлом и стали предметом долгих судебных разбирательств, тяжелых судилищ и споров. Начинать все заново Аугусто не хотел — он этого боялся. К чему все эти дразги и ненужные изнуряющие обсуждения? Они совершенно бесполезны и бессмысленны.

Мучаясь и в тысячный раз обдумывая сложившуюся ситуацию, доктор не замечал ничего вокруг.

Вообще он всегда был по-профессорски рассеян, но сейчас его рассеянность перешла все допустимые границы. Эдна посматривала на мужа с неизменно возрастающей тревогой. Наконец, однажды вечером, не выдержав, Эдна решилась на непростой, но давно назревший разговор.

— Аугусто, — осторожно начала она, — я хотела тебе кое-что сказать... Если Деуза уже не поставила тебя в известность...

Услышав имя танцовщицы, доктор сразу насторожился.

— Что еще случилось с Лео?

— Да ничего особенного, — пожала плечами Эдна, стараясь выдержать спокойный тон и придать лицу бесстрастное выражение, — кроме того, что он давным-давно вырос, но это событие почему-то заметили далеко не все. А у выросших детей, как известно, могут быть свои дети.

— Что ты имеешь в виду? — окончательно встревожился недогадливый профессор.

— Ничего особенного, — повторила она. — Кроме того, что у Лео родился сын. Но Лео не желает его знать и скрывает это от тебя. Впрочем, даже не столько скрывает, сколько просто не обращает на ребенка никакого внимания. Лео это свойственно.

Доктор совершенно растерялся.

— Сын? — в замешательстве повторил он, ничего не понимая. — У Лео?... Какой сын?

— Обыкновенный, — усмехнулась Эдна. — С ручками и ножками. Он уже ходит и говорит. Маленький такой, очень симпатичный человечек. Зовут Антонио. Похож на отца как две капли воды.

— Но почему же тогда Лео... — начал изумленный и потрясенный Албиери и осекся.

— Потому что это твой сын, Аугусто, — сурово отчеканила Эдна и тотчас пожалела о своей жесткости. Однако менять интонацию не захотела. — Твой и Деузы. И ты отлично его знаешь. И знаешь, на что он способен и на что — нет. К чему тогда задавать мне эти абсолютно лишние вопросы?

Доктор совсем расстроился и поник. Эдна права: действительно, зачем задавать ненужные дурацкие вопросы? Но ребенок... Его собственный внук...

— А кто эта женщина? — робко спросил профессор. — Ты ее знаешь? И Деуза тоже?

— Деуза там проводила дни напролет, пока искали Лео, — холодно объяснила Эдна. Она старалась держаться по-прежнему твердо и жестко, потому что считала, что только так, а не иначе, можно привести в себя мужа, повлиять на него, чего-то добиться, заставить взглянуть на мир и на все происходящее иначе и что-то сделать, наконец, с этим взрослым бездушным ребенком — Лео. — Но сейчас все стало намного сложнее, запуталось еще больше. Лео нашелся и вернулся, а Деуза надеялась к его возвращению приучить к

себе малыша, а потом повлиять на сына, рассчитывала заставить его осознать, что он отец, что это большая ответственность и необходимо жить со своей женой и ребенком. Она мечтала, что Лео женится на Карле — так зовут эту женщину. Но вот Лео вернулся, и что же? Деуза прячется, буквально бежит от Карлы! Ведь сказать этой женщине совершенно нечего, все обещания и надежды рассыпались в прах, превратились в пустой звук, ушли как вода в песок, а Лео валяется целыми днями на диване, как безмолвное бревно. С ним и поговорить-то невозможно. Может, ты возьмешься с ним поговорить по душам?

— Ты думаешь, я не пробовал с ним беседовать? — пробормотал доктор.

— Ну, о сыне-то еще не пробовал. Хотя бы потому, что сам о нем не подозревал. Так что попытайся.

Аугусто смотрел в стену. Новость его совершенно убила. Почему-то он не предполагал подобной возможности, никогда не думал, что некая женщина, полюбившая Лео, решит родить от него ребенка. И осуществит задуманное. А почему, собственно, он не принимал такой случай в расчет, почему не задумывался о подобном варианте?

У доктора закололо сердце, и он полез за лекарством.

Эдна всполошилась:

— Тебе плохо?

Нет, видно зря она вела себя так с мужем. Не стоило его огорошивать этой новостью, она Аугусто просто подкосила, сбила с ног. Надо было действовать нежнее, осторожнее, деликатнее. Но теперь поздно жалеть о содеянном. Албиери уже все знает. А дальше...

— Может быть, надо срочно вызвать врача? — Эдна в тревоге сжала руки.

Профессор грустно покачал головой.

— Не надо никого, Эдна. Обойдется... А сердце у меня стало побаливать уже давно и беспокоит меня постоянно. С того момента, как пропал Лео.

Он положил под язык таблетку и поплелся к дивану, с трудом переставляя ноги, как настоящий старик.

«Что же делать? — в ужасе думала Эдна, глядя на моментально посеревшее, осунувшееся лицо мужа. — После появления на свет этого Лео наша жизнь превратилась в непрерывный кошмар. Но этого парня мне тоже по-своему жалко. Он сильно запутался, понаделал множество тяжелых ошибок... Хотя он не такой уж злой, не такой уж отвратительный. Просто у него дурной характер, и он не избавился до сих пор от детского упрямства и глупости. И все это делает несчастными не только его родных и других окружающих его людей, но и его самого, в первую очередь. Как он сам не понимает этого? Совсем взрослый, такой уже большой мальчик...»

— Не волнуйся, Эдна, — прошелестел еле слышно доктор. — Не надо так переживать. У нас все наладится, и мы еще с тобой будем счастливы. Вот увидишь.

Эдна вновь посмотрела на мужа и заплакала. Держать себя в руках она больше не могла.

Кадижа быстро и легко освоилась в доме Феррасов. Акклиматизация под мудрым и тонким руководством Иветти и с ее неоценимой помощью прошла весьма успешно.

— Что за милая девочка! — пела лукавая Иветти, отлично понимающая, что мир в доме — дело непростое.

И в данном случае, в конкретной ситуации правильное всего было именно пробовать наладить дружеские отношения со всеми. Даже с этой новой юной соседкой по дому. Особенно с ней. Поскольку именно от этой девочки зависело сейчас довольно много.

Правда, сварливый Леонидас мнения своей жены, взбалмошной и неразумной, как он считал, абсолютно не разделял. Хотя в доме не было женщины мудрее Иветти.

— Для чего ты так носишься с этой девчонкой? — часто брюзжал старший Феррас. — Зачем она тебе? Ты прямо помешалась на ней! Пусть с ней возьмется родная мать и Лукас!

— Пусть они любят друг друга долго-долго! Всегда! — привычно отвечала одно и то же Иветти. — Повторяю тебе, Львеночек: у них сейчас непростое время. Им необходимо как бы заново привыкнуть друг к другу, вновь друг друга открыть и познать. Семейная жизнь — это тебе не встречи время от времени.

— Привыкнуть!.. — ворчал Леонидас. — К характеру и выходкам Лукаса здесь уже давно привыкли. Но при чем тут дочь этой его вечной марокканской любви, будь она неладна?

— И это я тебе тоже не раз объясняла, Львеночек, — терпеливо вдалбливала ему жена. У нее явно был необыкновенный педагогический талант. — Ты просто меня не слушаешь, не хочешь, слушать упрямисься. А потом переспрашиваешь. Дочь и мать — это часто единое целое. И, похоже, у Жади и Кадижи как раз такой случай. Как ты сам не понимаешь этого? И это единство нарушать опасно, нужно его беречь. Иначе это отразится на отношениях Лукаса и Жади. Твоего сына, между прочим. А ведь ты его любишь, Львеночек, хотя упорно стараешься это скрыть. Вот только зачем — не понимаю! Безусловно, все это очень сложно... И связано, конечно, с Диогу. Но ведь прошло много времени, а жить в прошлом нельзя. И жить прошлым тоже невозможно. Вот в этом твоя ошибка.

Леонидас всякий раз выслушивал Иветти нехотя, вполуха — она была абсолютно права, но ее

рассуждения его не трогали, — и вновь начинал нудеть. Однако у его настойчивой жены была своя принципиально иная позиция и личная программа, которой она намеревалась следовать до конца. Поэтому Иветти не слишком обращала внимание на брюзжание мужа и его постоянные упреки. Она строила, и весьма успешно, дом — новый дом Феррасов. Она хотела, чтобы в нем все было иначе, все стало мирным и добрым. И была крайне упорна и последовательна в достижении своей цели.

Заодно Иветти любовалась и наслаждалась юным, едва родившимся чувством, появившимся рядом, и внимательно наблюдала за его развитием, стараясь сберечь его и оградить по мере сил от ошибок и несчастий.

Кадижа сильно увлеклась Дудой. Она поняла, что именно этот юноша способен на настоящее чувство и ради нее — на самоотверженные и смелые поступки, что он в состоянии искать и находить верные решения, спасать и преданно беречь свою любовь. А что еще нужно девушке, собирающейся связать с ним свою судьбу, мечтающей о счастливом замужестве и долгой-долгой любви?

Они стали проводить вместе очень много времени. Кадижа ничего не делала, безмятежно бездельничала, неторопливо обдумывая свое будущее, казавшееся ей совершенно безоблачным и

замечательным. Молодость имеет право на мечты, фантазии, сногшибательные проекты. На то она и молодость. Главное, чтобы впоследствии ее не сбили с ног эти самые когда-то столь радужные проекты.

Но пока Кадижа не задумывалась ни о чем печальном. И правильно. Зачем раньше времени себя огорчать? Если суждены горечь и разочарования, они все равно тебя не минуют. А если нет... Девушка рассчитывала как раз на подобный вариант.

Дуда усиленно учился. Он собирался стать экономистом.

— Самая востребованная профессия, — нередко повторял он. — Самая нужная. Самая полезная. И с ней легко жить и легко ориентироваться в мире. Никогда не пропадешь. Давай поступай к нам! Ты вообще чем хочешь заниматься?

Кадижа едва не выпалила: «Ничем!» Она вообще-то планировала выйти замуж и растить детей. А что тут такого странного или позорного? У них в Марокко именно так все и представляют жизнь женщин. А здесь... Здесь все иначе. И в Рио Кадижу вряд ли поймут. Тот же Дуда будет удивлен, услышав от Кадижи подобное признание.

Поэтому она вовремя удержалась от ненужных откровений и поспешных заявлений.

— Я пока думаю, — важно сказала Кадижа, сделав серьезное и сосредоточенное лицо.

— И долго ты собираешься думать? — насмешливо прищурился Дуда.

— Сколько получится! А куда спешить? — возмутилась Кадижа. — Это же не марафон!

— Как раз марафон, — холодно отозвался Дуда. — Время уходит очень быстро. Это только кажется, что его впереди беспрельдно много. А потом однажды глянешь: раз — и нет его! Вот уже и старость.

— Старость? — расхохоталась Кадижа. — Что-то ты слишком перемудрил! До старости нам еще пока далеко.

— Говорю же тебе — это только кажется. Нам многое просто кажется. Иллюзии молодости! Ты слушай меня, умнее будешь!

— Да я и так вроде не дурочка! — обиделась Кадижа. — Ты чересчур много на себя берешь!.. — И она поспешила сменить тему: — Пошли вечером на дискотеку!

— Сегодня не могу, — сухо отказался Дуда. — Занимаюсь. Есть неотложные дела: я кое-что не доучил. Нужно разобраться. Пойдем в субботу.

— Ну, в субботу так в субботу, — пробурчала недовольная и расстроенная Кадижа.*

Приходилось мириться с ситуацией, поскольку переломить ее Кадижа оказалась не в состоянии. Для этого ей не хватило бы ни сил, ни умения.

Без Дуды она абсолютно не знала, куда деваться, и не представляла, что делать. Он занимал все

ее мысли, но когда начал встречаться с ней не каждый день, когда их свидания стали редкими и далеко не столь нежными и эмоциональными, как раньше, в самом начале, Кадижаясно поняла, что ведет достаточно бессмысленное существование, и сообразила, что с этим надо завязывать. И вообще, Дуда — это главное, основное, чем она сейчас занималась, чему себя полностью посвятила в Рио. Но правильно ли так себя вести именно здесь? Может ли так продолжаться? Да и стоит ли продолжать гнуть свою линию поведения?

Расстроенная и взвинченная, окончательно запутавшаяся Кадижа побрела за советом к Иветти. Так получилось, что в Рио девочка стала куда чаще обращаться к ней, чем к матери. Жади была вся поглощена своим счастьем, своим родившимся заново чувством. Оно захлестнуло ее без остатка. И хотя Жади, конечно, любила дочь по-прежнему, не забывала о ней ни на минуту, но все-таки уделяла ей намного меньше внимания, чем прежде. Тогда она была целиком поглощена именно дочкой, а теперь — больше Лукасом. Роли поменялись и перераспределились. И Жади, и Кадижа четко осознали наконец, что сердце человека не столь бездонно, как кажется. И его часто не хватает для одинаковой любви к мужу и к дочери. Увы!

Иветти внимательно посмотрела на Кадижу. Было ясно без всяких вопросов, что у девочки что-то стряслось. Иветти даже примерно дога-

дывалась, что именно. Особой тайны здесь не было.

— Ну, рассказывай, — приветливо и весело, как ни в чем не бывало, предложила Иветти. — Надеюсь, у тебя ничего эдакого не случилось?

Пусть она прекрасно видела, что как раз случилось именно «эдакое», но предпочитала услышать все из уст самой виновницы и главной участницы событий. Иветти всегда придерживалась подобной политики и откровенно проповедовала принцип невмешательства, открыто демонстрируя всем желающим свою позицию. Правда в действительности все было совершенно наоборот, только вмешивалась Иветти всегда очень незаметно, деликатно, осторожно. Из нее вышел бы хороший дипломат, задайся она в свое время подобной целью. Вообще Небеса наделили ее немалыми способностями в самых разных областях. Но рассудительная Иветти вполне оправданно мечтала лишь о выгодном и счастливом замужестве. И своего, в конце концов, добилась.

Хмурая Кадижа напряженно и подавленно села, держась как манекен. Она уже промучилась без Дуды, в полном безделье, несколько дней и приблизилась к самому порогу отчаянья. Переступить через него она боялась. Поэтому не раздумывая бросилась за помощью к своей мудрой и верной Иветти, которую звала тетей. Похоже, Иветти это вполне устраивало.

Она изучающе рассматривала угрюмую Кадижу. Сейчас девочке следовало немедленно помочь, так что Иветти стоило немедленно вмешаться и выяснить все до последних деталей и подробностей.

— Дуда исчез, — мрачно отозвалась Кадижа, терзая золотую цепочку на груди.

Иветти мастерски изобразила высшую степень изумления. Ее брови взметнулись вверх, глаза сделались в несколько раз больше и круглее, чем обычно, рот слегка приоткрылся.

— Как исчез?! Он ведь так тебя любит! Как он сходил с ума, когда ты пропала в Марокко! Сколько приложил сил, фантазии, изобретательности, чтобы тебя найти!

Кадижа хмуро кивнула.

— Ну, да, приложил. Тогда. А теперь... — И она замолкла, не в силах описать все происходящее в ее жизни.

— Что теперь? — невозмутимо справилась Иветти. — Мне трудно представить, что этот юноша, который на всех произвел самое лучшее впечатление, способен на предательство.

Кадижа вздрогнула, услышав неприятное слово.

— А теперь он говорит, что ему надо заниматься, — с трудом призналась она, — и что он не может все время проводить со мной.

— Вероятно, он прав, — бесстрастно заметила в ответ спокойная Иветти. — Ты не находишь?

Он учится, и ему действительно надо заниматься, а не бить баклуши.

— Значит, он меня не любит! — крикнула в гнев Кадижа. — Иначе почему не желает со мной видеться? А вы, тетя, только что говорили о его любви!

— Говорила и буду говорить, — уверенно объявила Иветти. — Одно другого не исключает. Да, он тебя любит, но учебу бросать не хочет. И правильно. Ему необходима хорошая специальность, нужно получить профессию, чтобы потом содержать семью. Тебя, как жену, прежде всего.

Кадижа слегка опешила. Почему-то при всей своей простоте подобная логика оказалась ей не по зубам и такая мысль в ее хорошенькую головку не залетала. А ведь все верно! Дуда думает о будущем. И он прав.

— Мы еще не говорили о свадьбе, — пробормотала Кадижа.

— У вас это еще впереди, — успокоила Иветти.

— Но мне скучно без него, тоскливо... Я не знаю, чем заняться, — продолжала жаловаться Кадижа.

— Вот это очень важно. И в этом суть! — воскликнула Иветти. — Я тоже не работаю, но скучать и сидеть без дела женщине нельзя. Это невыносимо.

Кадижа согласно кивнула.

— Ты можешь что-нибудь делать по дому, помогать Далве с ребенком. Заодно приобретешь ценные знания и получишь навыки, которые при-

годятся тебе в будущем, уже в своей семье. У Дал-вы можно многому научиться. Это раз...

Кадижа понуро молчала, и, вновь внимательно взглянув на нее, Иветти поняла, что перспектива домашнего хозяйства и сидения в детской девочку не привлекает.

— Дальше. Тебе надо пойти учиться. Или работать. Во всяком случае, пока, хотя бы временно.

— Я говорила об этом с мамой и Лукасом. Они тоже так считают, — пробубнила Кадижа, подумав в очередной раз, как это, должно быть, скучно — учиться, работать... Но и сидеть дома сложа руки тоже невыносимо.

— Вот видишь, — назидательно заметила Иветти. — Никому не нравится твое безделье. И тебе самой, в первую очередь, оно опротивело.

— Но я не могу никак найти то, что мне нравится, понять, к чему меня тянет, чем бы я хотела заниматься, — грустно призналась Кадижа.

— Вот в чем загвоздка! — живо откликнулась Иветти. — Да, это действительно проблема. Знаешь, я в своей жизни чего только не перепробовала, чем только не занималась! И магазин открывала, и салон устраивала... Так что знаю не понаслышке, как это нелегко. Давай-ка думать вместе над твоей задачей.

И они начали всесторонне обсуждать склонности, пристрастия и вкусы Кадижи, по-настоящему увлекшись решением этой проблемы.

Оставшись один, Саид поначалу даже обрадовался. Никто не мешал, никто не досаждал, никто не приставал к нему. Первое потрясение от поступка Рании прошло, и ему стало намного спокойнее.

Последние годы жизнь Саида превратилась в какую-то заколдованную цепочку непрерывных мучений. И разорвать ее он был не в силах. Не желал отпустить Жади — да и чем бы это облегчило его жизнь? Не пытался полюбить Ранию и сына, даже просто привыкнуть к ним — это вообще казалось ему абсолютно бесполезно: себя нельзя заставить, невозможно переломить.

Правда, он сделал две смешные, почти детские, недостойные мужчины и главы семьи попытки отыскать себе утешение на стороне. Какая глупость! Ни Маиза, ни Алисинья не трогали его сердца. Оно было прочно занято одной Жади. Зато Аллах справедливо наказал Саида за неверность и предательство семьи: и Маиза, и Алисинья оказались такими штучками, что будь здоров! Избавление от них обеих позволяло ему спокойно вздохнуть. Но что дальше?

Рания сама оборвала цепь, связывающую их, как преступников, отбывающих наказание, и сбежала с сыном. Жади жила с Лукасом.

Развод ей, Саид, конечно, дал. Держать ее при себе давно было бессмысленно и глупо. И, получив формальную свободу, вздохнул с некоторым

облегчением. «Вот теперь... — думал он. — А что теперь?»

Дом встречал его вечерами тишиной и пустотой. Саид медленно, нехотя переступал порог и закрывал за собой дверь. Служанка к этому времени уже уходила: Саид попросил ее убирать, готовить и покидать дом не позднее восьми вечера, можно и раньше — в общем, как будут сделаны все домашние дела. Саид неторопливо проходил по пустым комнатам, пристально осматривая их. Вот комната Жади... Саид приказал ничего тут не трогать и не менять. Пусть все стоит на своем месте, как было при ней... Ее шкаф, ее вещи, ее диван. Ковер на полу. Он помнил шаги Жади, ее маленькие ступни, ее красивые руки...

Саид едва сдерживался, чтобы не застонать. Ему чудилось, что комната до сих пор хранит запах его первой любимой жены, что здесь мелькает ее образ... Саиду казалось, что он сходит с ума, но сидеть в комнате Жади он продолжал с неизменным маниакальным упрямством, порой думая, что помешался от тоски.

Через какое-то время, исчерпав все силы, он с трудом поднимался и брел по пустому затихшему дому дальше.

Вот комната Кадижи... Ее брошенная в беспорядке одежда, ее стол, ее плеер, который она забыла или не захотела взять... Любимая дочка, где она?..

Саид горько усмехался. Кадижа напрочь забыла о нем. Не звонила, не писала и не приходила. Хотя клятвенно заверяла делать это часто. У нее теперь другая жизнь в доме Феррасов. Этот мальчик... Дуда... Дочка занята. У нее нет времени позвонить отцу. А сам Саид звонить не будет. Это не в его правилах. И вообще он устал, устал безумно. Так хочется отдохнуть... Но как это сделать? Насмешливая и злая память никогда не позволит ему расстаться с близкими, ни за что этого не разрешит.

Комната Рании... Саид хмурился, переминаясь с ноги на ногу на пороге. Саиду всегда было больно вспоминать о второй жене. Он был очень виноват перед ней, оскорбив ее чувства, обманув ее, не ответив на ее любовь...

Детская... На ковре остались разбросанные игрушки. Саид тоже запретил собирать их. Пусть лежат. Где-то сейчас его сын, Саид-маленький, Саид-второй? Неужели он так и вырастет без отца? Так никогда и не узнает его?

«Зачем все это, для чего? — думал Саид. — Для чего моя жизнь, жизнь Рании, жизнь маленького Саида?.. В чем смысл нашего бытия?.. Где правда?»

Такой тягостный, безмерно давящий, угнетающий, но, тем не менее, необходимый ему обход комнат Саид делал каждый вечер.

«Мазохизм», — думал он и упорно не отказывался от этой привычки.

— Тебе необходимо переехать, — сказала Назира, прожив у брата три дня и быстро все поняв. — И переехать как можно скорее. Послушайся меня, как слушал в детстве. Что ты привязался к этому дому, прямо прилип к нему? Это твоё прошлое, а прошлым жить нельзя. Жить нужно настоящим.

— Я никуда отсюда не поеду, — упрямо возразил, нахмурившись, Саид. — Мне здесь хорошо.

Назира промучилась в его доме ещё около недели и сбежала к Мохаммеду. Саид опять вздохнул с облегчением. Теперь уже никто не мешал ему страдать и с удовольствием мучить самого себя.

Но через какое-то время сестра позвонила с просьбой помочь племяннику.

Саид даже обрадовался, услышав её голос. В последнее время тоска стала невыносимой, хотелось завывать и лечь на пол. И лежать неподвижно долго-долго, не поднимаясь. Может быть, даже всегда. Недавно Саид так и сделал в комнате Жади. И проклятый ковер снова напомнил ему родные и милые, навсегда потерянные запахи Жади, словно, дразня, показал её маленькие ступни, её походку, её танцы...

Он лежал бы так и лежал, пока не умер бы от голода, горя и напряжения, но внезапно злое, неестественную, мрачную тишину дома разорвал поздний телефонный звонок.

Звонили Саиду редко. Тем более так поздно.

«Кто это? Назира? Мохаммед? А может быть, все-таки Кадижа?.. А если... Если это Рания? Она ведь не знает, что получила развод...»

Телефон неистово надрывался.

Саид усилием воли заставил себя встать, подойти к аппарату и снять трубку.

— Слушаю вас, — угрюмо и настороженно бросил он. Что он сейчас услышит в ответ?

— Добрый вечер, — прозвучал в трубке незнакомый женский голос. — Я вас не разбудила? Простите, что так поздно. Вы так долго не подходили... Это Моника...

— Моника... — пробормотал Саид, припоминая её чудесные милые глаза и милую улыбку. — Моника... Нет-нет, я не спал! Просто так получилось... Извините. Я очень рад вас слышать.

Жизнь сделала ещё один новый поворот.

7

Нанду начал развивать в Нью-Йорке бурную деятельность. Прежде всего, он нащупал и задействовал все свои прежние связи. Их было не так уж много, но, тем не менее, все каналы оказались работающими, а люди — готовыми к сотрудничеству.

Особенно легко стало, когда жители Невады собрали почти сто десять тысяч голосов для проведения референдума о легализации марихуаны. Дурной пример заразителен: некоторые штаты последовали примеру Невады.

Нанду ликовал: как же ему повезло! Он оказался прав, приехав именно сюда. Здесь и только здесь он сумеет нажить большие деньги.

Удивительно, но за легализацию легких наркотиков голосовали, как ни странно, полицейские, объясняя свою позицию тем, что рассмотрение дел, связанных с хранением и употреблением наркотиков, занимает слишком много времени.

Конечно, это вовсе не означало, что власти в стране с этой напастью не борются. На счету агентов крупнейшей в США и во всем мире организа-

ции по борьбе с наркотиками тонны перехваченных препаратов и сотни арестованных мафиози, но чем рискованнее становится торговля «кайфом», тем больший доход она приносит.

От разных наркотиков зависят по-разному. Например, марихуана и такой галлюциноген, как ЛСД, вызывают психологическую зависимость. А героин формирует химические изменения в мозге, и наркоман уже физически не может обходиться без зелья. Но даже те наркотики, которые не провоцируют физиологической зависимости, приводят организм в такое состояние, что он реагирует лишь на более массивные дозы.

Продавца интересуют только три вещи: деньги, возможность избежать ареста и еще больше денег. Один из способов достижения главной цели, то бишь денег, — уменьшать порции и. добавлять наркотики всякой дрянью, поэтому он добавляет в марихуану кулинарную приправу, в кокаин — сахар, тальк, соду и муку. Но это еще цветочки!

Марихуану часто обрабатывают ядовитыми дефолиантами, добавляют в нее мощный препарат для усыпления животных. Амфетамины иногда насыщают крысиным ядом, мышьяком. Существует вероятность, что наркоману всучат ампулу или пилюлю, очень похожую на ту, что он рассчитывает получить, но кто знает, что там на самом деле?

Естественно, ни одного продавца не волнует здоровье его клиентов. Об этом даже смешно думать. Наркоман может серьезно заболеть от его товара? В самом деле? Ну и что? Его смерть все равно не за горами.

Словом, при таком обилии разнообразной «дури», широких возможностях ее распространения и огромном количестве «потребителей» Нанду чувствовал себя в Штатах, как нельзя лучше и попросту блаженствовал. Да, он не ошибся с выбором страны.

Мел безуспешно пыталась дозвониться до матери. Но Маиза просто исчезла, растворилась в жарком воздухе Рио.

«Где мама? — напряженно думала Мел. — Куда она подевалась? И как страшно ей жить, ведь она отлично знает, что никому не нужна... Я бы так не смогла. Повесилась бы или отравилась. Зачем человеку жизнь, если у него нет в мире ни одной понимающей его души? Хотя это ужасно — самоубийство...»

Пометавшись какое-то время в одиночку и тщетно стараясь достучаться до сердец Лукаса и Иветти, которые остались совершенно равнодушными к судьбе Маизы и поискам Мел, она решила обратиться к деду. Тот выслушал ее внимательно, не перебивая, но сурово сдвинув брови. Когда

Мел высказала все, что хотела, Леонидас долго молчал.

— Да, ты права, — заговорил он сначала, казалось, нехотя, но понемногу входя во вкус. — Человеку невозможно жить одному, в пустоте и в полной изоляции. Словно в тюрьме. Я всегда хорошо относился к твоей матери, любил ее, несмотря ни на что, даже тогда, когда начались разлады в семье Лукаса. А они начались быстро, почти сразу же. Я понимал, что твой отец виноват во многом, вероятно, во всем, но что можно было сделать?

Мел догадалась: дед обрадовался, что ему предоставили редкую возможность порассуждать вслух, и собрался говорить долго и много. В последнее время он вообще стал излишне многословным, суевливым, нервным. Мел понимала, что так дает о себе знать приближающаяся старость, это ее признаки и симптомы, ее очевидные приметы. Она жалела деда и радовалась, что с ним рядом заботливая, добрая и общительная Иветти, которая никогда не бросит мужа в беде. Но сейчас Мел некогда было слушать словоизлияния деда, и она его резковато оборвала:

— Видишь ли, я все это хорошо помню. Родители при мне без конца ссорились, мирились и опять ссорились. Все это происходило на моих глазах, так что для меня тут нет ничего нового. Ты лучше посоветуй мне, где и как можно отыскать мать.

Леонидас обиженно засопел и насупился еще больше. Сейчас он очень напоминал Лукаса, когда тот обижался, как ребенок.

— Как я могу тебе помочь в этом? Что я, частное детективное агентство? Обратись туда, за деньги тебе ее выкопают откуда угодно.

— Молодец, дед! Спасибо, что подсказал! — в восторге крикнула Мел, чмокнула ошеломленного Леонидаса и бросилась звонить Моники.

После свадьбы Мел и Педрињу подруги стали видеться немного реже, хотя все равно перезванивались чуть ли не каждый день. Тактичная Моника почти не задавала вопросов о семейной жизни Мел и своего брата, но по некоторым коротким случайным фразам, по интонации, по недомолвкам приятельницы довольно быстро поняла: в семье у них что-то не так. И даже, сложив все вместе, вычислила, что именно. Это было не так уж трудно.

У самой Моники тоже появились тайны от Мел. Саид, этот мрачноватый, немногословный, замкнутый человек запал в душу девушки. Она никак не могла избавиться от этого неожиданного наваждения, никак не могла забыть ни глаз Саида, ни его неподвижного взгляда в упор, ни его смуглого лица и стремительной походки...

«Что это случилось со мной? — спрашивала себя Моника. И сама тотчас отвечала: — Это любовь.

Неужели я влюбилась? Как хорошо! И как страшно...»

В жизни Моники, конечно, были раньше влюбленности и увлечения. Чего в ней только не было, как в обычной жизни обычной молодой женщины! Но вот любви... Настоящей большой любви, внезапное появление которой всегда отмечено особой печатью, любви которую не заметить невозможно, мимо которой не пройдешь, на которую глаза не закроешь, — такой у Моники еще не было.

Раньше Моника даже порой думала, что почему-то лишена этого высокого чувства, и грустила о самой себе, обделенной так сильно по сравнению с другими женщинами. Но оказалось, что просто всему свое время. И срок, когда приходит любовь, у каждой женщины свой, от возраста это никак не зависит. И сейчас, значит, наступила пора Моники, пришел ее звездный час.

Рассказать обо всем подруге Моника не решилась. Впервые у нее появились тайны от Мел. В-первых, она почему-то считала, даже была уверена, что раз в доме Феррасов живут Жади и Каджа и отец Мел женат на Жади и любит ее, то говорить Мел о Саиде нельзя — та неправильно ее поймет. Во-вторых, Моника думала о том, что Мел может посчитать странной и даже неприличной, противоестественной любовь Моники к Саиду — мусульманину, имевшему двух жен,

принесшему столько горя отцу Мел и его нынешней жене.

Как все запуталось, переплелось и каким стало сложным, непонятным, тяжелым... Но какой же простоты и ясности ждала от жизни Моника — разумная, рассудительная и неглупая? Разве бывает иная жизнь — прозрачная и объяснимая до мельчайших подробностей? Где и у кого есть такая?

Моника сама посмеивалась над собой, размышляя об этом, но легче ей не становилось. Наоборот. Посоветоваться было не с кем, открыться отцу и брату она тоже боялась, а что делать, как поступать, как вести себя дальше — не знала.

Очередной звонок Мел смутил Моника еще больше. Мел ни о чем не подозревала.

— Мне нужно найти маму! — выпалила Мел. — Она не отвечает на телефонные звонки и сменила квартиру, никому ничего не сказав. Вообще пропала! А ты работаешь в детективном агентстве. Поговори со своим шефом, может, можно что-то придумать! Я завтра зайду к тебе на работу.

— Хорошо, — тотчас согласилась Моника. — Приходи, я постараюсь тебе помочь.

Она сразу вспомнила, как к ним приходил Саид, обеспокоенный исчезновением жены и дочери... И заодно припомнила, что он был одно время связан с Маизой. Об этом ей поведал ее босс.

Но Мел, к несчастью, сообразила это одновременно с подругой.

— А знаешь, я тут случайно подумала. Вдруг этот Саид, бывший муж Жади, что-то знает о маме. Ведь они... — Мел смешалась и замолчала.

— Ты хочешь позвонить ему? — стараясь держаться невозмутимой и бесстрастной, спросила Моника.

Неожиданно ее охватила ревность. А вдруг Мел права? Неужели они опять вместе — Маиза и Саид? Но Маиза уже старуха, у нее внук...

Моника была несправедлива, как всякая ревнующая женщина, ослепленная своим чувством. Ревность всегда застит глаза. Маиза оставалась пока еще моложавой, энергичной и привлекательной женщиной, которой никто бы никогда и ни за что не дал ее лет.

«Чем это я хуже Маизы?! — в гневе думала Моника. — Я моложе. И вообще... Неужели Мел права?!»

Чем-то она себя все-таки выдала, потому что Мел совершенно неожиданно насторожилась.

— А разве ты против? — удивленно спросила она. — Вообще-то я не собиралась... Я лучше приду к вам, ладно?

— Да, конечно. Часов в двенадцать, — торопливо отозвалась Моника. — А как там малыш?

И Мел стала с удовольствием рассказывать о проделках и шалостях Шанди-два.

Жади была так счастлива в Рио, в доме Феррасов, что первое время ни на кого и ни на что не обращала внимания. Она видела и слышала только одного человека — Лукаса. Ее улыбки, ее слова, ее движения — все было направлено лишь к нему, к нему одному, и ни к кому больше. А он, в свою очередь, обращался исключительно к ней, к ней одной, одну ее видел и слышал. Их замкнутый мир — мир на двоих — им нравился, полностью их устраивал. Они много лет стремились к этому, мечтали жить именно так, как сейчас. И изо всех сил пытались теперь сохранить этот свой мир, мир на двоих, по возможности долго, старались, чтобы никто не вторгся в него, никто его не разрушил, никто им не помешал. Они замкнулись в самих себе, в своих радостях и ощущениях, думая — вот глупые дети! — что такое может тянуться вечно. Но сколько бы их счастье вдвоем ни продлилось — все равно им было совершенно необходимо какое-то время пожить именно так, отгородившись от огромного мира, который столько лет пытался им помешать.

Жади иногда ловила приветливые, доброжелательные улыбки Иветти, хмурые, исподлобья, взгляды Леонидаса, любопытные, на ходу — Мел, веселые и дружелюбные — Кадижи, неодобрительные и суровые — Далвы... Но ее ничего не трогало и не задевало, не радовало и не расстраивало — иными словами, не производило ни малей-

шего впечатления. Так продолжалось довольно долго. Пока в один отнюдь не прекрасный день Жади внезапно не заметила печальное и резко осунувшееся личико дочери.

— Что случилось? — тревожно воскликнула она.

Кадижа меланхолично повела плечами.

— Разве тебя кто-нибудь еще волнует на свете, кроме твоего Лукаса? — обиженно проворчала она. — Ты прямо помешалась от любви к нему.

— Ну, от любви такое бывает часто, — виновато и смущенно отозвалась Жади. — Это ты и сама скоро поймешь.

— Уже поняла, — пробубнила Кадижа.

— Вот как? — еще больше растерялась Жади. — Интересно, когда же ты успела? Ах, ну да... Этот мальчик, который прилетал за тобой в Фес... Как его зовут?

— Дуда, — буркнула, свирепо надувшись, Кадижа. — Ты даже не в состоянии запомнить его имя! А вот Иветти запомнила сразу! Вообще, мама, я тебя не совсем понимаю.

Жади стыдливо вздохнула, залившись краской.

— И не говори, что я пойму тебя когда-нибудь позже! — холодно продолжала дочь. — Какая-то дурацкая отговорка! Конечно, мы обязательно вырастем, станем старше, поумнеем, наберемся жизненного опыта — вот тогда сразу все поймем. Придумали себе, чтобы не утруждаться лишними

ненужными объяснениями и не тратить на них время. Вы все просто ленивые и не хотите лишний раз напрячься и растолковать что-то детям. Я это давно поняла!

— Послушай, доченька, — горячо заговорила Жади, обняв Кадижу, — я виновата перед тобой... Действительно, я была неправа, увлеклась собой, погрузилась в себя, в свои чувства, отдалилась от тебя... Давай сядем, и ты мне все расскажешь.

Жади повела дочь за собой в ее комнату, усадила и мельком окинула комнату взглядом. Как давно она здесь не была! И как здесь мило и уютно! Очевидно, стараниями Иветти и Далвы. Жади хорошо знала своего ребенка: Кадижа палец о палец не ударит, чтобы прибрать или украсить свое жилище. Жади ее избаловала. И сильно. Но что же теперь делать!

Она тихо вздохнула. Но от внимания Кадижи это не ускользнуло.

— Почему ты вздыхаешь? — подозрительно спросила она, насупив брови.

— Да так, — уклонилась от ответа Жади. — Вспомнила себя в молодости... Ты стала очень красивой.

Кадижа пристально, придирчиво осмотрела себя в зеркале.

— Наверное, — не без удовольствия согласилась она, сразу смягчившись.

— Так что этот Дуда? Он влюблен в тебя?

Кадижа кивнула, тоже не без самодовольства.

— И вы собираетесь пожениться?

— Мама, — с отчаянием в голосе заговорила Кадижа, — я как раз на днях все это обсуждала с тетей Иветти. И вроде бы мы с ней все хорошо расставили все по своим местам, все было тогда так четко и определенно. Но едва я осталась одна, меня вновь замучили вопросы, сомнения, неясности...

— А что же ты не понимаешь?

— Да ничего! — крикнула Кадижа. — Абсолютно ничего! И, прежде всего, саму себя! У меня нет своего места в жизни! Я ничего не умею, ничего не знаю, ни к чему не стремлюсь!

— А почему? — став строже, спросила Жади.

Она опять почувствовала свою вину: не сумела правильно воспитать дочь. Хотя по мусульманским понятиям девушке ничего не надо, кроме богатого мужа. Однако они теперь живут в совсем ином мире, европейском. И здесь все не так.

Кадижа опустила голову, нервно теребя край юбки.

— Я думала, дядя Али найдет мне мужа — и все будет отлично. Радовалась золотым украшениям, которые дарил мне отец. Я готовилась совсем к другой жизни. Но все получилось иначе. А Дуда... Да, я ему нравлюсь. Но ему не нравится мое ничегонеделание. Мои золотые украшения. То, что у меня нет никаких стремлений и желаний. Он гово-

рит, что каждый человек, мужчина или женщина, христианин или мусульманин, должен видеть перед собой цель, должен к чему-то стремиться, чего-то добиваться, иначе он не человек.

Жади задумалась. Да, нелегкую головоломку приготовила ей дочь. А точнее сама жизнь.

— В общем, Дуда прав, — помолчав, заговорила она. — Разве ты не знаешь, чем хочешь заниматься? И, кстати, о чем же вы договорились с Иветти — ты говоришь, что все с ней обсудили?

— Тетя сказала, что раз мне нравятся красивые наряды и украшения, я могу попробовать себя в качестве модельера. Это интересная профессия и очень подходит женщине. Еще можно стать дизайнером. Но всему этому надо учиться, а мне не очень хочется. И потом для этого еще надо уметь хотя бы немного рисовать, а я не умею.

— Но это все тебе подсказала Иветти. А что ты хочешь сама? — пыталась вытянуть ответ у дочери Жади.

Она настаивала на твердом и точном ответе и начинала раздражаться, сильно нервничать, стремительно теряя спокойствие. Дочь, очевидно, собиралась сидеть на шее у мужа всю жизнь. Это нормально для Марокко, и мужчины, похожие на Лукаса и Леонидаса, с этим согласны. Но Дуда явно не такой. И дочка, безусловно, его любит. Что же делать? Прямо замкнутый круг!

Кадижа казалась растерянной и печальной. Она не знала, чего хочет. Да нет, в общем-то, конечно, знала, но ее желания абсолютно не совпадали с желаниями Дуды.

— Я поговорю с Мел, — сказала Жади. — Она скоро станет педагогом. Может, что-нибудь подскажет, поможет. И муж у нее архитектор. Это ведь так интересно, по-моему, — проектировать дома для людей.

По тоскливому взгляду дочери Жади поняла, что той это тоже совершенно не интересно.

«Надо посоветоваться с Лукасом», — подумала Жади.

Ее безоблачное счастье потускнело и померкло, словно его заслонила на время большая мрачная туча.

Албиери в очередной раз позвонил Деузе, и по его взволнованному голосу она тотчас догадалась: что-то произошло. Она приготовилась к самому худшему, напряглась, тщетно ломая голову над тем, что еще могло случиться.

— Как там Лео? Ему не стало лучше? — привычно поинтересовался профессор.

— Все так же, — отозвалась Деуза. — Лежит и пьет таблетки, выписанные ему врачом. С ним ничего не в силах сделать никакая медицина.

Ученый помолчал. Потом решил продолжить:

— Я узнал от Эдны потрясающую новость... Напрасно вы от меня ее скрывали. У Лео, оказывается, есть сын!

«Ах вот в чем дело! — подумала Деуза. — Ну да, сын... Что тут такого? Это не преступление».

— Ваш внук, — сказала она, постаравшись взять себя в руки и мгновенно придя в себя. — Но мы ничего не скрывали. Просто не успели сообщить. Тут было столько разных событий... И сам Лео пропадал довольно долго.

— Он пропадает всю жизнь, — проворчал Аугусто. — Просто мания какая-то! Бродяга от рождения. Ну, ладно... Этот вопрос мы уже не раз обсуждали. А сейчас дело в другом. Я хочу немедленно видеть мальчика.

Танцовщица тихо вздохнула. Ну, конечно, профессор хочет видеть мальчика. Что в том противозестественного? Она сама когда-то рвалась на него посмотреть, прямо ночей не спала...

Но сейчас Деуза боялась видеться с Карлой, всячески избегала этих встреч. А та постоянно названивала своей свекрови.

— Я знаю, что Лео вернулся, — объявила Карла Деузе. — Почему он не подходит к телефону? А вы почему-то все утаили от меня. Думали, не узнаю? Боитесь, что я снова начну качать права? А помните, что вы мне обещали?

Карла явно вышла из берегов, была очень взвинчена и прямо-таки напрашивалась на скандал.

Она звонила Деузе намного чаще, чем той хотелось бы, безуспешно надеясь услышать в трубке голос Лео. Но всякий раз к телефону подходили либо Деуза, либо Эдвалду, либо донна Мосинья. Лео упорно не брал трубку. И Карла терялась в догадках, относительно того, что же происходит у них в доме.

Конечно, Лео по-прежнему не желает ее видеть. Это горько сознавать, но приходится смотреть правде в глаза. Но ведь он не может угадать, что звонит именно Карла! Тогда почему же никогда не поднимает трубку? Или он опять исчез, не живет дома? Или тяжело болен?

Предположения возникали одно за другим, теснили друг друга и не давали Карле спокойно жить. Наконец она решилась во всем признаться Деузе, объявив, что давно знает о возвращении Лео.

Деуза тоже давно была готова к такому повороту и ждала его. Да и как же иначе? В конце концов, Карла должна была услышать обо всем.

— Да, Лео вернулся, — медленно отозвалась танцовщица. — Но я не говорила тебе об этом не потому, что боялась. Ты знаешь мою позицию и мое отношение к этому вопросу. Оно не изменилось ни на йоту. Но Лео вернулся и заболел...

— Я так и думала! — воскликнула Карла сразу изменившимся, встревоженным тоном. — А что с ним? Можно, я приеду?

— Нет, приезжать пока не надо, — отказалась Деуза, тотчас припомнив слова Лео по поводу сына. Однако обижать Карлу не хотелось. На ее долю и так досталось немало бед. — Вообще-то я подумаю, ты подожди немного... А с Лео творится что-то странное, необъяснимое. Он лег и не встает. Хотя ни на что не жалуется. Албиери уже пригласил к нему своего знакомого психотерапевта. Тот выписал кучу таблеток. Лео их принимает, но толку никакого: как лежал, так и лежит. Ко всему безразличен, ничего не желает, ничем не интересуется... Не знаю, что и делать...

Карла забеспокоилась сильнее. Несмотря на равнодушие и жестокость Лео, в ее душе так и не появилось ни ненависти к нему, ни презрения, ни желания его бросить навсегда, отказаться от своих попыток его вернуть и жить по-своему, по-новому, без него. Конечно, она часто злилась на Лео, проклинала, впадала в отчаяние. Но эти чувства, внезапно разыгравшись, быстро гасли и Карла, закусив губу, снова набирала давно выученный наизусть номер, и ждала, ждала... Она упрямо верила в то, что дождется, была убеждена, что ей обязательно улыбнется удача.

— И как тебе только не надоело? — часто раздраженно твердила мать. — Сколько можно так унижаться перед этим паразитом?! И так себя не уважать! Да и вообще, зачем он тебе нужен, этот

голодранец? Уж если искать мужа, так богатого! Чтобы мог обеспечить семью. Иначе будешь всю жизнь еле-еле сводить концы с концами. Разве ты этого хотела?

Карла молчала. Да и что отвечать? Зачем спорить, для чего? Мать во многом права, но у нее свое мнение, а у Карлы — свое. Каждый хочет жить по-своему. Это разумно и правильно. А насчет богатого мужа... Они с матерью такого уже искали. Прямо стыдно вспомнить.

Мать пошумела, повозмущалась, да и замолкла. Надоело без толку сотрясать воздух. Только часто неодобрительно покачивала головой, поглядывая на дочь.

— А почему мне нельзя приехать? — неуверенно спросила слегка оробевшая Карла у Деузы. — Лео против?

Деуза вздохнула. Ну конечно, против.

— Я все знаю, — продолжала Карла. — Это ведь никакая не новость. Поэтому не бойтесь меня оскорбитель. Я не обижусь — привыкла.

Деузе вновь стало очень жаль молодую женщину. И никуда не деться от этой жалости, никак от нее не избавиться. Она уже просто устала всех жалеть и всем сострадать.

— Хорошо, я подумаю. Подожди, — беспомощно повторила маникюрша.

Сейчас, когда профессор заявил о своем желании видеть Антонио, она живо припомнила свой

последний разговор с Карлой. Та хочет видеть Лео, этот — малыша. И каждый из них по-своему прав, оба настаивают на нем вполне справедливо и разумно. Как же иначе? Но что делать ей, Деузе? И кто, наконец, пожалеет ее?!

Албиери ждал ответа. Все от нее постоянно что-то ждут... Как она устала от всего этого!

— Конечно, конечно, — пробормотала несчастная танцовщица. — Я договорюсь с Карлой. Когда вам удобно?

— Это все равно. Я могу в любое время, — обрадованно отозвался доктор. — И как можно скорее. Не знаю, почему, но мне очень хочется видеть этого ребенка...

Деуза попрощалась и тотчас набрала номер Карлы. Та тоже обрадовалась, услышав голос свекрови.

«Бедняга», — в который раз подумала танцовщица.

— Профессор очень хочет повидать нашего малыша, познакомиться с ним, — с трудом выговорила Деуза.

Она понимала, что Карла ждала от нее совсем иных слов.

— Можно завтра, — разочарованно и печально отозвалась та, немного помолчав. Ей нужно было немного времени, чтобы прийти в себя. — Часов в пять. Антонио уже проснется.

— Тогда жди нас завтра в это время, — с наигранной бодростью сказала Деуза. — А с Албиери тебе все равно рано или поздно пришлось бы познакомиться: родной дед как-никак. Мальчику в жизни пригодится. Даже, возможно, станет необходимым.

Карла ничего не ответила.

S

Сесеу изучал Америку. Конечно, с ее музыкой и музыкальными группами он был знаком и раньше, но теперь ему предстояло понять, какую нишу его музыканты и он сам здесь сумеют занять. Предстояло определиться в чужой стране и в ней пробиться к успеху. А сделать это в Штатах, стране, богатой на рок-группы, было ох как непросто.

— Здесь нам ничего не светит, — ворчали музыканты. — Надо было ехать в другую страну... И чего мы сюда ломанулись?

Сесеу пока помалкивал. Он дотошно исследовал обстановку.

Америка всегда была очень трудной для завоевания страной и таким же тяжким рынком для маленьких независимых фирм. Некоторые утверждали, что добиться здесь успеха невозможно в принципе. Давили условия гигантов музиндустрии, доставка дисков к прилавкам превратилась в подлинный кошмар. Даже самая успешная независимая фирма Штатов была более известна в Британии и Европе, чем в крупных американских городах. Поэтому независимые фирмы даже и не

помышляли о конкуренции с «Коламбия», «Кэпитол» или «Уорнер Бразерз».

Америка исконно была законодательницей рока. Действительно, здесь одна только группа «Aerosmith» чего стоила.

А «Creed», «The Doors», «Rolling Stones», «Guns N'Roses», «Led Zeppelin», «Nirvana»...

Сесеу хорошо знал историю американского рока. Но для него не являлось секретом и то, что наркотики настолько прочно вошли в рок-культуру, что о них даже не вспоминали. Разве только тогда, когда кто-нибудь умирал от передозировки. Музыканты часто играли и пели под кайфом.

Героин, экстази, ЛСД... Одурманенное наркотой новое поколение музыкантов, эти офигенно-восхитительные волшебные грибы города, не могли не вызывать обеспокоенность прессы суровой правдой жизни, скрытой за фасадом мишурных рассказов о рок-н-рольной тусовке. Но такова была жуткая природа славы: пропахшие запахом смерти предыдущие десятилетия.

Да, неслучайно Сесеу ненавидел наркотики.

И теперь коллективу Сесеу предстояло сразиться с этими гигантами рока и победить. Не слишком ли много они на себя взяли?

Шанди часто приезжал в дом Феррасов к сыну. Теперь, когда Мел здесь не жила, навещать сю-

да ему стало намного удобнее и свободнее. Он чувствовал себя тут иначе — легче, не столь напряженно, как раньше. И с улыбкой входил в детскую. Шанди-два, давным-давно запомнивший и признавший всех своих многочисленных родных и знакомых семьи, радостно бросался к отцу навстречу.

— Как он любит тебя! — ласково, вкрадчиво пела Далва. — Как к тебе привязан! И к твоей милой матери тоже. Она мне теперь очень даже нравится. Такая приятная, симпатичная женщина! Я ее искренне полюбила. И почему раньше я так нелепо себя вела? Что мне в ней не нравилось? Просто глупо. Тебе с ней очень повезло. И малыш всегда с удовольствием отправляется с ней к вам домой. Все хорошо...

Она умолкала. Шанди посматривал на нее насмешливо. Что уж тут нянюшка нашла такого хорошего?

Его жизнь не сложилась. Хотя есть и заботливая любящая мать, и чудесный сын, и свой дом, и интересная и довольно выгодная работа... Кажется, нет причин унывать. Да вот слишком многого не хватало Шанди в этой жизни. Или он просто зарвался и его желания и требования чрезмерны?

Дора вела себя спокойно, держалась приветливо, однако сдержанно и отстраненно. Она пыталась сохранить мирные отношения и всячески демонстрировала дружелюбие. У Шанди даже заро-

дилось подозрение, будто она на что-то рассчитывает, изо всех сил старается вернуться к тому старому доброму времени, когда они были вместе и чувствовали себя счастливыми. Но выяснилось, что чувствовать себя счастливым и быть им на самом деле — очень разные состояния.

«Странно, — нередко теперь невесело размышлял Шанди. — Как много я не понимал! И как много наверняка еще не понимаю!»

Он все чаще и чаще вспоминал Мел и все, что было с ней связано. Почему они расстались? Зачем? Да, он, конечно, в основном виноват сам. Но он устал, действительно замучился с этими ее наркотиками, болезнями, постоянными почти нерешаемыми проблемами. Устал, замучился и все бросил... Имел ли он право так поступать, режа по живому? Не совершил ли ошибку? Не принял ли свою закономерную, естественную усталость за охлаждение к Мел, за исчезновение настоящего чувства? Это было так легко — ошибиться тогда... Да и вообще промахнуться всегда очень просто. Трудно сделать правильный выбор, точный, продуманный, верный шаг. Почему это всегда так сложно?..

В последнее время ему очень хотелось увидеть Мел, и это его удивляло. Но она не появлялась в те часы, когда в доме Феррасов находился ее бывший муж, несмотря на то, что он никогда никого ни о чем не предупреждал, никого не ставил

в известность о своих приездах. Она всегда словно чутко угадывала время его визитов и, сознательно или бессознательно, избегала встреч с ним. Будто боялась беречь рану в своей душе, не хотела будить безмятежно уснувшее сердце, опасалась тревожить его, успокоившееся ненадолго, пусть даже на какие-то мгновения.

Шанди рассматривал это именно так. И вряд ли ошибался в своих предположениях. Хотя он уже понаделал столько ошибок... Разве не мог он промахнуться вновь?..

Шанди с удовольствием играл с сыном, усевшись на большой ковер. Далва искоса наблюдала за ними.

— Как ты живешь? — вдруг спросила она.

Раньше она никогда не задавала подобных вопросов, и Шанди удивился и насторожился.

— Да нормально, — отозвался он. — Много работы, и это хорошо. Много клиентов, клиника завоевала авторитет, и, значит, деньги будут. А потом... — он помолчал, — потом работа отвлекает от всяких нехороших назойливых мыслей, которые так и лезут настырно в голову.

— Смотри, какую машину подарила мне мама! — воскликнул малыш и положил на колени отцу роскошный игрушечный автомобиль.

— Мама была вчера? — наугад спросил Шанди.

— Нет, сегодня утром, — ответил мальчик. — Такая красивая! Только грустная...

Он задумался, еще раз вновь припоминая мать. Да, все правильно: красивая и грустная.

— Она спрашивала о тебе...,

— Обо мне? — изумился Шанди. — И что же ты ей сказал?

— Сказал, что ты часто приезжаешь. И что мы с тобой и бабушкой Журой часто ездим к вам домой. Папа, почему у нас так много домов? Давай заведем один общий, где жили бы все вместе: мама, ты, бабушки, дедушки и моя любимая Далва!

Малыш вскочил и бросился к нянюшке, обнял ее и прижался так крепко, словно хотел никогда не отпускать ее от себя. Шанди-два обожал старую няню. Да и как можно было ее не любить, относиться к ней иначе?

Шанди смутился и растерянно посмотрел на Далву. Она ответила ему строгим задумчивым взглядом. Что ответить сыну, Шанди не знал. Но малыш ждал ответа и, оторвавшись на миг от Далвы, вопросительно повернулся к отцу.

— Это замечательная идея, — пробормотал Шанди. — Ты здорово придумал а нашем общем доме... Надо будет все как следует обмозговать.

— Ура! — закричал малыш. — Значит, мы будем все жить вместе? И ты, и мама?

Он, как любой ребенок, стремился организовать дом и семью, без чего ни один малыш на свете не представляет себе нормальной жизни.

— Ну да... — окончательно смешавшись, еле слышно пробормотал Шанди.

Далва смотрела на него с ласковой укоризной и бесконечной жалостью.

— Мама, сегодня приедут Албиери и Деуза, — объявила Карла матери.

— Вот не было печали! Только их нам и не хватало для счастья! — воскликнула возмущенная Одетти. — Эта так называемая бабушка совершенно бросила тебя и ребенка! Носа уже сколько времени не кажет! И вот вам, пожалуйста! Решила вдруг явиться! Да еще с профессором! С чего бы это?

— Они хотят видеть Антонио, — объяснила Карла, стараясь сдержаться и не вспылить в ответ.

Одетти грозно уперла руки в бока и повела локтями.

— Вот как? Видеть Антонио? А какое отношение они к нему имеют? Деуза — ну, ладно, допустим: она бабушка. Все-таки этот паразит Лео — ее сын. А профессор-то что? Чего он лезет не в свое дело? Кем Он приходится Антонио?

— Дедом, — мрачно сообщила Карла. — Потому что Лео всю жизнь считает Албиери своим отцом.

— Ах, вот как?! — взвилась вконец обозленная Одетти. — Он так считает? Что за ерунда! Какой

он ему отец?! Обыкновенный горе-экспериментатор, неудачник, каких полным-полно!

— Почему же он неудачник? — справедливо возразила тоже закипевшая Карла. — Он — единственный на свете, кто сумел создать человеческий клон! Ему одному это удалось. Он, можно сказать, гений, а ты говоришь — неудачник!

— Я знаю, что говорю! — не сдавалась разгневанная Одетти. — Пусть даже он создал этого клона! Все равно вся его работа — сплошная ошибка и заблуждение. И что толковогооо вышло из ЭТОГО Лео? Непутевый малый! Это видно каждому. Да и сам профессор, я слышала, очень теперь раскаивается в своем поступке и страдает, видя результат. Разве не так? Ну, скажи!

Одетти победно вздернула нос кверху. Она была убеждена в справедливости своих категоричных оценок. Однако дочь думала совершенно иначе и соглашаться с развоевавшейся матерью не желала.

— Так, да не так вовсе! — недобро заявила Карла и резко оборвала разговор на эту тему. — В общем, готовься к приему гостей! Постарайся, мама, чтобы все у нас получилось на «отлично»!

Одетти фыркнула:

— Ладно уж, постараюсь. Чего не сделаешь ради единственных дочери и внука!

И она возмущенно выплыла из комнаты. Карла смотрела матери вслед, пока за той не закрылась

дверь. Она тоже была далеко не всем довольна в своей жизни, но пыталась всеми силами сосредоточиться на лучшем и стремиться к лучшему. Тогда — она твердо верила в это — и жизнь может измениться в **лучшую** сторону.

— Вечером придут бабушка Деуза и твой новый дедушка! — сообщила Карла сыну, заглянув в детскую.

Тот важно наморщил лоб, пытаясь осмыслить полученную информацию. Что это даст ему, Антонио? Что принесет ему визит бабушки и какого-то там нового, еще не известного **ему** деда? Антонио был **прагматичным**, очень деловым от природы человеком и все рассматривал с позиции личной выгоды. В общем, решил он, в конце концов, приход родных людей всегда интересен и полезен. А дальше стоит посмотреть на них и разобраться в их достоинствах и недостатках.

Все трое — Одетти, Карла и Антонио — с нетерпением ждали приближения вечера. Мальчик даже плохо спал днем, непрерывно просыпался и вскочил раньше положенного времени.

— Пришли? — закричал он, едва разлепив глаза.

— Да нет, что ты! Еще рано, — попыталась успокоить его мать. — Спи! Они придут попозже, я тебя непременно разбужу. Хотя вообще в это время ты всегда уже встаешь сам.

— Нет, я лучше спать **больше** не стану! — отказался Антонио. Он боялся пропустить интересный

и важный момент. — Мне больше не хочется. Буду играть.

Он отправился к своим игрушкам и начал их раскладывать на ковре. Карла внимательно наблюдала за сыном. Она часто сидела рядом с ним в детской и смотрела, как он играет. Сын Лео, удивительно похожий на него... Каким он будет, каким вырастет? Будет ли похож на Лео по характеру и складу души так же, как внешне? Мать утверждала, что на кого похож человек внешне, на того же похож и внутренне, это, мол, истина. Наверное, мать права... Тогда что же? Значит, Антонио будет просто копией Лео? Но это ведь страшно!

Карла вздохнула. Она не хотела такого расклада, но от судьбы никуда не спрячешься. А можно ли воспитать человека не таким, как запрограммировала его природа? Можно ли с ней спорить, ей противостоять? Какой сложный вопрос... Что вообще можно сделать против воли Бога?

Карла выросла не слишком верующей, но в самые тяжелые моменты своей жизни обращалась к постулатам христианства, припоминала его основы и законы.

Албиери нарушил эти законы, ~~пошел~~ против них. Что получилось — известно. Ничего хорошего из этого не вышло.

Антонио увлеченно играл. В такие минуты — Карла давно это заметила — **мальчик** уходил в свой собственный мир, **отрешался** от окружающей

действительности, становился замкнутым, сосредоточенным и погруженным в себя. В свою душу он упрямо не пускал никого, несмотря на юный возраст. Карла ждала, что сын станет всем с ней делиться, рассчитывала, что он будет посвящать ее в свои маленькие и большие, смешные и наивные тайны, раскрывать ей их. Но жестоко ошиблась. Все сложилось совсем иначе.

Едва начав говорить — а Антонио стал произносить целые фразы довольно рано для мальчика, чем поразил мать и бабушку, — малыш тотчас продемонстрировал удивительно раннюю для его возраста сознательность и поразительную самостоятельность. У него словно уже имелись в запасе или были выработаны на все про все свои собственные мнения.

«И когда это он успел? — без конца всякий раз изумлялась Карла, выслушивая сына. — Рассуждает, как многоопытный старец, как человек, уже немало проживший и умудренный жизненным опытом».

Хотя, конечно, так было далеко не всегда. Порой суждения Антонио звучали наивно, по-детски смешно и забавно. Но все равно это были неизменно абсолютно самостоятельные, ни от кого и ни от чего не зависимые высказывания.

Обратила на это внимание и Одетти.

— Интересный у нас малыш, — как-то однажды заметила она задумчиво. — Уж больно умный.

И в кого пошел? Какие-то истории вечно сочиняет...

Фантазер Антонио действительно любил придумывать сказки о каждой своей игрушке, о любом предмете в квартире. И всегда рассказывал их сам себе, не обращая внимания на мать и бабушку. Воображения у него было в избытке.

— Этот камень раньше жил в море, — начинал он свое повествование, рассматривая и перебирая украшения матери. Это было и оставалось его излюбленным занятием с самого раннего детства. — Там у него был домик из раковин, чтобы его не съели акулы, приняв за маленькую рыбку. Они ведь легко могли ошибиться! Вот он жил так там и жил. Этот камень прежде был совсем некрасивый, бесцветный, не то что теперь! А потом он подружился с водорослями. И они, как лучшие друзья, в знак дружбы покрасили его своими стеблями и подарили ему такой красивый зеленый цвет, что все вокруг прямо восхитились! Но тогда камень стал бояться еще больше: он ведь теперь уж очень бросался в глаза. А потом как-то пришла к морю купаться одна красавица. Совсем как моя мама! И водоросли сказали камешку: «Плыви к ней! Она тебя возьмет, и ты будешь жить у нее в перстне на пальце. На тебя все будут смотреть, и тобой все станут восхищаться!» — «Но я не умею плавать!» — расстроился камешек. Тогда водоросли подхватили его и вынесли на самый верх, передавая от одних травок

другим. И красавица сразу заметила красивый сверкающий камень, схватила его и принесла домой. А потом отдала ювелиру и получила замечательный перстень. И все смотрели на камень и им любовались. Это вообще-то была моя мама, с этим камнем...

Антонио замолчал, очень довольный своей очередной выдумкой.

— Ну ты подумай! — сказала дочери потрясенная Одетти. — Оттуда он берет эти бесконечные истории? Я ничего не понимаю...

— Да нам и не надо понимать, — отозвалась притихшая Карла. — Нам не дано, а ему дано. Он необыкновенный ребенок, это ясно. И намуцаемся же мы с ним!

Одетти согласно кивнула:

— Что правда, то правда. У необычных детей необычные характеры и судьбы. Ничего, мы с НИМ поладим. Он, кажется, вполне спокойный и разумный малыш. Не то что его отец...

Одетти неодобрительно и скорбно поджала губы. Она никак не могла смириться с тем, что ее дочери так несправедливо выпала одинокая судьба, и простить этого негодяя Лео, так холодно и грубо бросившего Карлу и отказавшегося от собственного сына Антонио. Ее отношение к Лео перешло на его мать, а теперь — и на так называемого отца.

Поэтому вечером Деузу и Аугусто ждал отнюдь не теплый прием. Конечно, Одетти всегда стара-

лась сдерживаться ради дочери и внука, но ей далеко не всегда удавалось это сделать. Излишне эмоциональная и вспыльчивая по природе, она вообще плохо умела держать себя в руках. Счастье, что Карла удалась не в нее — та лучше умела управлять собой и своими чувствами.

Карла и постаралась сгладить негостеприимность матери и сделать атмосферу дома намного теплее.

— Здравствуйте! — с искренней радостью и приветливостью встретила Карла Деузу и Албиери, открыв им дверь. — Мы вас очень ждали! Проходите в комнату. — Она указала на открытую дверь. — Антонио много расспрашивал о вас. — Карла взглянула на свекровь с легкой укоризной. — Малыш скучает без бабушки, он ведь так к вам уже привык.

На несчастную Деузу тотчас буквально обрушился шквал новых угрызений совести. Она и раньше страдала без малыша, корила и ругала себя всячески за то, что перестала его видеть, но... Проблемы с Лео оказались столь серьезны, что поглотили все внимание, все время, отобрали все силы Деузы. И ее уже не хватало ни на что другое, хотя она постоянно чувствовала себя виноватой перед Карлой и внуком.

— Прости меня, — повинилась танцовщица, — но все вышло так нескладно, так неудачно... Познакомься, это профессор Албиери.

Карла вежливо поклонилась и приветливо улыбнулась доктору. Тот, в свою очередь, внимательно рассматривал молодую женщину. Она ему с первого взгляда понравилась: симпатичная, без претензий одетая, с доброй улыбкой.

И тут из детской выскочил Антонио. Его давно мучило любопытство, и ему уже надоело ждать, когда, наконец, придет бабушка и этот загадочный новый дед. Одетти демонстративно не появлялась.

— Я уже прямо заждался! — закричал мальчик. — Вы так долго и медленно ехали, прямо ужас какой-то!

Он бросился к Деузе, радостно визжа, и она, просияв от счастья, подхватила ребенка на руки и прижала к себе. Карла с удовольствием, улыбаясь, наблюдала за ними. Албиерй стоял, совершенно ошеломленный.

Конечно, Деуза и Эдна ему говорили, что мальчик похож на Лео. Но чтобы так... Они были словно двойняшки, разделенные во времени. Доктор вспомнил все статьи на тему клонирования. Именно так там всегда и говорилось. Но авторам этих статей не удалось наблюдать ничего подобного в жизни, они описывали и предполагали лишь возможные, отдаленные на годы, десятилетия или даже столетия эксперименты, а Аугусто сумел и поставить такой эксперимент, и увидеть его результаты. Увидеть и поразиться.

— А что ты мне принесла? — требовательно и капризно спросил Антонио.

Он был довольно сильно избалован матерью и бабушками, несмотря на их не слишком большие доходы. Просто они все отдавали в первую очередь мальчику, и он давно осознал это и привык к тому, что занимает главное положение в доме.

Деуза опустила его на пол и взволнованно засуетилась. Как это она сразу не вспомнила о подарках? Сегодня они были куда богаче и их оказалось намного больше, чем обычно, ведь Деуза так давно не заходила к Карле. И донна Мосинья, в свою очередь, нагрозила дочь презентами для своего правнука.

Поэтому Деуза долго освобождала свою объемистую сумку, а Антонио и Карла внимательно наблюдали, мальчик — с интересом и еле сдерживаемым любопытством, а Карла — с удовольствием и одобрением. Она была не столько корыстолюбива, сколько излишне эгоистично влюблена в сына, а потому всегда слишком ревниво следила за тем, как относятся к нему окружающие. И плохо приходилось тому, кто почему-то не выражал и не проявлял к Антонио должной любви и не высказывал восхищения. Карла тотчас становилась злобной фурией, готовой загрызть любого за своего ребенка.

В принципе, многие матери таковы и даже считают, что именно так и нужно себя вести, что как

раз они — самые лучшие матери на свете. Жизнь доказывает обратное, но эти матери-наседки не желают признавать ее доводов. Они живут по-своему, и перевоспитать их невозможно.

Пока Деуза щедро одаривала внука игрушками и одеждой, а Карла все это рассматривала, разложив на диване, Албиери не мог оторвать глаз от мальчика. Казалось, будто это Лео, маленький Лео, неожиданно вернувшийся на много лет назад, в свое детство. Точно такой же избалованный, требовательный, капризный... Хотя... Лео не очень-то интересовался игрушками. Он намного больше любил бродяжничать, предпочитал бегать по улицам и дворам, где-то носиться, надолго исчезать... Таким же и вырос. А этот, Антонио? Каким будет он?

Доктор задумался, глядя на малыша и Деузу, хлопчущую возле внука и безумно довольную. Как это она могла так долго не заезжать к Карлэ? Как сумела столько времени не видеть внука? Нет, это непростительно. А главное, как она выдержала целую вечность без малыша? Деуза без конца задавала самой себе эти вопросы, но не находила на них ответов и страшно расстраивалась, продолжая без усталости ругать саму себя.

Однако сейчас, возле своего ненаглядного Антонио, Деуза постепенно становилась умиротворенной и благодушной.

— Мы сейчас будем с тобой играть, — нежно ворковала она. — И ты мне расскажешь свои новые истории. Наверное, за то время, пока я не приходила, ты насочинял их во множестве?

— А почему ты так долго не приходила? — настойчиво спросил Антонио, уставившись прямо в глаза бабушки потемневшим немигающим взором.

Деуза смутилась:

— Видишь ли, так получилось... Было много дел... И болезни тоже... Но теперь все будет иначе.

Она с надеждой на поддержку заискивающе поглядела на Карлу, но та демонстративно отвернулась к окну, пристально рассматривая безоблачное небо.

— Ладно, пошли! — закричал Антонио, сгребая с дивана новые игрушки. Затем он цепко схватил бабушку за руку и поволок за собой в детскую. — Я тебе сейчас все расскажу!

— А что это за истории, о которых упоминала Деуза? — неуверенно спросил оробевший доктор у Карлы, когда они остались вдвоем.

Та повернулась к нему и вновь приветливо улыбнулась.

— Сейчас узнаете...

Маленький Саид обжился в Нью-Йорке прекрасно. Его полюбили, некоторые его просто

обожали, к нему искренне привязались все соседи. Американцы, даже случайные встречные и едва знакомые люди моментально выделяли его из всех детей, он нравился всем без исключения. Говорить он начал сразу на трех языках, причем английскому его никто не учил. Так что Саид свободно мог общаться с матерью на ее родном языке, с отчимом — на португальском, с соседями и новыми приятелями — на английском.

— У парня замечательный характер, — часто добродушно повторял Сесеу. — Он пошел не в отца. И это отлично!

Действительно, Саид-младший ничем не напоминал старшего. На редкость общительный, доверчивый и веселый, он располагал к себе уже одной только своей широкой искренней улыбкой. С отчимом он тоже сошелся запросто, быстро к нему привязался, но почему-то упрямо избегал называть его папой, как Рания ни старалась сына к этому приучить.

— Сесеу! — звонко и радостно кричал малыш отчиму и никакого другого имени для отчима не признавал.

— Ты не приставай к нему, — разумно советовал Сесеу возмущающейся жене. — Пусть он зовет меня как хочет, как ему нравится. Мне кажется, что заставлять и переучивать ребенка нельзя. Да и разве **это** главное? Важно, как он ко мне относится, а мы ведь с ним друзья.

— Да, — кивала Рания, — это правда.

Странное дело: вместо того, чтобы радоваться, она печалилась и все больше замыкалась в себе. И почти постоянно оставалась недовольной, отыскивая для своего настроения бесконечные причины. И Сесеу это удивляло все больше и больше. Что с ней? Казалось, раньше она такой не была. Возможно, обстоятельства наложили на нее свой мрачный отпечаток, или она грустила о чем-то ушедшем либо несбывшемся, или тосковала по дому, по сестре, или тяжело переживала собственные грехи и полное собственное пренебрежение законами Аллаха и заповедями ислама. Сесеу никак не мог до конца разобраться в этом, но жена в последнее время ему перестала нравиться. Он выбирал себе в жены совсем другую женщину. Он ошибся или она так изменилась? Сесеу ломал голову, но не находил ответов.

А Ранию действительно тяготило слишком многое. И она не справлялась с этой психологической нагрузкой. Рания и прежде была нервной, обидчивой, со слабым характером. Именно поэтому ей всегда так требовалась нравственная поддержка сестры, ее опека, **помощь**, советы. Оставшись сейчас без своей единственной верной и надежной опоры, Рания словно лишилась самого главного в жизни. Отсутствие сестры не могли компенсировать никакие даже самые счастливые изменения — новая любовь, новая стра-

на, новая жизнь. Хотя это было очень много, но тем не менее...

Сесеу начал впадать в отчаяние. Он стал все-рьез подозревать — и не без оснований! — что Рания его не любит, что она сбежала с ним из-за отчаяния, исключительно чтобы отомстить мужу, отплатить ему за все свои муки и страдания. Своеобразный расчет, отмщение, расплата. Возмездие за все пережитое. Сесеу отлично знал, как Рания жила с Саидом. Знал, что тот любил одну лишь свою первую жену, а на Рании женился по непредвиденному стечению обстоятельств и благодаря настойчивому желанию Жади, мечтающей найти замену в постели мужа. Задумка не удалась, настоящую любовь никем заменить нельзя. Тогда еще юная и совсем неопытная Жади не догадывалась об этом и верила в успех своего замысла.

Сесеу создавал, каково жить с человеком, не любящим тебя. Жить, любя его и с горечью понимая все острее и острее, яснее и яснее, больнее и больнее, что тебе его любви не добиться никогда и не завоевать ничем. Да и можно ли, и нужно ли бороться за любовь? У каждого свой ответ на этот вопрос. Одни считают, что тут сражаться бесполезно — зачем напрасно тратить силы, нервы и время, это бессмыслица. Другие придерживаются абсолютно иной, прямо противоположной точки зрения: за любовь необходимо бороться

ся, как вообще за все в жизни. Человек и становится человеком только в борьбе, поэтому сдаваться, опускать руки и вешать нос непозволительно.

Странно, но Сесеу не разделял ни той, ни другой точки зрения. Раньше у него как-то не находилось ни времени, ни желания рассуждать и философствовать на эту вечную тему. Была работа, стремление создать хорошую группу, написать много хороших песен. Потом стали появляться и проскальзывать, все настойчивее и упорнее, мысли о славе, о победах на конкурсах, о триумфальных гастролях по миру.

Нельзя сказать, что девушки обходили Сесеу вниманием. Они ведь в любой стране очень падки на прославившихся мужчин, особенно на тех, кто поет на эстраде. Певцы и музыканты всегда на виду, всегда в центре внимания, всегда кажутся такими прекрасными. Так что поклонниц у самого Сесеу и его музыкантов хватало с избытком. Но несколько случайных романов, кратких увлечений и связей не затронули сердца Сесеу. Ему очень скоро стали неприятны неестественные восторги девиц-фанаток, быстро надоела их привязчивость, казались надуманными и фальшивыми их восхищение и похвалы, а сами эти полубезумные поклонницы были манерными и безвкусными, и ничего, кроме раздражения, не высказывали.

Встретив Ранию, Сесеу вдруг понял, как мало он еще в жизни постиг. Он увлекся по-настоящему, буквально потерял голову, стал без конца ездить в дом Саида вместе с Нанду.

Музыканты дружески подтрунивали и непрерывно посмеивались над ним:

— Ты здорово поглупел, шеф! И похудел. Ничего, привыкай! Любовь — дама суровая. Бывает, так человека истреплет — один нос и останется. Знаешь выражение «остаться с носом»? Вот это как раз тот самый случай. Об этом никогда не стоит забывать, когда надумаешь влюбиться! Ты уж там как-нибудь поосторожнее... Нам руководитель пока очень нужен, ты это учти!

Сесеу отмахивался от их насмешек, но на самом деле и впрямь сильно исхудал тогда и изнервничался. Все казалось шатким, крайне неустойчивым, призрачным. И если бы не Нанду...

Да, Сесеу должен был быть благодарным Нанду за помощь, за твердость, которую тот в те дни проявил, за поддержку. Но эти его вечные «колеса»... Как ни стремился Сесеу повлиять на друга, как ни старались родители Нанду вылечить единственного сына, все было без толку. Вылечиться от наркотической и алкогольной зависимости может лишь тот, кто действительно всерьез этого захочет. А иначе все усилия напрасны.

Сесеу понимал, что поступает низко, бросая Нанду и Амину в Нью-Йорке. Но иначе поступить

он тоже не мог. Наркотики были и остались тем камнем преткновения, который и разделил, в конце концов, давнишних друзей навсегда. И теперь Сесеу стало не с кем посоветоваться. Нанду был его единственным закадычным другом. Музыканты из группы оставались просто приятелями, с которыми Сесеу не очень-то откровенничал. А дома становилось все сложнее и сложнее, все хуже и хуже. Сглаживал обстановку только маленький Саид, искренне расположенный к людям. Но разве в его детских силах было спасти уже разваливающуюся на глазах семью?

— Это вы... — с трудом выговорил едва пришедший в себя Саид. — Моника... Как вы нашли мой номер телефона?

— Дала Мел, — просто объяснила Моника. — А она посмотрела в записной книжке отца. Так я не поздно? Извините...

— Нет-нет! Что вы! — горячо воскликнул Саид. — Совсем не поздно!

— У меня довольно срочное, прямо-таки неотложное дело, — продолжала Моника. — Со службы мне говорить неудобно. Поэтому звонить вам в офис я не стала. А вы приходите домой очень поздно, я звоню уже не первый раз.

— Да, — горько усмехнулся Саид, — теперь мне совершенно нечего делать дома... Меня сюда и не тянет. Жила со мной сестра, да не выдержала одиночества и быстро сбежала к брату. Там семья, там ей куда веселее, чем у меня и есть чем заняться. Например, племянником.

Моника не подозревала, что Саид так тяжело переживает бегство жены с сыном, и немного смутилась. Он моментально угадал ее мысли и настроение.

— Вы думаете, что я сбит с ног отъездом Рании? — проницательно спросил он.

Растерянная Моника молчала.

— Это не так. — Голос Саида вдруг внезапно стал мягким, почти нежным. Моника вновь удивилась. — Просто человек привыкает к своему образу жизни, сживается с ним, даже если вначале противится ему и думает, что никогда не сумеет принять его. Но позже чуждое вдруг становится родным и привычным. Так случается довольно часто. И именно так произошло со мной. Я уже свыкся со второй женой, кроме того, постоянно ощущал свою немалую вину перед ней. Но сильнее и крепче всего нас связал сын. Только, видите ли, это я так думал... И жестоко ошибся... — Он печально засмеялся. — Аллах наказал меня за самонадеянность и уверенность. Нас никто и ничто не могло соединить по-настоящему. Кроме любви. А ее не было. Я себя имею в виду, Рания меня любила. И вот результат... Сначала, признаюсь, мне было очень больно. Горькое разочарование, обида, боль за бессмысленные годы... Ради чего я жил? По большим деньгам я не страдал никогда, работал ради семьи. Любил дочь, но она ушла с матерью. Любил Жади, но она встретила Лукаса еще до меня... Может быть, встретиться мы раньше... Впрочем, я говорю глупости: все равно она не полюбила бы меня, ни при каких обстоятельствах. — Саид, наконец, опомнился и прервал

сам себя. — Простите... Что же это я исповедуюсь перед вами? Знаете, я страшно обрадовался, услышав ваш голос. Мне ведь и поговорить не с кем, разве что со стенами... — Он опять грустно усмехнулся.

— Я очень благодарна вам и тронута, что вы выбрали именно меня своим слушателем, очень, — негромко отозвалась Моника. — Спасибо вам.

— Вы хорошо умеет слушать, — сказал Саид. — Не всем дано.

— Это профессиональное. Секретарю положено. Мне бы очень хотелось вам помочь, но я не могу придумать как. И прямо теряюсь в догадках. Что я могу для вас сделать?

Саид помолчал и внезапно решился. От волнения он неожиданно осип, голос его зазвучал прерывисто и тревожно:

— Если бы вы мне не позвонили, я, наверное, никогда бы не осмелился. Но сейчас... Вы могли бы мне помочь... Если бы вы согласились со мной увидеться...

Потрясенная Моника изумленно молчала, и Саид заволновался сильнее. Девушка вполне могла его неправильно понять и неверно истолковать его слова.

— Нет, вы меня неправильно поняли. Я не предлагаю вам ничего нехорошего, нет. Я просто хочу вас видеть, говорить с вами. Давайте погуляем, а потом посидим в ресторане. Я просто не знаю, ку-

да вас еще можно пригласить. Для кино я уже устал, для этих новомодных дискотек — тем более.

Моника тихо засмеялась. Ну и вечер выдался! Прямо из огня да в полымя!

— Я согласна, — сказала она. Саид ей понравился сразу, несмотря на всех его жен, детей и постоянные приключения, которые не оставляли его в покое. — Но ведь я звонила вам по делу. А мы с вами здорово уклонились в сторону.

— Мы уклонились в нужную сторону, — заявил Саид. — Так что же это за дело?

— Мне бы хотелось, чтобы вы тоже помогли одному хорошему человеку, — сказала Моника. — Это моя подруга Мел, дочка Лукаса. Она ищет мать и никак не может ее найти.

Саид был в этот момент так далек от мыслей о семье Лукаса, что не сразу понял, о ком идет речь.

— Мать? А при чем здесь я?

Моника слегка замялась.

— Ну как же... — смущенно выговорила она. — Вы когда-то встречались с ней... У Мел нет никаких сведений о матери, никаких концов. Я подумала, может быть, вы знаете, слышали от кого-нибудь, где сейчас Маиза...

— Маиза?... Ах да, Маиза... — недоуменно повторил Саид.

Моника была страшно довольна, что Саид не сразу сообразил, о ком она ему толкует. Значит, Саид действительно забыл эту женщину. Рания

Монике не может быть помехой, она никому не помеха. Но пока остается Жади... Хотя и она для него уже теперь тоже, кажется, в прошлом.

— Но я абсолютно не знаю, где она может находиться. Ни малейшего представления, никаких предположений и догадок на этот счет. Не лучше ли обратиться в ваше детективное агентство? Мне оно, правда, в свое время ничем не помогло, но ведь раз на раз не приходится. Случаи все разные. И Мел, вполне вероятно, как раз ваши коллеги и помогут отыскать мать.

— Она собирается к нам, но все же просила меня поговорить и с вами, — объяснила образованная Моника. — Понимаете, Маиза осталась совсем одна, оказалась никому не нужной, ее бросили все, буквально все от нее отвернулись...

— Это справедливо, — отрезал Саид, не дав ей договорить. — Она все это вполне заслужила, вы не находите? И вообще было бы довольно странно, если бы я виделся с ней после того, что она задумала и попыталась осуществить. Страшная женщина! У нее нет ничего святого.

— Вы правы, — мягко согласилась с ним Моника. — И все-таки она — мать Мел. Правда, они всю жизнь жили недружно, постоянно ссорились, не понимали друг друга, но тем не менее... Родные люди...

— Только по крови, — жестко возразил Рашид. — А кровное родство — это еще не родство. Должно

быть родство душ, о котором у них, по вашим же словам, не было и речи. Ну ладно, что это мы с вами все о Маизе да о Маизе? Надоело, извините... Это не лучшая тема для разговора. Меня намного больше занимает совсем другой вопрос: когда и где мы увидимся?

— А когда вы можете? — спросила на всякий случай Моника.

Она на самом деле почти не сомневалась в ответе. И не ошиблась.

— Завтра! — выпалил Саид.

Амим твердо решил летом лететь в Фес.

— Зачем тебе этот забытый Аллахом город? — искренне изумилась Самира, услышав о решении брата. — Что ты там забыл?

Амим не опустил до ответа, только недовольно покосился на сестру, сурово сдвинул брови и отвернулся.

— Я не понимаю, что тебе делать в Фесе? Зачем тебе проводить там каникулы? — вторила Самире не менее удивленная мать. — Отец обещал отправить тебя на месяц в Италию или Испанию. Хочешь, поезжай еще куда-нибудь, отдохни.

— Нет, я не хочу в Италию, — упрямо набычил-ся Амим. — Хочу в Фес! В конце концов, это мой родной город!

— Да ты его даже плохо помнишь! — всплеснула руками Латиффа.

— Вот поеду и вспомню!

Амим был настойчив, как никогда, и проявлял невиданное доселе упрямство. Родители недоумевали.

— Ладно, оставьте его в покое! Мы полетим в Фес вместе! — пришла на помощь племяннику Назира. — Пусть мальчик поглядит на город, раз уж так ему хочется. А надоест — вернется. И еще успеет в эту вашу Испанию. Мы с ним навестим Али и Зорайде, правда? — И Назира ободряюще глянула на Амима.

Тот сразу повеселел.

— Конечно. И Сумайю.

— А ты помнишь ее? — хором воскликнули изумленные мать и тетка.

— Немножко, — застенчиво отозвался Амим.

Память хранила черты той резвой темноволосой жизнерадостной девочки, племянницы дяди Абдула. Размытые, стертые временем черты... Но почему-то именно они все же хранились в памяти Амима. И это не могло быть случайностью.

— Полоумный! — охарактеризовала брата резкая и острая на язык Самира, узнав, что переубедить его и даже соблазнить Испанией не удалось. — Дался ему этот Фес! Тут что-то нечисто!

Латиффа, и сама подозревающая неладное, забеспокоилась сильнее.

— А что ты предполагаешь? — спросила она дочь.

Та дернула плечами:

— Да что тут предполагать? Ясно, что этот обезумевший от любви юноша что-то задумал.

— Что? — закричала Латиффа, в волнении теребя ворот своего платья.

— Ну откуда я знаю, мама? — отозвалась Самира. — Но что-то уж точно, ты сама видишь.

Вечером встревоженная Латиффа бросилась к мужу, едва тот переступил порог дома, и взволнованно закричала:

— Ты не должен разрешать ему лететь в Фес! Нужно запретить ему эти глупости! Это какая-то блажь! Мне кажется, он задумал что-то нехорошее!

— Успокойся! — ласково сказал Мохаммед. Несмотря на долгие годы брака и всевозможные семейные сложности, он по-прежнему любил преданную ему и дому Латиффу. — Не стоит так нервничать из-за пустяков. Почему тебе кажется, что Амим задумал нехорошее?

— Не знаю, — растерянно ответила жена. — Просто кажется — и все... Ничего объяснить я не могу.

— Ну тогда я не вижу причин для волнения, — заявил Мохаммед. — Ты напрасно так паникуешь. Мальчик хочет отдохнуть — и ничего больше. Почему бы ему не сделать это в своем родном городе? Я даже начал его по-настоящему уважать,

когда он высказал такое похвальное, на мой взгляд, желание. Каждый человек должен любить и знать свою родину. Это обязательно.

Латиффа не могла не согласиться с мужем. Однако сердце ее все равно оставалось не на месте, что-то мучило и тревожило ее непрерывно.

— Перестань, наконец, — попросила ее Назира. — Ты сама уже вся испсиховалась и заставила трястись от страха вместе с тобой весь дом. К чему все эти ужасы? Ты всегда была чересчур нервная. Была и осталась.

Латиффа горько вздохнула, молчаливо признав правоту золовки, и смирилась с судьбой, решив полностью положиться на волю Аллаха. Он сам рассудит и охранит ее сына и всю ее семью от беды. Так всегда говорил дядя Али.

Амим тем временем, не обращая внимания на эти, неизвестно откуда взявшиеся страхи и ужасы, понапридуманные матерью, собирался в дорогу. Он сам тоже, как и мать, не мог объяснить, почему так упорно рвется в Фес. Но родилось вдруг странное, какое-то непонятное никому, и ему самому в первую очередь, желание, смутное и неопределенное, но настойчивое, заставляющее Амима действовать, толкающее его на родину, почти совсем забытую, притаившуюся где-то в дальних уголках памяти. И это неожиданное желание было намного сильнее его. Оно понуждало следовать ему, не задумываясь и ничего не ана-

лизируя. Просто действовать, а там будет видно. И Амим с великой радостью, очень охотно подчинился ему.

Он по-прежнему думал о Карле. Думал чаще, чем хотелось ему и всем его родным. Видеться с Карлой он уже перестал — совершенно бесполезно! И звонить бросил. Но сердце пока еще помнило ее не просто так, по привычке, по старой памяти, которая живет долго, а иногда и вечно. Память его сердца была острой и болезненной, как плохо заживающая рана или саднящий порез.

Амим прекрасно понимал, что любовь далеко не всегда — удовольствие и радость. К сожалению, она нередко превращается в непрестанную муку, страдание, неутихающую боль. Да и вообще, почему девушка непременно должна ответить на любовь? Она ведь не просила тебя в нее влюбляться, не ждала от этого, так нечего и ждать от нее ответного чувства. Это неразумно.

Но такой горький опыт жизни Амим получил, лишь пройдя через нелегкие для него испытания. Испытания любовью. Они всегда тяжелы, особенно для юных, для тех, кто **только** начинает жизнь.

И тут вдруг возник неожиданный дядя Саид. Назира, напомнив ему о страдающем несчастном племяннике, конечно, преследовала далеко идущие цели. Прежде всего, она рассчитывала на возрождение самого брата. Но тот долго не появ-

лялся в доме Мохаммеда и не звонил. И Назира, погрузив и позлившись, махнула на него рукой: пусть живет, как хочет. Саида уже не переделывать. Она окончательно смирилась с ситуацией — все в воле Аллаха! — но брат внезапно приехал вечером без звонка.

Латиффа искренне обрадовалась, увидев его.

— Как давно ты не приезжал к нам! — воскликнула она. — Мы тебя не видели сотню лет! А как будет рад Мохаммед твоему приходу!

— А он еще не вернулся из магазина? — спросил, усаживаясь, Саид.

— Нет, он так рано почти никогда не возвращается. Сейчас я попрошу дать тебе поесть и напою чаем. Что ты хочешь?

Саид махнул рукой:

— Да не суетись! Мне ничего не нужно. Хотя зеленый чай не помешал бы... А где Аним?

Вплыла очень довольная, прямо-таки сияющая Назира. Наконец-то ее план начал осуществляться!

— Как твои дела? — справилась она.

— Отлично! — весело объявил брат.

— Отлично? — Назира сначала не поверила своим ушам, но умиротворенный вид и спокойный взгляд брата говорили сами за себя, и она возликовала.

Наконец-то! Наконец-то Саид пришел в себя! Да, но почему? И Назира вновь встревожилась.

Неужели опять появилась эта Рания? Или эта перемена связана с Жади? Но нет, это совершенно исключено.

— Ты получил какие-то хорошие известия? — попробовала она осторожно разведать обстановку.

— Какие еще известия? Не гадай! — отмахнулся брат. — Лучше расскажи, как там дела у Амима. Я ведь приехал в основном из-за него. Ты так просила тогда... Извини, раньше не мог, было очень много дел.

«Какие еще у него там дела? — подозрительно подумала Назира, всегда легко переходящая от радости к тревоге. — Что-то странное... С ним прямо нельзя успокоиться даже на минуту. Вот Мохаммед — тот живет совсем иначе, это совершенно иной человек. Зато у него Аним — мальчик с тысячей проблем и неприятностей. Как нелепо у нас получилось — племянники и племянницы непременно идут в своих теток и дядей, а не в родителей».

— Аним собрался лететь в Фес, — доложила тревожным тоном Латиффа, нервно сминая ткань платья на колене. — Якобы отдыхать детом. Не понимаю, зачем ему это понадобилось?

— А зачем тебе вообще это понимать? — насмешливо, но ласково спросил Саид. — Женщинам почему-то часто хочется постичь сразу все и целиком. А это порой просто невозможно. Раз хочешь — пусть едет отдыхать!

— Я давно твержу ей то же самое, — вмешалась Назира. — Но она меня не желает слушать. Прямо помешалась на своих детях! А они ведь уже взрослые и самостоятельные. Кроме того, я тоже собираюсь лететь в Фес с Амимом. Так что присмотрю за племянником, как никто другой. Родная тетка все-таки.

— Ты поговори, пожалуйста, с Амимом! — горячо попросила Латиффа, не слушая золовку. — Попробуй выяснить, что у него на уме, что он задумал. Все какие-то тайны...

— Хорошо, — согласился Саид. — Я, собственно, для этого и приехал, чтобы помочь, как сумею. Во всяком случае, постараюсь.

Он действительно хотел побеседовать с племянником. Потолковать с ним по душам. А вообще Саид мечтал начать новую жизнь, только признаться в этом своем желании никому бы не осмелился. Ну не смешно ли это, не глупо ли — вновь начинать жизнь в его возрасте, когда есть уже взрослая дочь, маленький сын, когда были две жены и ни с одной не удалось построить дом — свой, родной и теплый, куда бы тянуло вернуться вечерами. Да, смешно и глупо... Однако поступить именно так тянуло все сильнее и сильнее. И бороться с этим желанием не было сил. Да и не хотелось Саиду с ним бороться — хотелось подчиниться и плыть дальше по течению могучей реки-жизни, которая обязательно куда-нибудь да вынесет.

В первый раз они встретились с Моникой в самом центре города. Кругом них гомонила вечерняя суетливая толпа. Люди куда-то спешили, хотя куда уж так торопиться вечером? Но они были заведены, как старые механические часы, пружины закрутились до отказа, оказались почти перекручены, и заставляли людей мчаться, нестись вперед, теряя чувство времени, грубо разрушая всякую гармонию с миром.

Саид не первый год жил в Рио, но привыкнуть к суете и бешеному ритму западных городов, к их несоразмерной скорости, непонятной, ничем не оправданной, никак не мог. И не старался привыкнуть. Он все равно жил по-своему, отстранение, в стороне от городского шума, по возможности всячески избегая его.

Но сейчас так получилось, что они собрались в ресторан, расположенный в центре, да и Моника, выросшая в Рио, совершенно не замечала его безумия и беспредельной суеты, поэтому Саид решил потерпеть. И не пожалел об этом. Неожиданно выяснилось, что он сейчас просто не видит, не замечает окружающего, абсолютно ничего вокруг не слышит, кроме одной лишь Моники. Город словно исчез, растворился в своих собственных огнях, скрылся в вечернем сумраке — его не стало. Может быть, его вообще не существовало, и все это призрак, иллюзия, мираж? Была и есть одна только Моника, улыбавшаяся Саиду светло и приветливо.

Девушка выглядела на редкость наивной и простодушной, поскольку даже не потрудились или не додумались умышленно опоздать на свидание, как это всегда коварно делают прожженные опытные кокетки. И Саид тотчас вспомнил Маизу и Алисинью, вечно специально опаздывающих, притворно сокрушающихся по этому поводу и ненатурально себя ругающих. «Ах, опять я опоздала! Прости меня! Никогда не могу правильно рассчитать время. А ведь вышла сегодня заранее!» Саид усмехнулся про себя.

— А почему вы не опоздали? — в упор спросил он.

Моника подняла на него удивленные глаза.

— Но пробок сегодня нигде не было. Я доехала на редкость удачно.

— Пробок не было, — задумчиво и почти радостно повторил за ней Саид. — Как это хорошо, что их не было. А то у некоторых дам они возникают постоянно, даже там, где их никогда не бывает. Пойдемте?

Моника кивнула, улыбнулась и двинулась за ним, не задав ни единого вопроса по поводу их сегодняшнего вечера. Ее словно не интересовало, не беспокоило, ни куда он ее поведет, ни сколько времени они проведут вместе, ни что будет потом. Ей, казалось, были несвойственны суматошность и некоторая истеричность большого города. Она тоже, вроде Саида, была довольно

далека от него, жила отстраненно, по-своему, на свой манер. Город, вероятно, не имел на нее никакого влияния, он не сумел подчинить ее себе, извратить ее суть и внутреннее спокойствие. И Саиду эта девушка нравилась все больше и больше.

Позже он без конца сравнивал свой первый вечер в ресторане с Алисиньей и вечер с Моникой. Какие же разные это были вечера...

Алисинья тогда много говорила, лезла вон из кожи, чтобы показать свою начитанность, продемонстрировать эрудированность, потрясти своего нового знакомого познаниями в биологии и медицине. Она принялась завоевывать Саида уже во время их первой встречи в клинике. И, надо признаться, ей во многом это удалось. Саид был тогда восхищен и изумлен умом и знаниями молодой девушки. Правда, довольно скоро он обнаружил, что все это — лишь отличная память, позволяющая Алисинье запросто цитировать прочитанные научные статьи, и умение выгодно преподносить себя и свои способности, оттенять их самым лучшим образом.

А Моника... Моника вообще не старалась его потрясти и удивить хоть чем-нибудь. Просто и безыскусно одета, минимум косметики, не слишком словоохотлива... Она предпочитала слушать и смотреть, нежели болтать языком. И Саиду вначале пришлось довольно нелегко: два мол-

чаливых человека за одним столом — это катастрофа: оба хотят слушать, но кто же тогда будет говорить?

Однако все решилось довольно просто и быстро. Тонко уловив особенности и настроение визави, они посмотрели друг на друга и непринужденно рассмеялись.

— Мы молчим, как два чурбана, — весело охарактеризовала ситуацию Моника. — И каждый словно чего-то ждет. Я даже знаю, чего именно: когда начнет говорить другой. Но так можно ждать до бесконечности. Я не очень разговорчива. И вы, кажется, тоже.

— Точно, — усмехнулся Саид. — Да болтливость и не к лицу мужчине. А вот вы... Я привык к непрерывно щебечущим женщинам, не закрывающим рта.

Он замолчал. Нет, Жади как раз была не такая. Но только одна Жади. И еще вот теперь эта новая его знакомая, Моника... А ведь они, видимо, похожи друг на друга. Хорошо это или плохо?

Саид глубоко задумался. Моника внимательно изучала его взглядом. Этот хмурый человек нравился ей все больше. И его молчаливость, и его вдумчивость, и даже тяжкие испытания, выпавшие на его долю, — все привлекало Моника, все казалось ей подходящим. Именно таким и должен быть человек, с которым она хотела бы навсегда связать свою жизнь.

Отец иногда несмело намекал ей, что пора бы и замуж. Моника только смеялась да отмахивалась. Ерунда! Замуж она всегда успеет. Несколько неудачных коротеньких, как сама молодость, романов, научили Моника быть осторожнее, придирчивее и осмотрительнее в выборе потенциальных спутников жизни. А спешить Моника не любила никогда, тем более в таком важном деле, как поиски мужа. Это тебе не кофточку выбрать! Примеры подруг — той же Мел — тоже не радовали. Хотя Мел во многом была виновата сама. По-настоящему привязанная к подруге, Моника все равно хорошо понимала вину самой Мел и никогда не сбрасывала это со счетов, стараясь быть объективной. А сама Моника? Всегда ли она была права, всегда ли была справедлива по отношению к своим мужчинам? Тоже ведь нет. Ошибки громоздились одна на другую, как казалось Монике, но ведь приходит же когда-нибудь пора их исправлять. И, видимо, это время как раз наступило.

Саид меж тем непрерывно прокручивал в памяти все мелочи и подробности своих предыдущих вечеров с Маизой и Алисиньей. Как сильно они обе отличались от Моника... И, разумеется, не в лучшую сторону. Саид незаметно, исподтишка пристально вновь осмотрел Моника. Да, одета очень просто, без всяких претензий, но туалет тщательно продуман до мельчайших деталей, все

подобрано по цвету, безупречно выбрана неяркая некричащая косметика и недорогие, но эффектные украшения. И Моника явно произвела в шумном, чересчур светлом зале ресторана особое впечатление. Сразу несколько пар мужских глаз беззастенчиво уставились на нее, несмотря на присутствие мужчины за ее столиком.

Наконец один из восхищенных Моникой посетителей встал, одернул пиджак и величественной походкой приблизился к столику, за которым сидели Саид со своей спутницей.

— Позвольте вас пригласить на танец, — отведав церемонный поклон Монике, произнес этот усатый господин, не обращая ни малейшего внимания на Саида.

«Словно меня тут нет, — начал понемногу закипать Саид. — Что он себе позволяет, этот тип?! Нет, все-таки Рио — сумасшедший город! И жить в нем невозможно! Как это я провел тут столько лет?!»

Моника тотчас заметила резко изменившееся настроение своего кавалера и обрадовалась: значит, она небезразлична ему и пригласил он ее не просто так, от скуки, от непроходящего одиночества, от тоски и неприкаянности унылых вечеров. И Моника решила на провокацию, на забаву, показавшуюся ей вполне безобидной. Она искусно разыграла некоторое колебание и смущение, вопросительно, будто спрашивая разрешения,

взглянула на грозно набычившегося Саида. И, словно продолжая колебаться, уже привстала, готовясь положить руку на плечо незнакомого усача.

И тут Саид взорвался. Он вскочил, опрокинув стул, с грохотом отлетевший в сторону. Испуганно звякнули бокалы на столе, вино плеснуло на белоснежную скатерть, покрыв ее алыми пятнами. Точно такие же пятна вспыхнули на щеках Саида.

— Сядьте! — крикнул он.

Слегка испуганная, растерявшаяся, сразу притихшая Моника моментально шлепнулась на свой стул. Она не рассчитывала на такую бурную реакцию это было всего лишь невинное кокетство. Если бы она знала, разве осмелилась бы на такой опасный, как сейчас выяснилось, эксперимент?

Желающий танцевать усатый господин тоже ошарашенно уставился на Саида.

— А вы отправляйтесь вон! — продолжал распаляться тот. — Немедленно прочь отсюда! Кто вас звал? Какое право вы имеете приглашать на танец незнакомую даму, которая вдобавок здесь не одна?! Что за манеры?!

За соседними столиками наступила полная тишина. Все в зале перестали жевать и недоуменно уставились на смуглого взбешенного человека. Стихла музыка. К столику Саида поспешил встре-

воженный метрдотель. Он неплохо знал этого гостя.

— Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь! — забормотал он, подлетая. — Это недоразумение! Мы его в два счета уладим! Прошу вас, — обратился он к усатому, — займите свое место. Где ваш столик?

Тот и сам был не рад своей затее и торопливо ретировался к себе за столик.

— Все в порядке! — метрдотель подобрал стул и кивнул подоспевшему официанту, который тотчас бросился менять скатерть и бокалы, один из которых все же разбился. — Не волнуйтесь! — повторял метрдотель. — Это недоразумение. Господин ошибся, с кем не бывает...

Ошибся? Саид бросил гневный взгляд в сторону усатого, уже усевшегося на свое место. Нет, этот негодяй не ошибся. Он как раз без промаха выбрал самую лучшую женщину в зале, во всем Рио и вообще на всей Земле.

Моника осторожно протянула руку и погладила Саида по сжатому кулаку. Кулак сразу разжался.

— Простите меня, — подавленно прошептала она. — Все получилось так глупо!

Саид посветлел и поднял на нее ласковые и чуточку недоверчивые глаза. Неужели ему действительно повезло и он нашел свое счастье?

— Ничего... А вы правда хотите танцевать?

— Да... Но только с вами, — ответила Моника.

Амина не слишком следила за делами и связями Нанду в Нью-Йорке. Но даже если бы она очень захотела это сделать, все равно у нее ничего бы не получилось. Она совсем не знала города, плохо говорила по-английски и первое время довольно долго терялась на улицах огромного, загадочного, шумного мегаполиса, которого просто откровенно побаивалась.

А хитрый Нанду тем временем развил на редкость бурную деятельность. Через два-три месяца после приезда в Штаты он уже довольно неплохо владел несколькими каналами поставки наркотиков в Америку и завел прочные связи во многих близлежащих странах, например, в Колумбии. В свое время пронырливый Нанду очень внимательно слушал все разговоры Педро с людьми, приходящими к нему в подвал. Конечно, Педро бы ему этого не позволил, но ушлый Нанду ловко прятался под окном так, что даже опытный Педро не сумел ни разу его обнаружить, хотя всегда все проверял и перепроверял, все сам внимательно осматривал и контролировал. Нанду ни разу не попался, и благодаря этому многое услышал и узнал, многое запомнил и намотал на ус. Несмотря на то, что он довольно давно и прочно сидел на наркотиках, Нанду пока еще не потерял память, и то, что он ее сохранил, удивляло даже его самого. Правда, наркотиками он старался не увлекаться, не переходить допустимых границ, пытался

сдерживать себя, как мог. И это приносило свои результаты.

Подслушивание дало несомненный эффект. Теперь Нанду нагло являлся по запомненным и записанным когда-то адресам, произносил незнакомые имена, как пароли, которые действовали безотказно, и начинал работать. То есть активно внедряться в сеть американских наркоторговцев.

Конечно, он мог и провалиться. И это всегда следовало учитывать. На такой нежелательный случай у Нанду был готов беспроигрышный, как ему казалось, вариант ответа в свое оправдание: его самого обманули, подставили, обвели вокруг пальца. Он ни в чем не виноват! Это все Педро и его друзья! Это такие негодяи и пройдохи!

Но пока Нанду все сходило с рук. Судьба благоволила к нему и хранила его от неудач. Нанду успешно и без большого труда замкнул на себе несколько каналов Педро и его приятелей и получил первые немалые деньги.

— Вот! — хвастливо сказал он Амине однажды вечером, гордо бросив на стол пачку долларов. — Положи в банк на свое имя!

Нанду умолчал, что на его имя в двух крупных банках Нью-Йорка были уже открыты счета с довольно внушительными суммами, и к нему там обращались весьма почтительно, как к выгодному вкладчику. Нанду такое обращение чрезвычайно льстило.

Являясь в банк, он каждый раз ликовал.

«Так и стелются передо мной, так и стелются, — удовлетворенно думал он. — Так и выются вокруг... Вот что значит иметь много денег!»

Амина удивленно и радостно повертела в руках пачки долларов.

— Прилично... Откуда это? Ты начал работать?

Нанду самодовольно хмыкнул:

— А как же! Долг любого мужчины — обеспечивать семью!

«Мужчина! — с горечью подумала Амина. — Какой из тебя мужчина, дурачок? Я уж и забыла, какой ты в постели...»

Она тяжело страдала от своего женского одиночества при живом муже. Они даже обвенчались в церкви, и Амина приняла другую веру — католичество. Ей это ничего не стоило: она и в своей вере никогда не была особенно тверда.

Амина все чаще и чаще тоскливо вспоминала Мусу, его руки, его твердые и ласковые губы, его темный, непрозрачный, всегда изголодавшийся по женщине, выражающий жгучее желание взгляд. А этот... Пустое место, а не муж. Хотя вот деньги зарабатывать может. И немалые.

— А я тебе больше не понадобится в качестве курьера? — вкрадчиво спросила она, стараясь не выдать своей заинтересованности. — Мои полеты совсем прекратились... — Амина, затаив дыхание, ждала ответа.

— Это очень может быть, — довольно хохотнул Нанду. — Вполне вероятно, что ты мне довольно скоро потребуешься именно в этом качестве. У тебя уже есть в этом деле немалый опыт.

— Марокко? — коротко выдохнула ликующая Амина.

— Угадала! — весело отозвался Нанду. — Этот твой... Как там его зовут?.. Который нам достался от Педро по наследству... Он, наверное, соскучился по тебе.

Нанду пошутил, но нечаянно угодил в самую точку. Амина как раз отчаянно надеялась на то, что Муса скучает без нее.

10

Лобату понимал, что в жизни его детей, так поздно им обретенных, найденных им совершенно случайно, далеко не все ладно. Но вмешиваться в их проблемы боялся. Во-первых, дети давно взрослые. Во-вторых, никто не любит советов. В-третьих, никто их не слушает, все все равно живут своим умом.

Но жизнь Педрињу и Моники ему нравилась все меньше и меньше с каждым днем. И Лобату начал нервничать.

Сын явно помрачнел, стал еще молчаливее — иногда просто слова клещами не вытянешь. Дочь, наоборот, подозрительно повеселела, начала без конца смеяться, шутить, острить, потеряла всякую серьезность и **свойственную** ей задумчивость, превратившись в ветреную кркетку и часто напоминая отцу легкомысленную юную девушку, не знающую о жизни еще практически ничего.

«Что происходит? — ломал себе голову озабоченный проблемами детей Лобату. — Они мне ничего не рассказывают, **ничем** не делятся. Все молчком да тишком... Но я ведь вижу, что дело плохо».

Объяснить самому себе эти интуитивные заключения Лобату не мог, да и не старался. Он был попросту уверен в своей правоте, хотя верить в плохое упрямо не хотел. И однажды, в конце концов, явился в дом Феррасов, пытаясь выяснить истину и подтвердить или опровергнуть свои наблюдения.

Навстречу выплыла очень довольная жизнью, собой и вообще всем на свете Иветти.

— Привет! Давно не заходил! — радостно пропела она. — Хорошо, что вспомнил наконец!

— Дела! — развел руками Лобату.

— Понятно! Значит, все идет нормально. Ты молодец. И выглядишь отлично. — Она с удовольствием окинула Лобату оценивающим одобрительным взглядом с ног до головы.

— Ты тоже ничего, — отозвался Лобату. — И за что старому Феррасу такая удивительная везуха? Прямо зависть берет! Ему несказанно повезло.

Иветти хихикнула.

— Я ему давно старательно это доказываю.

— Неужели это еще надо доказывать?

— Ну да, в том-то и дело! Львенок до сих пор упрямо не желает поверить в свое счастье и в свою редкостную, просто неслыханную удачу. Найти меня! И не оценить этакой находки! — Иветти весело и чуточку насмешливо рассмеялась.

Лобату засмеялся в ответ. Ему всегда была приятна эта женщина, и он не понимал своего старого

друга. Но таков уж характер Леонидаса, вечного брюзги и ворчуна. С ним ничего не поделаешь.

Иветти провела Лобату в гостиную, на ходу с удовольствием выкладывая все последние новости:

— У Львеночка какие-то очень большие успехи в фирме. Да я в этом почти не разбираюсь, только слышу и вижу, что дела идут в гору. А деньги — в дом! — Она игриво оглянулась на Лобату, ни на минуту не забывая своего основного излюбленного занятия — всех подряд пленять и очаровывать даже без всякой надобности, просто из любви к искусству. — Лукас и Жади совершенно счастливы. А посему не замечают ничего и никого вокруг. Вот только Далва что-то прибалывает. — По лицу Иветти, сразу омрачившемся, пробежала тень. — И наша девочка Кадижа как-то не очень уверенно себя чувствует в Рио.

Кадижа, по правде говоря, мало интересовала Лобату, и он задал наиболее волнующий его вопрос:

— А как Мел?

Иветти пожала плечами:

— Да вроде нормально. — Она сильно лукавила и кривила душой. Но не выкладывать же Лобату сразу всю подноготную! Да он и сам вскоре догадается. Не может не догадаться. — Главное, наш маленький Шанди! — Иветти вновь оживилась и заулыбалась. — Это такая прелесть! Как жаль, что у меня нет детей! — Иветти опять приуныла.

Она так быстро переходила от одного настроения к другому, что Лобату с немалым трудом отмечал их границы.

— Но если тебя беспокоит жизнь Мел... — Иветти испытующе покосилась на гостя, — ты можешь сам обо всем спросить у нее. Хотя я уверена, что ты беспокоишься совершенно напрасно. У них там все хорошо. И... — Она как-то странно замолчала, словно скрывала что-то. — Да... ты расспроси ее обо всем сам. У вас ведь всегда были прекрасные отношения. Вы с ней старые закадычные друзья.

Иветти улыбнулась. Лобату окончательно потерял покой и насторожился намного сильнее. Он подозревал одну беду за другой, думал о самом страшном, на самом деле боясь даже помыслить об этом. Так все было хорошо и мирно, так спокойно и тихо, и вдруг... Что же стряслось в действительности? Что случилось? И правда ли, что пришла беда? А может, Лобату сам себе напридумывал ужасов, навоображал неизвестно что, а в жизни Педринью и Мел ничего не изменилось, она течет себе дальше, невозмутимая и безмятежная?

Во всяком случае, Иветти права, нужно поговорить с Мел начистоту.

Лобату поболтал еще с Иветти о том о сем, заглянул с ней вместе в детскую, привычно восхитился под мудрым и тонким руководством все той

же Иветти, как вырос Шанди-два, как он умен, сообразителен, красив, — в общем, все при нем. Заодно Лобату про себя с горечью отметил, что Иветти, как всегда, абсолютно права, и Далва выглядит неважно. Годы, годы...

Потом Лобату отправился на половину Лукаса. Тот искренне обрадовался, увидев давно запропавшего приятеля.

— Ты почему так редко заходишь? И не звонишь, — укоризненно сказал Лукас.

— А ты? — в свою очередь в тон ему отозвался Лобату.

Жади тотчас тактично выскользнула из комнаты.

— Да я... — немного смутился Лукас, — понимаешь...

— Понимаю, — усмехнулся Лобату. — Я рад, что у тебя все наконец-то сложилось должным образом. А что Мел?

— А что Мел? — не понял сути вопроса Лукас. Почему все влюбленные всегда моментально становятся крайне близорукими и не видят ничего дальше своего носа? — У нее тоже все в порядке. Разве ты не бываешь у них?

— Редко, — ушел от ответа Лобату. — Не хочу мешать.

— И правильно, — кивнул Лукас. — Я придерживаюсь такого же мнения. Дождешься отца? Он приезжает домой довольно поздно. Несмотря на

молодую и прекрасную жену. Я бы на его месте сидел только возле нее.

Лобату ухмыльнулся.

— Дождусь. Мы с ним давно не видались. А Леонидас, судя по всему, не слишком боится за Иветти и не сомневается в ней.

— Он уже чересчур много настрадался с ней раньше, очень устал и, очевидно, не в силах снова бояться и сомневаться. Все страхи и сомнения остались в прошлом.

— Об этом можно только мечтать, — вздохнул Лобату. — Завидую я ему... А в общем, он молодец.

— Молодец, — согласился Лукас. — И с возрастом не меняется.

Явившийся наконец домой Леонидас полностью подтвердил слова сына. Старший Феррас оставался все таким же подтянутым, прямым, почти без морщин. Только седина все сильнее се-ребрила его волосы, но это даже ему шло.

— О-о, кого я вижу! — явно обрадовался он. — Давненько ты к нам не заглядывал. Ужинал? А то садись со мной, заодно все и расскажешь.

— Да мне рассказывать особенно не о чем, — улыбнулся Лобату. — Все в норме. Хотелось бы послушать.

Леонидас схватил старого друга за руку и потащил к себе. Лукас с насмешливой улыбкой посмотрел им вслед.

— У нас творится сущее безобразие! — возмущенно зашипел Леонидас, прямо раздуваясь от негодования и гнева, едва остался наедине с приятелем. — Лукас окончательно сошел с ума от своей любви, в конце концов состоявшейся! Девчонка этой его новой марокканской жены мается дурью! Малыш всеми брошен и растет на руках у Далвы! А Иветти — ты представить себе не можешь! — постоянно всем довольна!

Лобату постарался скрыть усмешку.

— Почему не могу представить? Очень даже могу. Только чем же это плохо, что она всем довольна? У тебя чудесная жена! Тебе с ней просто повезло, редкий случай.

— Ну, знаешь! — возмутился Леонидас. — Я тебя не понимаю! Чему же тут радоваться?

— А чему огорчаться? Лукас счастлив, малыш отличный, в доме покой и тишина. И девочка найдет себя — всему свое время. Сын у тебя тоже замечательный. Ты просто упрямо не хочешь это признавать.

Старший Феррас вконец обиделся, насупился и грозно засопел.

— Нет, ты тоже невыносим! Также, как все они! Вот им ты подойдешь вполне.

Лобату хотел сказать, что это сам Леонидас невыносим, но вовремя удержался. Иначе бури бы ему не миновать. И вообще из дома могут попросить вон.

— А как Мел? — вновь осторожно задал он самый волнующий его вопрос и опять нарвался на взрыв негодования.

— Эта ваша Мел давным-давно абсолютно отбилась от рук и делает, все что хочет. Не пойми как живет. Зато твой сын, Лобату, мне очень нравится. Вот так мне всегда нравилась Маица. Она, кстати, пропала, и никто не знает, где она и что с ней. Так вот, я очень радовался, когда Мел вышла замуж за твоего Педринью. Но дальше... Дальше все темно и непонятно.

— Непонятно? — эхом повторил Лобату.

Он так и думал: все очень плохо.

— Не переживай! — махнул рукой Леонидас. — Это совершенно напрасно! Твои страдания никого здесь не волнуют, это я проверил на собственном горьком опыте. Давай лучше ужинать.

И он попросил служанку принести в комнату ужин на двоих.

Аугусто вернулся домой совершенно потрясенный и какой-то пришибленный. Эдна, взглянув на него, испугалась.

— Что случилось?

— Я видел сына Лео... — прохрипел профессор.

— Ну и что?

— Они похожи как две капли.

— Да, я тебе говорила об этом. Это не новость. А почему ты так подавлен?

— Эдна... — прошептал Албиери, буквально падая на диван, — Эдна... Я ведь думал, что этот мой случайный страшный эксперимент закончен, что Лео, он один на всем белом свете. И одним так и останется... Но судьба распорядилась иначе.

— Не судьба, а сам Лео, — логично поправила его жена. — Он, в конце концов, живой человек и имеет право поступать по-своему и сам принимать решения.

Доктор тяжело вздохнул:

— Имеет, конечно, имеет... Ты права. Но что дальше?

Эдна удивленно пожала плечами. Она сегодня не очень понимала мужа.

— А что дальше? Все та же обыкновенная жизнь. Вырастет мальчик... Кстати, Аугусто, это ведь как бы наш внук. И нам надо позаботиться о нем и его будущем. Карла небогата. А ее мать... — Эдна брезгливо поморщилась. — Ну да ладно, все равно это ее мать, самый близкий ей человек.

— Конечно, конечно, — засуетился профессор, вскакивая. — Мы обязательно им поможем! И будем помогать дальше. Деуза тоже балует малыша.

— И это совершенно неправильно! — отрезала Эдна. — Ты тоже в свое время баловал Лео безмерно. Вспомни! И что из этого вышло? Тебе нужен второй экземпляр Лео?

Албиери испугался, перестал носиться по комнате и снова тяжело рухнул на заскрипевший под ним диван.

— Нет-нет, что ты! Еще один Лео нам ни к чему! И вообще такой тип никому не нужен!

— По-моему, женщины как раз без ума именно от такого типа! — язвительно усмехнулась Эдна. — Особенно Карла. Она до сих пор никак не может его забыть.

— А что, — осторожно спросил доктор, — Лео отказался на ней жениться? Почему он не хочет? Ведь это его сын!

— Да он знать ее не желает! — объявила Эдна. — Для него это так, пустячок, очередная случайная связь... И потом тебе отлично известно, лучше, чем всем остальным, что он без ума от этой марокканки. И Карла с ребенком тут ни при чем.

— Да-да, конечно, — растерянно пробормотал огорченный профессор. — Эта Жади, новая жена Лукаса... Что-то в ней есть роковое, в этой женщине.

Эдна тотчас закипела. В присутствии одной женщины крайне рискованно хвалить другую и расточать комплименты в ее адрес.

— Роковое?! Глупости! Она самая обыкновенная, каких много! Не понимаю, что они все в ней нашли, прямо помешались на ней! Танцы какие-то... Да кто теперь из молодых не танцует? Подумаешь, достоинство!

Аугусто тотчас осознал свою непростительную ошибку и неловко попытался ее исправить.

— В общем, ты опять права. Но мне страшно, когда я представляю себе будущее Антонио.

— Ерунда! — решительно возразила жена. — Все дело в воспитании. Вот тут ты и должен повлиять на Карлу, объяснить ей, сколько ошибок было сделано при воспитании Лео, и серьезно предостеречь от них. Мне кажется, она разумная мать и поймет тебя. Во всяком случае, прислушается к твоим словам.

И профессор задумался.

Шанди, как всегда широко улыбаясь сыну, смеявшемуся в ответ, привез его к Феррасам. Мальчик провел у бабушки и отца два дня и был страшно доволен. Навстречу вышла Далва. Выглядела она неважно и посматривала угрюмо.

— Явились, — хмуро констатировала нянюшка. — И время без меня провели преотлично, так и сияют оба! Конечно, кому я тут теперь нужна...

— Не надо ревновать, — усмехнулся Шанди. — Когда в доме много взрослых, они часто не в силах поделить одного-единственного ребенка. Поэтому плохо, когда малыш только один.

— Какие вы все умные, опытные, знающие! — проворчала мрачная Далва. — А с Мел ты, видно, сговорился? Она точно такого же мнения.

— Ну и правильно! — весело отозвался Шанди, поднимаясь вслед за сыном в детскую. И вдруг остановился, осененный внезапной догадкой. — Мел?.. Она что, хочет второго ребенка?

Сын звонко загомонил впереди, врываясь в детскую и радуясь встрече со своими игрушками. Ему пока что нравилось ездить из одного дома в другой, и он не усматривал в этом ничего ненормального, не ощущал своей ущербности. Наоборот, Шанди-два чувствовал себя намного богаче других, имеющих всего лишь один дом. Таких обделенных судьбой он даже жалел.

Далва ехидно прищурилась.

— Что, ты сильно удивлен? А собственно, почему? У Мел есть муж, вторая семья, и она может себе позволить второго ребенка.

Няня никак не желала простить Шанди неудавшуюся семейную жизнь своей любимицы, ее развод и все остальное. Почему-то главным виновником несложившейся жизни Мел Далва упорно считала именно Шанди.

— Может, конечно, почему бы и нет, — смущенно пробормотал действительно неприятно пораженный Шанди.

— Но тебе это, видно, не по душе, признайся? Тебе это решительно не нравится, — упорно продолжала гнуть свою линию няня. — Ты хотел бы привязать ее к себе на всю оставшуюся жизнь. Так ведь?

К счастью для Шанди, вышла Иветти, как всегда сияющая улыбкой.

— Как Дора? — невпопад спросила она.

Шанди до сих пор скрывал свой разлад с невестой от Феррасов.

— Никак! — злобно буркнул он. — Мы расстались.

Озадаченная Иветти перестала улыбаться.

— Вот оно что... — изумленно протянула она. — Печально!

— Это нормально! — крикнул Шанди. — Если женщина откровенно не хочет принять и полюбить моего ребенка, то расставание в порядке вещей!

— Но, согласишься, полюбить чужого ребенка не легко! — возразила Иветти.

И тут вошла Мел, бренча ключами от автомобиля. Она только что приехала, довольно неожиданно, без предупреждения, как обычно. Вошла и недоуменно остановилась. Ее поразили мрачные лица всех собравшихся.

— Что случилось? — удивленно спросила она.

— Ничего! Ничего особенного! — крикнул взбешенный Шанди. Он заводился все сильнее и сильнее. — Тебя разве интересует, что происходит в доме, с твоими близкими? Ты живешь сама по себе, на отшибе! И даже редко приезжаешь к сыну! Тем более теперь!

Мел побледнела.

— Это несправедливо! — тихо сказала она. — Я часто вижу Шанди. Чаше, чем ты. И зачем снова сводить счеты? Мы, кажется, разобрались в наших отношениях и поставили все точки над «i».

— Поставили?! — заорал Шанди, испугав сына. Мальчик вылетел из детской и застыл, ошеломленно глядя на отца. — Чушь! Ничего мы с тобой не поставили! Несмотря на то, что у тебя есть муж, а у меня — Дора! И ты сама это прекрасно понимаешь! Только прикидываешься душой!

Он резко повернулся, бросился вниз по лестнице и выскочил из дома. Иветти, Далва и Мел потерянно смотрели ему вслед.

— А почему папа так кричал? — спросил Шанди-два.

Ответом ему было глухое молчание.

Лео с маниакальным постоянством продолжал валяться на диване.

«Уже дырку в обивке протер, — злился про себя Эдвалду. — Ну и подарок! Говорят, отчимы редко находят общий язык с пасынками. Пойди найди с этим! Никто не сумеет».

Эд продолжал мучиться, видя, как страдает Деуза. Именно ее переживания и волнения оказались для него непереносимыми. И именно они стали той основной причиной, по которой портной взорвался, не выдержав не спадающего до-

машнего напряжения и постоянного семейного стресса.

— Ну что? Все то же самое? — справился Эдвалду как-то вечером у жены, кинув косой неодобрительный взгляд на кучу упаковок и таблеток на столе.

Деуза тяжело вздохнула:

— Ничего не меняется... Эти лекарства совершенно бесполезны.

Эд хмуро и глубокомысленно кивнул:

— Конечно. Если принимать их без всякого желания выздороветь. Это как алкоголизм или наркомания. Пока человек действительно сам не захочет бросить это занятие, никакое лечение не поможет.

— А что же делать? — в отчаянии спросила Деуза.

Муж бросил на нее оценивающий взгляд. Нет, это прямо ужас какой-то! Исхудавшая, с перепуганными и тоскливыми глазами, щеки ввалились, ребра торчат, волосы как пакля... А была... Это же была дивная красотка, от которой мужчины не могли оторвать восхищенных глаз!

И Эдвалду взвился. Он ворвался в комнату к Лео, по обыкновению валявшемуся на диване, и заорал:

— Немедленно встать!

Деуза, вбежавшая вслед за мужем, попыталась удержать его, но не осмелилась, что-то ее остановило.

Эд подлетел к изумленному пасынку и изо всех сил сдернул того с дивана.

— Встать, я сказал!

Лео ошеломленно вытянулся по струнке, ничего не понимая, но не решаясь возражать. Так с ним еще никто никогда себя не вел. И Лео, не привыкший к такому обращению был в замешательстве.

— И чтобы отныне я тебя лежащим на этом диване больше не видел! — грозно отчеканил Эдвалду. — Только ночью, когда все люди спят. Ясно?

Недоумевающий Лео молчал.

— Ясно, я спрашиваю?!

— Ясно, — нехотя выдавил из себя Лео.

На самом деле ему уже и самому поднадоело валяться, но вставать он тоже не собирался. А зачем, когда ему здесь так уютно и тепло? Когда не надо ничего делать и ни о чем заботиться? Когда еду и питье подадут, о здоровье спросят и еще нежно поцелуют в лоб, как маленького? Что еще требуется от жизни?

Да и потом... Ну, допустим, он встанет. Ну и что? Что он будет делать, чем заниматься? Придется искать себе занятие, какую-то работу. Какую?... Нет, это чересчур сложно и обременительно. Лишние трудности в жизни ему абсолютно не нужны.

И Лео продолжал вести привычный диванный образ жизни.

— Тебе давно пора заниматься делом, а не бить баклуши! — продолжал разъяренный Эдвалду. Он шел напролом и решил действовать без промаха. — Припомни, сколько тебе лет? Мать и бабушка тебя безнадежно избаловали, да еще этот профессор с его неутоленной отцовской страстью! Вот и получился из тебя фрукт, какого поискать! Вырос оболтус! Ну, ничего! Теперь я займусь твоим воспитанием на правах отчима! Ты у меня в два счета станешь как шелковый! Женщин я к тебе не подпущу вообще! Нечего им тут делать!

«А как же тогда бедная Карла? — тотчас подумала жалостливая Деуза. — Хотя Лео все равно не желает ее видеть...»

— Завтра утром ты отправишься вместе со мной в мою мастерскую! — жестко продолжал диктовать свои условия Эд. — И начнешь работать. Точнее, сначала учиться портновскому ремеслу. Оно не самое последнее в мире и требуется людям чаще, чем им того хочется. Поэтому с этой профессией ты никогда не останешься нищим и не будешь сидеть без куска хлеба. А сам ты все равно не в состоянии выбрать себе профессию и понять, чего тебе хочется. Хотя это давно бы пора было сделать. Ясно?

— Ясно, — теперь уже без промедления и запинки отозвался Лео.

Странно, но он оказался даже доволен сложившейся ситуацией. Принимать решения, делать

Выбор для Лео действительно было сейчас совершенно не под силу. Но он устал жить в бездействии и безысходности. Требовался какой-то выход. Какой угодно. И вот этот выход нашли. Нашли без Лео, но все сложилось удачно, так, как должно было получиться, так, как ему в последнее время хотелось.

Деуза молчала. И ее также устраивало то, что решил муж. Да, похоже, что Эдвалду не ошибся и сделал единственно правильный шаг.

Вошла и встала на пороге привлеченная шумом и громкими голосами донна Мосинья. Приветливый ясный взгляд неожиданно повеселевшего и взглянувшего на нее доброжелательно и почти довольного внука поразил старуху.

«Чудо! — подумала она и с подозрением поглядела на дочь и зятя. Те стояли молча, но тоже очень довольные и умиротворенные. — И кто же это чудо сотворил?»

Донна Мосинья минуту поразмышляла и угадала «волшебника» абсолютно верно.

— Спасибо тебе, дорогой Эд! — произнесла она и величественно выплыла из комнаты внука.

Вот это да! Растерянный зять в замешательстве глянул ей вслед. Пожилая леди ни разу в жизни еще не называла его дорогим.

11

— Вы прекрасно танцуете, — прошептала Моника.

Они с Саидом представляли собой выразительную, запоминающуюся пару. И все в зале ресторана, вольно или невольно, вновь не сводили с них глаз. Особенно уса́тый господин.

— Вы любите танцевать?

«Терпеть не могу!» — собирался ответить Саид, но вовремя удержался. Ах, Жади, прекрасная Жади! Давно уже чужая жена. Постоянная, непреходящая память и боль.

— Не особенно, — сдержанно отозвался Саид. — Вот только разве с вами...

Монике польстил такой незатейливый, лежащий на поверхности комплимент. Она была ими не избалована. Да и не ждала никаких словесных выкрутасов от своего смуглого спутника. Он явно был не способен к речам и к ораторскому искусству никогда не тяготел. Ну и хорошо! Моника всегда относилась с подозрением ко всякого рода болтунам, а порой начинала их даже ненавидеть.

Они молча, самозабвенно кружились довольно долго, забыв о времени и о месте, где находятся. Окружающий мир исчез и сосредоточился в них двоих. Ничего и никого больше не существовало, кроме них двоих. И замечательно! Им сейчас больше никто не нужен. Отныне и вовек!

Они оба чувствовали сейчас одно и то же, думали об одном и том же, но не подозревали об этом. Руки Саида словно намертво приросли к телу Моники, и ей не хотелось, чтобы этот упоительный танец когда-нибудь закончился. Пусть бы он длился вечно!

Внезапно музыка затихла. Моника и Саид остановились в центре зала, среди других танцующих, по-прежнему не замечая никого вокруг, не в силах разжать руки, оторваться друг от друга... Они смотрели друг другу в глаза и молчали. Да и что они могли сейчас сказать? И так все было абсолютно ясно.

— Не понимаю, что это вдруг со мной произошло... — наконец неуверенно произнес Саид.

— И со мной, — откликнулась Моника.

Они снова внимательно посмотрели друг другу в глаза. Да, все абсолютно ясно.

— Мне нужно развестись с женой, — медленно продолжал Саид. — Нас разведут тотчас. Она ведь сбежала от меня. Но сын...

— Сын все равно останется вашим сыном, — перебила Моника.

Они взяли за руки и не спеша пошли к своему столику. Господин с усами провожал Монику горящим взглядом.

Саид вежливо отодвинул для своей дамы стул и усадил ее, а потом сел сам.

— Конечно, останется, — невесело усмехнулся он. В его тоне звучали горечь и боль. — Только вот когда я его увижу? И увижу ли вообще?

Моника протянула руку и осторожно погладила ладонь Саида. Он поднял на нее благодарные, но полные горечи глаза. Казалось, печаль не покидала их никогда.

— Вы чересчур пессимистичны и слишком грустно настроены. Это пройдет. Не может не пройти.

Саид кивнул. Он тоже хотел так думать.

— А где ваша жена? — осторожно спросила Моника.

Она боялась задать бестактный вопрос и причинить лишнюю боль. Да и вообще, ее ли это дело — лезть в душу этого смуглого, мрачного, задавленного жизнью человека? И все-таки она смутно надеялась, что ее, да-да, именно ее это дело. И этот ставший ей таким близким человек дал ей на это право. А она им охотно воспользовалась. Не могла не воспользоваться.

Саид безразлично дернул плечами:

— Не знаю точно. Думаю, что в Штатах. Она ничего о себе не сообщает. Да и зачем ей это? У нее все хорошо.

— Вы в этом уверены? — Моника задумчиво посмотрела на Саида.

Новая жизнь начиналась с калейдоскопа тяжелых вопросов и груды нерешенных сложных проблем.

— Когда же я полечу в Марокко? — стала приставать к Нанду сгорающая от нетерпения Амина.

Она уже исстрадалась без Мусы.

— Скучаешь по родным? — усмехался Нанду. — Да ведь они наверняка от тебя давно отказались. И от твоей сестры тоже. Потеряли разом обеих дочерей, словно похоронили. Вы же вероотступницы, предательницы ислама! Разве так ведут себя добропорядочные мусульманки?

— Это наши проблемы, тебя они не касаются, — всякий раз уходила от обсуждения скользкой темы Амина. — Так когда же я полечу?

— Скоро, скоро! Потерпи, — посмеивался Нанду. — Придет и твое время...

И оно действительно пришло.

Однажды вечером Нанду картинным жестом бросил на стол авиабилет.

— Летишь послезавтра. Все инструкции получишь сегодня. От меня. — Он весело подмигнул: — Ну что, рада?

Амина прижала задрожавшие руки к груди.

— Ой, Нанду! Как хорошо-то!

Знал бы он, что она имела в виду.

«Интересно, — вдруг подумала Амина, — а что бы он сделал, проведая вдруг о моей связи с Мусой? Избил бы? Или убил? Или просто бросил?»

Проверить не хотелось. Это был лишний эксперимент в ее жизни, а Амина была от природы осторожной, предусмотрительной и расчетливой женщиной.

Она внимательно, не перебивая, выслушала все инструкции Нанду. Кое-что, конечно, изменилось, но главное — она снова летит в Марокко! И опять увидит Мусу! У нее перехватило дыхание, когда она представила себе его. Она нервно комкала юбку, сжимая тонкую ткань в кулак.

— Что с тобой? — подозрительно спросил Нанду. — Ты здорова? Лететь можешь? А то смотри... Дело ответственное.

— Да что же я, не знаю, что ли? — взволнованно заговорила Амина. — Еще какое ответственное! Но ведь я ни разу не ошиблась, нигде не прокололась...

— Да, пока ни разу, — мрачновато резюмировал Нанду. Он был настроен пессимистически. — Иначе бы мы с тобой сейчас сидели не здесь, а в совершенно другом месте. — Он хохотнул. — Будь осторожна! Полиция здесь суровая и зоркая, всегда стоит на страже! Хотя и у нее тоже рыло в пуху, это известно.

Амина согласно закивала. Она была готова лететь немедленно.

Следующий день она провела как в бреду, словно больная. И Нанду вновь стал поглядывать на нее с большой подозрительностью.

— Ты правда здорова? — спросил он. — Не скрывай от меня ничего! Я понимаю, ты готова мне помочь и рвешься заработать, но если чувствуешь себя неважно... Может, что-нибудь женское? Тогда полет лучше отложить. Это нестрашно, я обо всем договорюсь. Полетишь позже.

— Нет-нет! — в панике закричала Амина. — Я совершенно здорова! И готова лететь. Это я просто все продумываю и прикидываю детали.

— Ну, ладно, смотри, — недовольно сказал Нанду. — Если провалишься... Тогда уж хотя бы не выдавай всех. Вали в таком случае все на Педро, что ли... Ему не привыкать. И вообще он так давно связан с наркотой, что, по-моему, его имя знакомо полиции всего мира.

В самолете Амину трясло и лихорадило всю дорогу. Сидевший рядом длинный худой американец попытался разузнать у нее подробности о климате, населении и традициях Марокко, куда он летел впервые. Конечно, он много читал об этой экзотической стране, но услышать о ней из уст уроженки Марокко — совсем другое дело.

Амина притворилась, что очень плохо говорит по-английски и едва понимает этот язык, и отвер-

нулась к окну. Ей не хотелось, чтобы ее тревожили вопросами и приставали с просьбами.

Наконец она добралась до дома Мусы. Он сам распахнул перед ней дверь. Сначала очень удивился, а потом злобно прищурился. Это не понравилось Амине, и она сразу насторожилась и забеспокоилась.

— Ты не рад меня видеть? Разве ты не знал, что я прилечу? Тебе должны были сообщить.

— Мне и сообщили. Только не сказали, кто прилетит. Просто курьер.

Нехорошее подозрение больно кольнуло АмиНу.

— Ты не рад мне?

Муса посторонился, пропуская ее.

— Входи, раз прилетела.

Она вошла и села, оглядываясь. Кажется, в доме Мусы мало что изменилось за то время, пока она здесь не была. Новые шторы, вазочка на столе, половичок у двери... А в остальном — все, как раньше. Но что-то явно изменилось. И чем дольше Амина рассматривала комнату, тем острее и очевиднее ощущала эти незаметные глазу перемены вокруг

4.

Она стала торопливо излагать все, что Нанду велел ей сообщить Мусе, но тот резко прервал гостью:

— Ладно, не тараторь! Знаю я все это! Лучше скажи, зачем твой парень снова подставил Педро? —

Муса опять недобро прищурился. — Или скажешь, что это неправда?

Амина мгновенно сообразила, что отрицать очевидное бесполезно и возражать глупо. Муса давно в курсе происходящего.

— Но ты же сам раньше говорил... — начала Амина, слегка съезжившись под пронзительным испытующим взглядом Мусы.

— То было раньше, — опять перебил ее Муса. — А сейчас у меня кое-что изменилось. И Педро многим помог мне, выручил из большой беды. А тут твой парень... Зачем ему понадобилось добивать старого человека, которому не так уж много осталось на этой Земле...

— Нанду далеко не все мне рассказывает, — честно призналась Амина. — Про Педро я вообще узнала случайно, просто услышала краем уха. Я не знаю всех подробностей и причин поступка Нанду. Да и его дел тоже не знаю...

Муса пристально оглядел ее с ног до головы и кивнул. И Амина опять поежилась под его мрачным взглядом.

— Это похоже на правду. Он действительно от тебя таится и многое скрывает, чтобы ты случайно не разболтала и не выдала. Разумно. Зачем женщине много знать? Ей вообще знания ни к чему. Лишняя информация... Только связываться с твоим парнем я больше не хочу. И никаких контактов между нами отныне не будет. Так и передай ему!

Амина не слишком-то огорчилась и совершенно не растерялась. Она прекрасно помнила их первую встречу, и ей было отлично известно по собственному опыту, что Муса довольно легко выходит на переговоры и поддается убеждениям Амины, стоит лишь ей захотеть его уговорить и поставить на своем. Еще раз припомнив свой первый визит сюда, она начала с жаром убеждать Мусу передумать, приводила весомые доводы, настаивала на своем. Ведь Педро действительно стар, ему немного осталось, Муса прав. Так с кем же он, Муса, в конце концов, останется? Ему нужны новые связи, иные поставщики и курьеры. Зачем цепляться за старое? А Нанду, при всех его недостатках — да у кого их нет? — опытный и ловкий торговец.

Но марроканец слушал ее вполуха, презрительно скривившись.

— Я, конечно, человек конченый, бросовый. Довольно паршивенький человечек, — пробурчал он, когда Амина, выдохшись, замолчала. — Но добро стараюсь не забывать. И Педро... Этот старик Педро, которого я когда-то так грубо, безжалостно подставил... Все ради денег, ради наживы... Какое-то проклятье — эта страсть к монетам! — Муса с силой шарахнул кулаком по столу так, что вздрогнула мебель в комнате, а Амина вскрикнула от неожиданности и страха. — И вот этот Педро, которого я так легко подставил, можно сказать, продал за здорово

живешь, этот самый Педро меня выручает в тяжелый момент, приходит мне на помощь! Педро, а не ты, понимаешь?! — заорал взбешенный Муса, злобно оскалившись и склонившись к Амине.

Она в ужасе отшатнулась.

— Но я ведь ничего не знала! Ты же не писал, не звонил...

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Да ты, даже если бы все знала, палец о палец не ударила бы! Тебе важны лишь деньги да постель! Страстная дамочка! — Муса опять злобно ощерился. — Ты почти животное, только хуже. Зверю деньги не нужны, и секс его интересует только в определенные периоды жизни. Только лишь чтобы произвести на свет потомство. А тебя этот постельный вопрос волнует постоянно. И дети тут ни при чем. Скажешь, нет? — Он уставился на Амину в упор. — Ты ведь и сейчас примчалась сюда именно за этим! — Муса сделал похабный жест. — Неужели я ошибся?.. Да нет, вряд ли.

Испуганная и подавленная Амина молчала. Ее охватила настоящая паника. Что теперь ей делать? Как быть? Как себя вести? Все ее расчеты оказались несостоятельны, все рухнуло: и новый канал поставки сорвался, и денег здесь больше не будет, и связь с Мусой оборвалась во всех отношениях. И он, конечно, был прав: ее интересовала сейчас больше всего их близость. Но все окончилось. Абсолютно все...

Она сидела неподвижно, потемневшая от горя и разочарования. Удар был слишком неожиданным и тяжелым.

— Не переживай, — немного мягче, словно опомнившись сказал Муса. — У тебя еще все наладится. При одном условии: если ты немедленно бросишь своего парня. И я тебе советую с ЭТИМ не тянуть. Иначе он и тебя затащит в такую бездну, что уже никогда оттуда не выбраться. Это я тебе говорю, выдавший виды, прожженный наркоторговец с темным прошлым, таким же настоящим и неизвестно каким будущим.

Внезапно дверь распахнулась и вошла высокая красивая брюнетка. Лицо Мусы моментально расцвело ласковой улыбкой.

— Марьям, — нежно выдохнул он, забыв, что в комнате не один.

Марьям... Это значит «любимая»...

Амине все стало окончательно ясно.

— Мне нужен билет обратно, — проговорила она.

Муса, не отрывая влюбленных сияющих глаз от брюнетки, вынул из кармана билет и положил его на стол.

Вызванные Эдной в Рио Матиолли и Али прилетели почти одновременно.

Эдна, увидев старых друзей Аугусто, радостно расплакалась. Она почему-то была уверена, что

именно их приезд решит все проблемы Албиери, поможет ему и наставит его на путь истинный. Доктора как раз не оказалось дома, поэтому Эдна могла без помех свободно разговаривать с гостями и все без утайки им рассказать.

— Аугусто так меня пугает! — продолжая плакать, теперь уже от горя, рассказывала она, усадив мужчин и быстро накрыв для них стол. — Не спит ночей, не ест, исхудал... Он таится от меня, пытается скрыть свои мучения, но я-то отлично вижу его нечеловеческие страдания... А теперь еще этот ребенок! Увидев его, Аугусто вообще почернел от ужаса.

— Что за ребенок? — удивился Матиолли.

Он не знал всех подробностей.

— Ну как же... — залепетала совершенно потерянная, заплаканная Эдна. — У Лео есть сын, которого он знать не хочет. Так вот, этот мальчик, Антонио, удивительно похож на Лео. Прямо вылитый Лео в детстве. И Аугусто, как увидел его, так совсем лишился сна и покоя.

— Вот как... — пробормотал священник. — Я предупреждал его...

— Я тоже, — хмуро кивнул Али. — Но что толку в наших предупреждениях и советах? Аугусто всегда был целиком предан науке, непрерывно твердил о своих экспериментах. И вот доэкспериментировался!

— Он боится, что малыш Антонио станет полным повторением Лео, — продолжала объяснять

Эдна. — Он ужасно этого боится. Изводит сам себя. И не знает, что теперь делать.

— Что делать, что делать! — внезапно вышел из себя Али. — Не нужно было ничего делать много лет назад! И тогда бы не пришлось сейчас так переживать и терзаться!

Эдна в ответ разрыдалась еще горше. Гости взглянули на нее с жалостью.

— Несчастливая женщина, — вздохнул, смягчаясь, Али. — И несчастный Аугусто... Сколько же бед мы призываем сами на свои головы! Сколько несчастий творим собственными руками! О, спаси нас Аллах!

Матиолли согласно кивнул.

— Это верно. Но сейчас нам надо подумать, как помочь Албиери.

Эдна смотрела на них с надеждой, взволнованно прижав руки к груди. Пальцы мелко дрожали. Священник отвел от нее глаза, не в силах видеть это неподдельное отчаяние.

— Как помочь... — эхом повторил Али. — Если бы это было так просто... Если бы все это можно было решить одним махом, мы бы давным-давно вытащили его из беды. Но увы...

Эдна нервно переплела пальцы. По ее щекам катились слезы, которые она даже не вытирала, словно не замечая их.

— Надо подумать, — неторопливо произнес Матиолли. — В один момент действительно этот вопрос не решить... А чем занимается Лео?

— Да ничем! — гневно воскликнула Эдна. Слезы мгновенно высохли. — Он жуткий лодырь! Не желает ничего делать! Вдобавок притворяется больным! Аугусто уже возил к нему своего знакомого психотерапевта. Тот выписал кучу лекарств. Лео их все принимает, а толку — чуть! Деуза тоже вся извелась, смотреть на нее страшно.

Гости выразительно переглянулись.

— Этого следовало ожидать, — все так же неторопливо заметил священник. — Лео избалован, не приучен к труду. Вообще вся история его жизни и воспитания — это цепочка бесконечных ошибок.

— Несчастливая женщина! — вновь воскликнул Али, на этот раз имея в виду Деузу. — Скольким людям Аугусто причинил незаслуженные страдания! А ведь он по-настоящему беззлобный и мирный, очень тихий человек. О Аллаһ!

Он подумал, что необходимо посоветоваться с женой. С любимой женой Зорайде. Всю жизнь Али привык полагаться на нее, рассчитывать на нее, доверять ее добрым ловким рукам и не поженски рассудительной голове. Он даже никогда не относился к ней как к служанке, она всегда была его другом, помощницей, советчицей. Была и осталась. Особенно теперь, когда стала его преданной женой. Любимой женой.

Вслух Али предусмотрительно упоминать о Зорайде не стал. Понимал, что Эдна и Матиолли

могут его не понять и сильно удивятся. Да и вообще, в чужих глазах это все действительно выглядело, конечно, на редкость странно и необычно: чтобы немолодой правоверный мусульманин — и вдруг во всем советовался с женой и прислушивался к ее советам? Это просто неслыханно! Поэтому Али разумно скрывал свои отношения с женой от других. Хотя кое-кто из близких был в курсе дела: Латиффа, Жади, ну и, конечно, другие жены Али. Но жены были сейчас далеко, в Фесе — слава Аллаху! — а любящие племянницы не выдадут, секрет дяди свято сохраняют.

— Мы постараемся найти решение побыстрее. У нас нет времени на долгие раздумья, — пообещал Матиолли. — Так что дня через два встретимся снова. И лучше, безусловно, снова без Аугусто.

Эдна слушала и послушно кивала — непрерывно, как заводная кукла, у которой нет ничего своего: ни разума, ни памяти, ни способности действовать. Она й впрямь словно превратилась в автомат, лишенный всякой самостоятельности.

Мел чувствовала себя неважно. Ее совершенно замучил токсикоз первой половины беременности. Но, несмотря на это, молодая женщина не оставляла попыток отыскать мать. Попыток совершенно

тщетных, бесполезных, доводящих Мел до отчаяния и слез. Педриньу относился к ее непрекращающимся поискам откровенно прохладно. Он никак не мог понять ее упорства.

— Ты напрасно так мучаешься, — заметил он однажды. — Зряшный труд! Ведь даже сыщики, к которым ты обратилась, не в силах тебе помочь.

— Ну и что? — тотчас начала раздражаться Мел. — Но они все равно пробуют найти маму. Так вот сразу выйти на след получается далеко не всегда. Это тяжелая и длительная работа — поиск пропавших без вести людей. Но это моя мать, и я должна сделать все, чтобы ее отыскать!

Педриньу пожал плечами.

— Тебе очень трудно. Ты сама говорила мне, что врач велел тебе как можно больше отдыхать и вообще следить за собой, быть к себе предельно внимательной. А как ведешь себя ты?

— Я веду себя так, как считаю нужным и правильным! — опять вспылила Мел. — А вот ты зато никак не поступаешь! Это, по-твоему, лучше? Это правильная линия поведения?

В последнее время муж стал раздражать и бесить Мел все сильнее и сильнее. Он действительно ничего не делал... ну, работал, конечно, получал деньги. Но любил он, кажется, только свою архитектуру, ее одну, а все остальное... Все остальное Педриньу словно не касалось, он оставался абсолютно безразличным к жизни. Дом?

Там как-то все устраивалось без его активного участия. Театры, рестораны и походы в гости он не любил, даже всячески старался их избегать. Поэтому резко прекратились его и без того нечастые посещения дома Феррасов. Мел теперь ездила туда одна. Педриньу не навещал отца и сестру, не говоря уж о матери, а те, занятые своими делами, тоже постепенно перестали проводить молодых, которые очутились почти в полной изоляции.

Педриньу это нисколько не волновало. Наоборот, он чувствовал себя вполне уютно, отгородившись от проблем и суеты внешнего мира и живя исключительно в своем собственном, вдвоем с Мел. Но он не учитывал, что его жена так жить не может и не хочет. Ее не устраивало это замкнутое существование тет-а-тет с мужем.

«И что, так теперь на всю жизнь? — с ужасом и отчаянием думала Мел. — Без всяких изменений? Сидеть сиднем дома, взаперти, и никого и ничего не видеть и не слышать вокруг? Никуда и ни к кому не ходить? Один только телефон? Да я же просто сойду с ума! И учеба моя скоро закончится. Что тогда?»

Да, было очень похоже, что она поспешила с замужеством, поторопилась с выбором нового суженого. Педриньу пленил ее своей застенчивостью, подкупил скромностью, очаровал предельным миролюбием характера, исключительным

спокойствием. Но у этих качеств была и обратная сторона, и она не замедлила проявиться сразу после свадьбы, хотя Мел довольно долгое время честно старалась не обращать на это внимания.

Какое-то время ее выручала учеба. В институте можно было свободно поболтать и пообщаться с товарищами. Но Мел учиться заканчивала, собиралась посидеть с ребенком и только потом, позже, искать работу. Значит... Значит, ее положение совсем безнадежно и беспросветно.

Позвонила Моника, не оставляющая Мел без внимания. Та очень обрадовалась, услышав голос верной подруги.

— Ну как ты там? Совсем носа не кажешь!

То, что Моника стала так редко звонить, давно уже казалось сообразительной Мел подозрительным.

— Работа, — безмятежно отозвалась подруга.

— Работа?! — с ходу возмутилась Мел. — Да брось! Это не объяснение. Насколько я тебя помню, ты всегда работала в этом детективном агентстве, но так занята не была никогда. Что происходит? Ты от меня что-то скрываешь?

Смущенная Моника ясно осознала, как глупо звучат ее объяснения и нелепо выглядят исчезновения. Все это шито белыми нитками, и любой здравомыслящий человек моментально догадается, что дело нечисто. Начнет строить предположения, выдвигать версии, анализировать все про-

исходящее и, в конце концов, докопается до истины. Не так уж сложно. Тем более для такой смышленной женщины, как Мел.

— Видишь ли, — осторожно начала Моника, — мне не хотелось бы рассказывать раньше времени... Но я влюбилась... Прямо сама себя не узнаю!

— Да? — искренне обрадовалась за подругу Мел. — Так это же просто отлично! Я очень рада за тебя! Надеюсь скоро погулять на твоей свадьбе.

— Ну, до этого пока что далеко!

— А ты меня познакомишь со своим избранником? — не отставала от подруги успокоившаяся Мел.

Ей страшно хотелось выпытать все подробности. Женщины всегда проявляют неумеренное любопытство и горячий интерес, когда речь заходит о любви. Это самая интригующая и привлекающая их тема, испокон веков занимающая в сердце любой женщины главное место.

— Ну конечно, — неуверенно отозвалась Моника, испытывающая огромное желание как можно быстрее закончить этот разговор, который казался ей преждевременным. — Только немного позднее, хорошо? Но я позвонила тебе по совсем другому делу. Оно касается твоей матери.

— Мама? — тотчас снова напряглась Мел. — Вашему агентству удалось что-нибудь узнать?

— К сожалению, нет, — вздохнула Моника. — Но этот человек... с которым я встречаюсь... он

знает твою мать. Только не задавай мне пока лишних вопросов, ладно? Это все потом, позже. Ты все узнаешь. А сейчас... Он просил меня передать тебе, что твою мать неплохо знал один старик по имени Педро из фавелы. Маица вместе с ним занималась планом похищения Жади и Кадижи. Ты, наверное, слышала о нем.

— Да, немного, — ответила удивленная Мел. — Но я не знала, как его зовут. И что же дальше?

— Мой знакомый предполагает, что этот самый Педро может знать, где твоя мать. Где его найти, я тебе расскажу.

— А разве он скажет мне об этом, даже если знает? — вполне логично возразила Мел.

— Нужно попробовать, — настаивала Моника. — Если у тебя не получится, тогда за дело возьмется мой знакомый. Но все-таки попытайся разжалобить этого старика, расскажи ему, как давно ты ищешь мать, как любишь ее... Ну, и все такое прочее. Хотя... — Моника помолчала, — видишь ли, я вовсе не уверена, что тебе стоит ехать одной в эту фавелу. Это небезопасно. Весьма сомнительное место. Тот еще райончик... Мой знакомый явно недооценил всех опасностей и подводных течений и рифов. Мы с тобой отправимся туда вместе.

— Со мной поедет Педриньу, — заявила Мел. — Это куда надежнее и лучше во всех отношениях.

Но Моника достаточно хорошо изучила своего брата и трезво оценивала его возможности.

— Педриньу для таких дел не годится! — холодно отрезала она. — Пусть лучше чертит свои домики на бумаге! Вообще все, что на бумаге, у него получается намного удачнее, чем в жизни. Отправимся прямо завтра! Я заеду за тобой после работы. Жди. И не волнуйся! Все будет отлично! Я это тебе обещаю. Я чувствую.

Моника повесила трубку.

Мел грустно опустила голову, сидя на стуле возле телефона, и горько задумалась.

Гастроли Сесеу по Штатам продолжались долго, больше месяца. Группу встречали хорошо, кое-где прямо-таки на ура. Она потихоньку, но уверенно завоевывала признание и любовь американцев. И музыканты торжествовали. Уж если они сумели приобрести симпатии в стране, где всегда были столь сильны и могучи традиции рока, то, значит, они не так уж плохи, им есть чем гордиться, и они вполне могут рассчитывать на дальнейшие успехи и оvation.

О группе Сесеу писали газеты и журналы. О них делали передачи на телевидении. Их песни стали часто передавать по радио. У музыкантов брали интервью. А фотографий и вообще было море. В залах, где выступал коллектив, то и дело мерцали фотовспышки.

Появились и фанатки, сопровождающие группу в турне. Эти порой пугающие своими выкриками и прыжками во время выступлений девушки, одержимые, ничем не занимающиеся, кроме как обожанием избранной ими группы, всецело подчинившие собственное существование жизни и

ритмам в прямом смысле этого слова, и графику концертов своих любимцев, — они производили весьма смутное и довольно сложное, отнюдь не самое приятное впечатление. Но, тем не менее, музыканты Сесеу и даже он сам, не признаваясь в том друг другу, страшно обрадовались появлению фанаток, ведь это верный признак несомненного успеха. Члены группы гордились их присутствием и их преданностью, искали в зале их лица, прислушивались к их пению в такт песням. Бразильские музыканты стали признанными кумирами. А это всегда приятно.

Начались маленькие романчики и небольшие увлечения. Девушки нередко нагло вваливались в гостиницы, где останавливались музыканты, бесцеремонно ломились прямо в номера и нередко туда пробивались, несмотря на стойкое сопротивление работников отелей.

— Никого не пускать! — грозно бросал всякий раз на ходу Сесеу.

Но при этом он втайне мечтал, чтобы эти полубезумные девицы вновь высадили дверь или заколотили в нее изо всех сил ногами, как произошло неделю назад в другом штате. И все действительно почти с точностью повторялось, музыканты ликovali и хохотали от восторга и целовали млеющие от восхищения размалеванные девичьи щечки.

Сам Сесеу, конечно, никаких вольностей в поездке себе не позволял. Он оставался по-прежнему

верен своей Рании, часто вспоминал ее и малыша, к которому успел искренне, по-настоящему привыкаться.

Зато музыканты его группы, ошалев от счастья и торжества, пустились во все тяжкие.

Однажды вечером уставший Сесеу, давший подряд два интервью на телевидении, вошел в свой номер (ему по молчаливому согласию музыкантов выделяли отдельный) и, ошарашенный, застыл на пороге. На его кровати лежал один из его музыкантов, бас-гитарист, с девицей, совершенно голые, в полном блаженстве, остывающие от недавних любовных утех.

— Ты совсем обалдел?! Что ты себе позволяешь?! — крикнул возмущенный Сесеу. — Еще бы двоих сюда привел! В конце концов, это мой номер! И я имею законное право на отдых!

— Да ладно, не психуй! — безмятежно отозвался гитарист, нежно поглаживая грудь партнерши.

Та едва ли не мурлыкала от удовольствия и сияла, не обращая ни малейшего внимания на Сесеу.

— Мы сейчас уйдем! И ты сможешь отдохнуть в одиночестве. Но должен тебе заметить, — гитарист хитро прищурился, — что отдых в одиночку — не отдых! Давай позовем тебе подружку моей крали!

Девушка развязно хохотнула и нагло выставила на обозрение Сесеу свою соблазнительную грудь.

— Вон! — заорал взбешенный Сесеу. — Немедленно убирайтесь! Ошалели! И пришлите мне немедленно горничную сменить постельное белье!

— Смотри, какой брезгливый! — притворно удивился гитарист. — Ладно, прищем. Вставай, куколка! Пора! Пойдем дальше заниматься любовью в другую комнату!

Они демонстративно враскорячку поцеловались, искоса, с любопытством, наблюдая за реакцией Сесеу. Им страшно нравилось его дразнить и злить, это их по-настоящему забавляло.

— Вы слышали, что я сказал?! — прорычал Сесеу и неторопливо взял в руки стоящую на тумбочке большую банку с пивом, выразительно ею поигрывая,

Это возымело мгновенное действие. Парочка стремительно поднялась, кое-как впопыхах оделась и, посмеиваясь, покинула номер Сесеу. Он, продолжая по инерции изливать свой бессмысленный гнев в пустоту, рухнул в кресло.

Через две минуты явилась бесшумная горничная, сменила белье, попросила автограф и исчезла.

— Какие-то свиньи, скоты, сволочи! — ругался Сесеу, жалуясь вслух себе самому. — Ничего святого! Одна похоть на уме! А еще толкуем о высоком искусстве и твердим о роли музыки в жизни общества! Общество!.. Смешно! Музыка!.. Еще смешнее...

Он замолчал, тяжело задумавшись.

Ну, что поделаешь с этими парнями, у которых кровь так и кипит в жилах? Что скажешь им, когда вокруг одни соблазны в виде полуголых девок, готовых в любую минуту отдаться своим кумирам? Что противопоставить этому? Что предпринять?

Да ничего! Придется просто смириться со всем происходящим, закрыть глаза на все эти мерзости и грязь и вести себя дальше так же, как раньше. Репетировать, выступать, заколачивать деньги, добиваться новых успехов... И новых поклонниц. А куда от них денешься?

Сесеу в бешенстве сжал кулаки так сильно, что ногти больно впились в кожу. Но он почти не замечал боли.

Да, у каждой медали есть две стороны. И оборотная слишком часто неожиданно оказывается на редкость неприятной, отталкивающей.

Внезапно зазвонил телефон.

«Рания, — радостно подумал Сесеу. — Умница ты моя! Догадалась позвонить так вовремя, когда мне это очень необходимо!»

Он радостно схватил трубку.

— Да! — Его голос дрожал и звенел от волнения и надежды.

— Привет, братец! — услышал он. — Это я, Телминья. Какой же ты стал знаменитый! Чуть ли не каждый день вижу тебя по телевизору. Молодец.

Сестра. Давненько она ему не звонила.

Сесеу удивился.

— Не ожидал... Что это ты вдруг вспомнила обо мне? Решила, что не стоит пренебрегать столь известным братом? Можно и пробросаться?

Телминья засмеялась:

— Примерно так. Ты всегда был догадлив и сообразителен. Родители шлют тебе приветы и самые лучшие пожелания.

— Стало быть, ты позвонила, чтобы передать мне их пожелания? — хмыкнул Сесеу. — Безмерно признателен! Огромное тебе спасибо за внимание!

— Не язви, — сказала Телминья. — Конечно, ты прав, нельзя было так расставаться, как мы. словно чужие. На много лет ни слуху ни духу... Но я раскаиваюсь в своей ошибке. И прошу у тебя прощения. Это я была во всем виновата тогда. Давай мириться, братец!

— Ну давай, — немного растерянно согласился Сесеу.

Он слишком хорошо помнил все, что между ними произошло. Эти горькие воспоминания были свежи в его памяти, будто все стряслось только вчера вечером. Хотя случилось все довольно давно.

На следующий день после приезда Матиолли и Али рано утром раздался телефонный звонок.

Албиери еще спал. Эдна сразу заподозрила нехорошее и торопливо, в страхе, схватила трубку. И сразу услышала взволнованный голос Деузы.

— Извините, что я так рано... У нас несчастье! Мне только что позвонила Карла. Пропал Антонио! Прямо как Лео в детстве... Это ужас какой-то! Карла мечется, плачет, не знает, что делать! Как я когда-то...

— Немедленно звоните в полицию! — крикнула моментально встревожившаяся Эдна.

Она была доброй женщиной, всегда готовой к сопереживанию и помощи окружающим.

— Что толку? — возразила Деуза. — Когда-то я то и дело туда звонила и без конца бегала! Но мне совершенно ничем не помогли! Ничем и никогда!

— Все равно! — не сдавалась Эдна. — Сидеть сложа руки тоже нельзя!

— Да мы и не сидим! Карла вместе с матерью бегает по соседним улицам и расспрашивают всех прохожих, всех знакомых и незнакомых об Антонио. Я тоже сейчас побегу. Передайте все, пожалуйста, профессору. Вдруг и он чем-нибудь нам поможет...

— Да чем? — в отчаянии простонала Эдна и сразу увидела мужа, молча стоявшего в дверях с тревожным и недоумевающим лицом.

— Что случилось? — спросил он.

— Я позвоню, — пробормотала в трубку Эдна и тут же отключилась. — Пропал Антонио, —

повернулась она к мужу. — Вероятно, сбежал из дома.

— Сбежал? — и без того измученное лицо доктора совсем посерело. — Сбежал... Этого следовало ожидать... Но Лео всегда сбежал ко мне. А этот куда?

Эдна грустно пожала плечами:

— Абсолютно неизвестно. Карла бегает, ищет... Аугусто засуетился:

— Сейчас я мигом соберусь и тоже пойду...

— Ну куда ты пойдешь?! — всплеснула руками Эдна. Конечно, она ждала именно такой реакции мужа. А что еще можно было ожидать? — Твое ли это дело?

— Мое, конечно, мое... А чье же еще? — бормотал ученый, поспешно собираясь. — Эдна, дай мне по-быстрому что-нибудь перекусить.

Эдна махнула рукой, понимая, что ничего изменить нельзя, запретить доктору идти невозможно, и отправилась приготовить небольшой завтрак.

Албиери торопливо поел, абсолютно не чувствуя, что ест, и ушел. Эдна осталась одна в тягостных раздумьях.

Позвонил Али, и она все ему скороговоркой рассказала, глотая от волнения слова. Али выслушал молча, а потом бросил:

— Мы сейчас приедем.

Через полчаса они уже явились — встревоженные Али и Зорайде. Вслед за ними появился и Матиолли, которому позвонил Али.

— Что делать? — умоляюще бросилась к ним Эдна.

Новое несчастье совершенно подкосило ее: она уже плохо владела собой, почти полностью потеряла всякий самоконтроль.

Никто толком ничего не знал, не понимал и ничего подсказать не мог. Но времени на раздумья не оставалось, действовать надо было без всякого промедления.

— А куда сбегал в детстве Лео? — задал вполне разумный вопрос священник.

— Обычно к Аугусто, — печально ответила Эдна. — Он всегда хотел жить с отцом, а не с матерью и бабушкой, хотя те безумно его любили и ничего для него не жалели. А позже, когда вырос, Лео стал просто убегать — куда угодно, куда глаза глядят. Обычно в леса, заповедники, просто подальше от людей. Он никогда не любил людей.

Али грустно наклонил голову. Матиолли нахмурился.

— Значит, и малыш побежит не к людям?

— Это не обязательно, — ответила Эдна. — Он, конечно, очень похож на Лео, но все-таки они разные... Это ведь не один и тот же человек. Должны же быть и различия. Наверняка они есть, их просто не может не быть!

— Верно, — согласился священник. — Но какие?

Эдна растерянно развела руками.

— Это лучше всего выяснить у его матери, Карлы. Или у бабушек. Но они сейчас в панике ищут ребенка, им не до вопросов и ответов.

— И все-таки надо их найти и расспросить. Давайте попробуем. У них наверняка есть мобильные телефоны, — настаивал Матиолли. — Только получив какую-нибудь информацию о мальчике, мы сумеем его найти. Иначе не получится.

Эдна поспешно достала записную книжку профессора и стала ее нервно листать. Нашла номер сотового телефона Деузы и быстро набрала его.

— Деуза, дорогая, это Эдна! — сказала она. — Ко мне приехали друзья Аугусто, и они тоже очень хотят нам помочь. Расскажи в двух словах о характере малыша, и чем он отличается от Лео.

В трубке тут же раздались громкие рыдания.

— Ах, да всем! Антонио доброжелательный, приветливый, часто улыбается... Лео никогда таким не был, никогда. Но в то же время мальчик не очень тянется к людям, вообще-то их немного сторонится, сам никогда ни с кем не знакомится. Только если люди сами обратят на него внимание, заговорят с ним, тогда он охотно ответит. Но никак не первый, понимаете? Он никогда в таких вопросах и вообще ни в чем не проявляет инициативы, а ждет действий от людей. Он предпочитает отвечать, а не заговаривать сам.

— Я понимаю, Деуза, не волнуйтесь, — мягко сказала Эдна, едва удерживаясь от слез. — А как вы думаете, куда и к кому он мог пойти? Вообще как все это произошло? Конечно, вам очень трудно сейчас, но все-таки попытайтесь вспомнить поточнее...

В ответ танцовщица зарыдала еще сильнее и громче.

— Если бы я или кто-нибудь еще могли что-то знать... Даже предположить трудно! А как произошло... Да примерно так же, как всегда случалось с Лео. Мать Карлы ушла рано утром по делам, Карла возилась на кухне. Потом заглянула к сыну, хотела его разбудить, что-то он долго не вставал сам, видно, заспался, а его в детской нет... Встал, оделся и убежал. Вот и все. Дверь за собой аккуратно захлопнул.

И Деуза зарыдала еще отчаяннее.

— Простите... — прошептала Эдна и отсоединилась.

Собравшиеся молча смотрели на нее, ожидая известий. С трудом собрав все свои силы, Эдна пересказала срывающимся голосом все, что услышала от Деузы.

— Женщинам лишь дай повод поплакать, — неодобрительно заметил Али и тотчас скорбно добавил: — Несчастные существа!.. Так каков же наш план действий?

Все растерянно молчали. Никто не знал.

Тем временем зареванная, опухшая от слез, вся красная Деуза бросилась к мужу. Только он один сейчас мог ей помочь. Перепуганная донна Мосинья вообще слегла, и ей пришлось даже вызывать врача, который, как сумел, успокоил дочь и выписал успокаивающие капли матери.

В мастерскую Эдвалду Деуза ворвалась ураганом.

— Беда! — крикнула она с порога. — Пропал Антонио!

Почему-то несколько не озадаченный и не ошеломленный Эд, словно давно был готов к этому событию, усадил жену, принес ей воды и попросил Лео, для которого отчаяние матери тоже, казалось, не стало неожиданностью, принести из соседней комнаты аптечку. Сунув жене под язык какую-то таблетку (в суматохе Эдвалду лишь успел наспех прочитать, что это мягкий транквилизатор), портной осторожно погладил ее по плечу.

— Мы уже в курсе дела: прибежала Карла.

Он выразительно посмотрел на пасынка. А тот вдруг потупился и даже изобразил некоторое смущение и раскаяние. Несмотря на слезы и горе, Деуза все это сумела заметить и изумленно застыла. Что это вдруг случилось с ее сыном? Неужели он меняется?! Да нет, не может быть, с чего бы?

Однако Эдвалду глядел на Лео грозно и мрачно. И Лео стал неловко топтаться на месте.

Вообще внезапное появление в ателье Карлы оказалось довольно суровым испытанием для Лео. Он давно не вспоминал об этой женщине, и думать даже о ней перестал. И вдруг вот вам, пожалуйста!

Карла влетела в ателье в жутком, просто страшном виде: лохматая, ненакрашенная, небрежно одетая... Пораженный Эдвалду, который был с ней едва знаком, но все-таки запомнил ее, как аккуратную и явно ухаживающую за собой женщину, ошарашенно застыл с ножницами в руках.

— Помогите! — закричала Карла, заливаясь слезами. — Пожалуйста, помогите!

Портной решил, судя по внешнему виду молодой женщины, что на нее напал насильник.

— Где он?! — закричал Эдвалду, вскакивая. — Вызывай полицию, Лео, а я побегу врежу пару раз этому подонку! Он у меня схлопочет!

И портной бросился к двери.

— Нет, вы меня не поняли! — простонала Карла. — Я... Я...

Она обессиленно указала на Лео.

— Что еще за новости? — сурово обернулся Эд к пасынку. — Ты что еще натворил?

Лео хмуро молчал, тогда Эдвалду перевел взгляд на Карлу.

— Присядьте, — он деликатно подвинул ей стул, — и расскажите все толком. Пока мне ничего не ясно.

— Он пропал... Мы обыскали все улицы... Мама там бежит... — прорыдала Карла.

— Кто пропал? — потребовал Эд ответа у Лео. — Объясни!

— Видимо, мой сын, — нехотя откликнулся тот, уже догадавшись, в чем дело.

И сразу вспомнил свое детство.

Нанду ждал возвращения Амины из Марокко с нетерпением и алчностью. Но она неожиданно вернулась слишком быстро, и он удивился.

— Ну и ну! — воскликнул Нанду. — И проворно же ты обернулась на этот раз! Привезла?

Глаза его горели жадным ненасытным огнем.

Подавленная, осунувшаяся за два дня Амина молча подошла к столу и тяжело села. Нанду насторожился.

— В чем дело? Почему ты молчишь? Что-то случилось? Да говори же ты!

Он сорвался на крик.

Амина невидяще уставилась на него, как на предмет мебели. Это испугало его еще больше.

— Я прошу тебя, скажи, что произошло? Где деньги?

Деньги в любых обстоятельствах волновали его больше всего.

Амина равнодушно развела руками. Денег нет. И не будет. В смысле, не будет больше из Марокко.

Но ведь это же не единственный канал Нанду. У него много других, и все обойдется. Для Нанду это не большая потеря.

Тот, наконец, стал понемногу догадываться, в чем дело.

— У тебя что... все сорвалось?

Амина безразлично кивнула. Перед глазами стояло лицо Мусы, смотревшего на нее с презрением. Марьям, «любимая»... Вот и все — больше ничего нет.

— Но разве ты не могла что-нибудь сделать, была не в силах как-то все исправить? Ведь в самый первый раз тебе удалось справиться с заданием замечательно, а тогда тоже все висело на ниточке. Почему же не вышло сейчас?

Амина вяло пожала плечами. Она не знает. Не вышло — и не вышло. И все... Больше ничего нет.

— Да в конце-то концов! — заорал окончательно вышедший из берегов и потерявший всякий контроль над собой Нанду. — Разве я тебе плохо все объяснил?! Или ты ничего толком не поняла?! Мне очень нужен этот канал! Очень, пойми! Через него я смог бы наладить новые связи! Это крайне выгодно! Кроме того, в других местах у меня немало неудач и проколов! Я просто не хотел тебя огорчать и не стал ничего рассказывать до поры до времени. Думал, вот наладим снова связи с Марокко, деньги оттуда потекут, тогда во всем и признаюсь...

Амина слушала его равнодушно, рассеянно — словно не слышала вовсе. Это совсем взбесило Нанду.

— Ты вообще-то могла бы и соблазнить его, этого своего земляка! — опять закричал он. — Я, честно говоря, надеялся, что ты давно уже смекнула это сделать! Потому и получаешь там все без труда, без особых проблем! А ты ведешь себя, как последняя дура! Ничего не соображаешь! Нужно ведь быть попроворнее, пооборотистее, посмекалистее! Деньги — понимаешь ты, идиотка?! — это же огромные деньги! И ради них не грех поступиться и честью, и совестью! Для чего их тебе беречь?!

Амина содрогнулась и взглянула на Нанду с ужасом и отвращением. Да, она обманывала его, но услышать такое из его уст все-таки не ожидала. Почему она считала его лучше, чем он был на самом деле? Почему не видела, каков он в действительности? Хотя так откровенно и четко он высказался впервые.

Амина стиснула руки и сжалась на стуле маленьким жалким комочком. Но Нанду пошел вразнос, уже не обращая на нее **никакого** внимания. Он по своей природе был не способен никого жалеть, даже Амину, тем более, **при** подобных обстоятельствах, когда деньги решали все. Да и вообще в его жизни они всегда решали все, стали его единственным критерием, мерилom и зако-

ном. Разве Амина до сих пор все еще не знала этого? Не догадывалась, с кем жила, с кем отважилась бежать, ради кого бросила всех своих родных, с кем решила связать свою жизнь? Выходит, не догадывалась...

Амине стало страшно, больно, невыносимо тяжело, и она заплакала.

— О-о, а теперь еще и в слезы! — злобно-насмешливо бросил Нанду. — Ты сама во всем виновата — и реवेशь! А мне что прикажешь делать? Рыдать с тобой за компанию? Да ты же нас обоих разорила!

— У меня есть счет в банке, — еле-еле, с трудом шевеля языком, выговорила Амина. — Я тебе все отдам...

— Спасибо, благодетельница! — издевательски поклонился Нанду. — Премного тебе благодарен! Ты думаешь, твои деньги нас спасут? Да и надолго ли их хватит? Видишь ли, я привык уже здесь к привольной жизни: машины, рестораны, девочки... Да-да, нечего хлопать глазами, повторяю для ясности по слогам: де-воч-ки! Именно эти свободные от всяких предрассудков легкомысленные создания за хорошие деньги даруют мне неслыханные удовольствия, которых от тебя, эдакой благочестивой дамы, сроду не дождеешься! Ты вообще холодна в постели, как медуза!

Потрясенная и оскорбленная Амина вновь вспомнила Мусу, его ласковые умелые руки, их

общие радости, мирный отдых вдвоем после бурных наслаждений, и зарыдала в голос.

— Замолчи, надоела! — крикнул Нанду. — И зачем я только, дурак, с тобой связался! Не мог себе подобрать девку посмышленнее да порасторопнее! Тогда и не оказался бы сейчас в такой помойке! Ладно! Придется искать другой выход!

Он выскочил из квартиры, шумно хлопнув дверью, едва не сорвавшейся с петель.

Амина продолжала плакать. Все рухнуло! И больше у нее нет ничего.

— Я собираюсь лететь в Марокко через неделю, — объявил домашним Амим.

— Полетим вместе! — тотчас воскликнула Назира. — Только... Может быть, мы дождемся Али и Зорайде? Они тоже, наверное, скоро полетят домой. Вот найдут мальчика...

— Что же это такое? — горестно запричитала Латиффа. — То Жади с Кадижей пропали, то теперь этот малыш. Это просто какой-то злой рок! И все валится на нашу семью.

— Ну, положим, этот ребенок — не наш, — логично заметил Мохаммед.

— Да на самом деле дядя Али так привязался к этой Деузе, пока искали Жади и Кадижу, что она уже стала нам как родная, — тоже справедливо ответила жена. — И этот ее внук... Он ровесник

нашему маленькому Саиду. Как-то он там? — Она осторожно взглянула на сына. — Ты ведь в последнее время очень подружился с дядей, он ничего не рассказывал про Ранию и малыша?

Амим покачал головой.

— Нет, он сам ничего не знает про них. И очень хочет узнать.

Действительно, Амим очень сблизился с Саидом. Точнее, дядя сам проявил инициативу и начал часто встречаться с племянником.

— Погуляем? — предлагал он.

И они вдвоем отправлялись бродить по улицам Рио.

Амим давно хорошо изучил город, где практически вырос, где прошло почти все его детство. Фес он почти не помнил, город вспоминался слабо, едва-едва, какими-то проблесками. И теперь Амим охотно, с очевидным удовольствием знакомил дядю со столицей Бразилии.

Попутно они обсуждали самые главные для них, животрепещущие вопросы, напрямую касающиеся их обоих.

Так, например, они оба считали, что любовь в жизни — важнее всего, что Самира очень похожа на Жади, а Кадижа — на Латиффу, что женщине совершенно не обязательно учиться, а лучше заниматься домом, семьей, детьми. В этом плане Амим придерживался строго консервативных взглядов своей родины — Марокко.

Наконец, Саид решил, что пришла пора перейти к самым острым проблемам.

— Надеюсь, ты забыл Карлу? — вскользь обронил он.

— А вы забыли Жади? — не полез за словом в карман дерзкий мальчишка.

Саид усмехнулся:

— А на язык ты горазд! Но не забывай, что я уже прожил добрую половину жизни, за многое расплатился, многое осознал и прочувствовал. И мне бы не хотелось, как и твоим родителям, чтобы ты делал те же самые ошибки, что и я, шел моим путем — не слишком ровным и правильным путем.

— Ровных путей не бывает! — снова бойко заявил Амим. — А ведь я, оказывается, здорово похож на вас, дядя. Как в нашей семье вышло все интересно!.. И потом, что значит неправильный путь? Мы же с вами пришли к выводу, что любовь — это единственное мерило в жизни. А я люблю Карлу... — Он грустно замолчал и понурился.

Саид искоса пристально взглянул на него.

— Ну, ладно... В общем, ты прав. Вернемся к твоему вопросу. Видишь ли, я действительно сейчас почти забыл Жади. Правда, выкинуть ее совсем*из головы, навсегда стереть из памяти не удастся, как у тебя не получится забыть Карлу... Но можно подыскать замену.

— Равноценную? — прищурился племянник. — Это невозможно.

— Возможно, — невозмутимо отозвался Саид.

— И вы ее нашли?

— Именно. В этом-то все и дело.

— Здорово! — восхитился Амин и завистливо вздохнул: — Мне бы так... А что, это идея! Найти замену! — его глаза загорелись. — Отличная мысль!

Саид удовлетворенно кивнул.

— Вот и ищи! Это, конечно, не так уж просто сделать, но главное — захотеть! Когда есть настойчивое желание, появятся и силы, и воля, и мужество. В конце концов, настоящий мужчина должен уметь сражаться с трудностями и горестями. Чтобы обрести счастье. Я сам долго не понимал, что любимая женщина все-таки на свете не одна.

— Их много? — снова плутовато прищурился племянник.

— Ну, зачем же так все опошлять и упрощать... Их мало. Очень мало. Но все-таки — не одна. И это счастье. Иначе... — Он замолчал, не желая вдаваться в мрачные подробности подобной перспективы.

Но смысленный парень и так все отлично понял.

Казалось, в голове у него созрел какой-то план.

— Поищем... — протянул он. — И тут, и в Марокко. Почему-то мне кажется, что я найду ее именно там. Прямо предчувствие какое-то... Хотя вообще-то я не верю в эти глупости. А хотите, я открою вам секрет?

Саид удивленно посмотрел на племянника..

— Секрет? Ну давай...

— У Самиры будет ребенок! — торжественно провозгласил Амин.

— Ну да? А откуда ты знаешь? Ведь родители даже не в курсе...

— Я сам узнал только вчера. Мне сказал Зе Роберту. Он был такой счастливый, прямо обезумел от радости! Дядя, а почему люди так радуются, когда у них рождаются дети? Продолжение рода? Но это чересчур примитивно...

Саид вспомнил рождение Кадижи, потом сына и тяжело вздохнул:

— Это очень трудно объяснить... Вот будут свои — тогда поймешь!

Почему взрослые обожают давать такие нелогичные, можно сказать, дурацкие объяснения — вот это действительно очень трудно объяснить. Поймешь позже, узнаешь, когда вырастешь... А если хочется или просто позарез необходимо узнать именно сейчас, вот сию минуту? Но взрослые этого понимать не желают, как не желают и вникать в сложные личные проблемы молодых.

— Свои дети? У меня? — Амим заразительно расхохотался. Почему-то эта мысль показалась ему страшно смешной и забавной. — Вы скажете! — Он внезапно посерьезнел. — Ну да, конечно... Когда я наконец найду ее, единственную... То есть вторую после Карлы... А я ее обязательно найду, правда, дядя?

Он взглянул на Саида с надеждой. И тот уверенно кивнул в ответ: обязательно.

13

Рания ждала возвращения Сесеу каждый день, каждую минуту. Странно, но со временем она все больше и больше привязывалась к этому человеку, хотя первое яркое горячо вспыхнувшее чувство, скорее всего, родилось в ней из желания отомстить Саиду, от ощущения своего одиночества на этом свете, полной заброшенности и сиротливости. Ее убогое горестное существование возле первого мужа немного скрашивали сестра и сын, но сестры нет, она совсем исчезла в суете и гомоне нью-йоркских улиц, а сын...

Рания надеялась, что он подрастет и станет ей верным другом и защитником. Наверное, так оно все бы и произошло, как ею планировалось, но маленький Саид оказался, к разочарованию матери, чересчур общительным и любящим людей. Удивительно, но именно это ей не нравилось, даже порой отталкивало ее от сына. Ей хотелось, как многим неразумным и безмерно любящим матерям, чтобы сын принадлежал ей целиком, она пыталась завоевать его, отстоять свое материнское право на него, но каждый раз промахивалась,

у нее ничего не получалось. И Рания отчаивалась, переживала, даже тайком плакала, сознавая в глубине души, что совершенно не права, но поделать с собой ничего не могла.

А малыш жил своей яркой, насыщенной, полной впечатлений и встреч с новыми и уже знакомыми ему людьми жизнью. Жил и радовался, улыбался каждому новому дню, смеялся от блаженства бытия, ликовал. Это была на редкость оптимистичная натура, характер редкий и счастливый.

Особенно он почему-то необъяснимо привязался к темнокожим, они ему страшно нравились с самой первой встречи с тем гигантом негром в нью-йоркском аэропорту. Эта непонятная привязанность сына раздражала Ранию, часто ее нервировала, заставляла психовать. Ну что за таинственный ребенок? Почему его так привлекают эти негры? Что в них милого и симпатичного? Нет, Рания никогда не была расисткой и националисткой, ни в коем случае! Даже наоборот. Она всегда вполне терпимо и доброжелательно относилась к людям любого цвета кожи и любой национальности. Но сейчас, здесь... Она словно видела свое будущее, и там, вдали, ее сын, еще довольно маленький, но вполне самостоятельный и четко проявляющий свой характер, уходил от нее. И уходил как раз в сторону этих людей, американцев, уходил именно к ним, черным и

белым. К таким чужим, абсолютно безразличным ей и далеким от нее, но таким близким почему-то для него.

Какую трагическую ошибку она совершила, привезя сына именно сюда! Может быть, в другой стране он так бы не рвался от нее прочь! Рания обманывала саму себя, строила неосуществимые планы, представляла иные, более удачные, устраивающие ее варианты, но, к сожалению, абсолютно невозможные, нереальные. Она напрасно терзала этим свою душу, и без того уже истрадавшуюся.

Рания, конечно, отлично понимала, что родители отказались от неверных дочерей и, вероятно, даже проклинали их. Она старалась лишний раз не вспоминать о родных и близких. Зачем? Это ведь еще одна незаживающая рана, которую часто беречь и задевать не стоит. А Сесеу, ее единственная радость, ее единственная зацепка и надежда в этом мире, ездил по Америке... И Рания страшно тосковала без него.

Музыкант оказался очень приятным и милым, на редкость ласковым и заботливым. При ближайшем рассмотрении Рания с радостью поняла, что не ошиблась. Но вот его профессия... Она постоянно, всю жизнь будет отрывать его от жены. Эти бесконечные турне...

Сесеу и его группу часто показывали по телевизору, и резвый Саид, научившийся включать его

и прекрасно ориентировавшийся в каналах, всякий раз звонко и громко, на всю квартиру, звал мать:

— Мама, иди скорей сюда! Тут опять Сесеу! Поет и играет! Иди послушай!

Рания тотчас бросала все свои дела и бежала в большую комнату, где стоял телевизор. Садилась в кресло, напряженная и сосредоточенная, слушала и смотрела.

— Сесеу! — ликовал сын. — Играет и поет! Как здорово! Тебе перевести, о чем он поет?

Саид был убежден, что понимает португальский лучше матери.

— Переведи! — всегда охотно соглашалась она, хотя все отлично понимала. И всякий раз удивлялась точному и бойкому переводу сына. У него явно были способности к языкам.

«Может быть, он станет переводчиком, — размышляла Рания. Как все матери на Земле, она давно уже мечтала о будущем сына и вынашивала самые разные предположения. — Или он будет большим ученым, начнет писать книги по лингвистике. Кажется, это так называется...»

Она была не очень уверена в своих знаниях, но абсолютно убеждена в великом предназначении и больших способностях своего ребенка. Опять же как большинство матерей на свете.

Аккуратный Сесеу регулярно звонил и сообщал, что все в порядке. Переехали в новый город,

концерты проходят с большим успехом. Все хорошо!

О звонке Телминьи он, конечно, умолчал. Возвращению сестры Сесеу как любящий брат, разумеется, обрадовался, но вспоминал прошлое, которое тоже скрыл от Рании, с содроганием и неприязнью к своим родным.

Когда он задумал увезти Ранию и жениться на ней, дома начались жуткие скандалы, почти ежедневные. И провоцировала их, как ни странно, сестра, а не родители.

— Как ты можешь увозить чужую жену?! — кричала она. — Это непорядочно и некрасиво!

В сущности, она была совершенно права, и Сесеу старался не сильно спорить. Он, правда, не раз объяснял дома, что жизнь Рании с мужем, который не может забыть свою первую жену, не сложилась, ей тяжело существовать с ним под одной крышей. И они любят друг друга — Рания и он.

Его объяснения ни к каким положительным результатам не приводили. Выслушивая их далеко не первый раз, Телминья не унималась, а становилась день ото дня все агрессивнее и настойчивее. Она нашла к другим аргументы, которые понравились Сесеу куда меньше, звучали намного хуже и были совсем не убедительны.

— Как ты можешь жениться на мусульманке? — начала непрерывно твердить сестра. — Да еще

вдобавок с ребенком! Это большая ответственность. И почему ты так уверен, что сумеешь полюбить этого чужого тебе мальчика? Ведь это не легко. И вопросы веры... Видишь ли, сейчас тебе все это кажется чепухой, чем-то малозначашим, маловажным, но потом, позже... Потом ты обязательно столкнешься с серьезными проблемами, с которыми так запросто не справишься. А решать их тебе придется все равно, рано или поздно.

— Откуда ты все так отлично знаешь? — не выдержал наконец Сесеу. — Можно подумать, сама уже не раз побывала замужем за вдовцом-мусульманином с ребенком!

— Я много слышала от Мел, у которой отец любил мусульманку. Их печальная история мне хорошо знакома.

— Да? — усмехнулся Сесеу. Он тоже был в курсе этой истории. — Что-то я не припомню, что именно разные религии и вопросы веры помешали им любить друг друга. У них были совсем другие причины, не давшие им сразу создать свою семью. Разве не так?

Телминья недовольно скривилась.

— Все равно ты сейчас совершаешь непростительную, страшную ошибку. И позже будешь тяжело раскаиваться. Я просто хочу тебя предостеречь.

— Ладно, спасибо тебе за это, — миролюбиво отозвался Сесеу. — И давай закончим обсуждение моей личной жизни. Даже если я и совер-

шаю сейчас непоправимую ошибку, как ты утверждаешь, это будет моя и только моя, близкая мне и родная ошибка. Заблуждаться свойственно любому человеку, и не надо мешать ему это делать. Он все равно не послушает, стоит на своем, совершит свои собственные ошибки, а вот тебя станет потом ненавидеть за предостережения. Это, конечно, нелогично и несправедливо, но, увы, встречается в жизни на каждом шагу, слишком часто, чтобы об этом можно было забыть.

Однако Телминья все равно не упокоилась и ныла, и зудела над ухом Сесеу вплоть до его отъезда из Бразилии. А потом сразу резко разорвала с ним всякие отношения. Изредка звонила мать, еще реже — отец. Интересовались жизнью сына, но по их тону становилось предельно ясно, что они до сих пор недовольны и даже оскорблены поведением Сесеу и не желают, не могут ему простить этой скоропалительной женитьбы на мусульманке с ребенком, его отъезда, даже его любви... По железному убеждению родных, Сесеу следовало бы влюбиться в совершенно другую женщину, жить в Рио и завести своих детей. Его музыкальные увлечения тоже не устраивали родителей. Они всегда были против и этого выбора сына. Рок-группа... Что за ерунда? Что за блажь, нежданно-негаданно забредшая в голову их взрослому ребенку? И как с ней бороться? Но

выбить эту дурь из головы Сесеу оказалось невозможно.

К незнакомому и пока чересчур таинственному старику по имени Педро подруги отправились вместе. Моника вела машину и, сидя за рулем, смеялась и болтала, успевая внимательно следить и за дорогой и за подругой, бледной от волнения и мучающего ее токсикоза.

— Это все хорошо и даже прекрасно! — безмятежно ворковала Моника. — У меня скоро появится племянник или племянница! Я бы тоже не прочь завести себе ребятенка... Как ты на это смотришь, Мел?

Она вновь пристально взглянула на подругу и жену брата, вид которой ей очень не нравился.

— Это чудесная идея, — через силу ответила Мел. — Надеюсь, ее одобряет и полностью разделяет твой избранник.

— Ну, как раз это мы с ним обсудить еще не успели! Все не хватает времени! — засмеялась Моника. — А потом, знаешь, мне кажется, что этот вопрос каждая женщина все равно должна решать самостоятельно. Это ее право и ее возможность.

— Наверное, — безразлично отозвалась вялая Мел. — А нам далеко еще ехать?

— Тебе плохо? Тебя укачало? — встревожилась Моника. — Остановиться?

Мел покачала головой.

— Нет, не надо. Все в порядке. Просто надоело ехать. И какие-то темные грязные дома и подозрительные кварталы вокруг...

— Ну да, все правильно. Я ведь тебе объясняла: мы едем в фавелу. Одну из самых больших и пользующихся самой дурной репутацией в Рио. Ничего не поделаешь! Все сомнительные личности живут именно здесь. А тот старик, который нам нужен, — как раз такая личность.

— Может, не стоит? — забеспокоилась вдруг Мел. — Мне как-то не по себе, уж больно здесь противно вокруг... Давай вернемся!

Моника притормозила, положила голову на руль и испытующе покосилась на подругу.

— А как же твоя мать? Ты же сама так мечтала ее найти, прямо рвалась к ней...

— Но разве ты уверена, что этот старик знает что-нибудь про нее?

— Конечно, не уверена. Но мне объяснили, что он может знать. И нам надо все же попытаться его разговорить.

Мел тяжело вздохнула.

— Ну ладно, попытаемся. Поехали.

Дом старика подруги нашли довольно быстро, без всякого труда: Саид точно и безошибочно описал Монике маршрут. Правда, он тоже сначала попробовал отговорить ее от этой затеи.

— Зачем вам к нему ехать? Это опасно. Я бы тебе не советовал так рисковать. Тем более, в компании с беременной женщиной. Мало ли что может там случиться... Фавелы опасны сами по себе, а уж этот Педро... Поверь мне, это слишком рискованная и далеко не безопасная поездка.

Но Мел так хотела отыскать мать, так переживала из-за ее исчезновения, что Моника не послушалась Саида и решила отправиться в фавелу. Хотя на всякий случай вооружилась ножом и пистолетом. А пользоваться ими Моника умела довольно неплохо, скрывая это умение от своих близких и знакомых. Секретаршу детективного агентства его сотрудники давным-давно обучили приемам самообороны, даже слегка выходящей за пределы необходимого. Знал бы Саид, как ловко управляется с оружием его скромная тихая избранница...

Моника остановила машину, вышла и подождала с трудом выбирающуюся из авто Мел. Живот уже начинал ей мешать, хотя был замечен пока очень слабо, только тем, у кого глаз наметан.

Подруги переглянулись, без восторга осмотрели мрачное грязное здание и двинулись к нужному подъезду. На ступеньках, в темноте, Моника тоже вдруг подумала о том, что они совершают страшную ошибку.

— Давай вернемся, Мел, — вполголоса предложила она, останавливаясь. — Ты была права, нам нечего тут делать. Я тоже боюсь.

Подруга не успела ей ответить, да и возвращаться было уже поздно: женщин заметили.

— Какие милые кисочки к нам пожаловали! — раздался снизу, из темноты, противный металлически-скрипучий голос. — И сразу хотят нас покинуть! Да ни за что на свете мы их теперь не отпустим, таких милашек!

Мел перепугалась до полусмерти и крепко вцепилась в руку Моника. Та постаралась держаться спокойно и невозмутимо ступила вперед, ведя подругу за собой.

Они вошли в подвал. Какой жуткий запах! Какая грязь! Женщины с отвращением огляделись.

— Да, здесь не королевский дворец! А вы ищете царские покои? — ехидно осведомился все тот же скрипучий голос.

Он принадлежал такому же мерзкому, под стать голосу, старику отталкивающей внешности, сидящему в углу и что-то тщательно пережевывающему беззубым ртом.

Подруги ни за что бы не догадались и даже не смогли бы себе представить, сколько денег на счетах в самых крупнейших банках Рио у этого оборванного, в лохмотьях, жалкого нищего. А если бы им кто-нибудь сказал об этом, они бы только посмеялись, до того нелепо это казалось. Этот убогий тощий старик давно мог бы сделать себе дорогостоящие зубы, купить роскошный автомобиль, одеться с иголки и снять шикарную квартиру

в самом центре города. Но тогда неизбежно возник бы вопрос о его доходах — откуда они, такие огромные средства?

Старик был очень хитрый и светиться лишний раз, подставляться зря не хотел. Он старательно избегал любого риска, если была такая возможность, а потому предпочитал оставаться здесь, в этой грязи, жить в фавеле среди своих. Это, кстати, давало ему еще одно преимущество и плюс ко всему немалые удобства: нужные люди всегда рядом, компания своя, близкая, привычная, знакомая уже много лет. Педро здесь вырос, сроднился с этими домами и кварталами, с населяющими их жителями. Так зачем, ради чего ему менять что-то?

Да и скрываться всю жизнь, прятаться от полиции этому мистификатору очень нравилось, это была его подлинная стихия, его истинная суть. Педро не мечтал об иной жизни и другой среде обитания. Они оказались ему просто не нужны. Старик был по-своему счастливый человек. И вот к этому человеку в лапы и попали сейчас подруги.

— Не бойся, все будет хорошо! — шепнула Моника, — и смело шагнула вперед. — Здравствуйте! Мы к вам по очень важному делу. Простите, если помешали и пришли не вовремя.

Моника отлично понимала, что здесь — во всяком случае на первых порах — нужно вести себя

предельно вежливо и осмотрительно, подстраиваясь под настроение хозяина. Показывать характер пока не стоит.

И ее подчеркнутая вежливость действительно крайне понравилась Педро. Он даже изобразил нечто вроде приветливой улыбки.

— Какие хорошие, приятные, воспитанные девушки к нам заглянули! Это здесь большая редкость! Приятно слышать! Садитесь, дорогуши! — Старик выбрался из своего угла и подвинул им два колченогих страшных стула.

Мел посмотрела на них и содрогнулась. Садиться она боялась.

Но подруга дернула ее за руку: садись, тут отказываться не принято, не осложняй ситуацию!

И Мел послушно села. Моника тоже. Старик опустил прямо на пол напротив них, не спуская с женщин цепких, острых, маленьких глазок.

— Так вы говорите, у вас важное дело? Да сюда без дела никто не заходит! Ну и что же такого важного может быть у таких славных птичек?

Мел опять содрогнулась от страха и отвращения, но Моника, на редкость выдержанная, держащая себя в руках под строгим* контролем, вновь, словно предупреждая, крепко сжала ее кисть и невозмутимо заговорила:

— Дело у нас такое... У моей подруги, — она спокойно кивнула на Мел, — пропала мать... Уехала из прежней квартиры и как в воду канула.

Мы ищем ее уже несколько месяцев, но найти не можем. А вы ее неплохо знали. У вас с ней было одно дело... — Моника слегка смутилась и замялась, но быстро овладела собой и продолжала: — Это касалось похищения двух женщин в Марокко. Помните? Ее звали Маиза...

Педро злобно ощерился.

— Как же, как же... Еще бы мне ее не помнить, ту расфуфыренную расфранченную дамочку! Очень даже хорошо ее помню. Она меня обманула самым гнусным образом. И я ей этого никогда не прощу! Так это, значит, ее дочь? — Он пристально глянул на Мел, и та резко побледнела. Моника испугалась за нее и снова крепко пожала ее руку. — Да, она немного похожа на мать. Хотя выражение лица совсем другое. Ну так и что это вы ко мне явились? Я понятия не имею, где та дамочка! Исчезла она, видите ли... Что это вам взбрело в головы искать ее у меня?

— Не искать у вас, — осторожно поправила Моника, с тревогой посматривая на подругу, — а только справиться, не знаете ли вы, совершенно случайно, где она. Вдруг она приходила к вам еще раз?

Мел напряглась и подалась вперед. Педро прищурился.

— Даже если бы и приходила, неужели бы я вам сказал об этом! Эх, глупые же вы существа, совсем безмозглые... Да ведь она выставила ме-

ня на огромную сумму денег! Так подставила, так обманула! Я уже дал людям часть денег, они требовали предоплату, чтобы осуществить похищение. А тех двух дамочек вдруг взяли да и украли раньше нашего! Провели! Я требовал у этой вашей Маизы вернуть мне все истраченное — компенсировать, так сказать. Да у нее разве добьешься! Монеты ломаной не выпросишь! Так я и остался с носом, старый дурак... Сам виноват, позволил себя обмануть... А вы еще спрашиваете, была ли она у меня... — Педро опять злобно оскалился и наклонился вперед, словно собираясь встать. Мел в ужасе отшатнулась. Старик довольно расхохотался. — Она не такая дура, чтобы прийти сюда еще раз. Я ее сам искал, был у нее...

— Вы к ней заезжали?! — удивленно воскликнула Моника. — На старую квартиру?

— Ну, конечно, на старую „на какую же еще... — проворчал старик. — Так что она знала, как я зол на нее и чего от нее требую. И явись она сюда на свою голову, то живой отсюда ни за что бы не ушла! Я бы ее отсюда не отпустил! Уж мое слово твердое!

Мел испуганно вскрикнула и прижала пальцы к груди. Моника опять с тревогой покосилась на подругу. Педро, удовлетворенный произведенным эффектом, довольный сам собой, хмыкнул и выразительно, с нажимом повторил:

— Да-да, живой я ее ни за что бы не отпустил! Не сомневайтесь!

И вдруг Моника, не сводящая глаз с подруги, заметила, что та стала бледнеть все больше и больше. Мел уставилась в темный угол и словно оцепенела.

— Что с тобой? — в волнении прошептала Моника. — Возьми себя в руки. Мы сейчас уходим. Нам больше нечего здесь делать.

Мел не отвечала, но показала слабым взмахом ладони в этот темный угол, от которого, казалось, была не в силах оторвать глаз.

— Что там такое? — Моника попыталась взглянуть.

Груда мусора, тряпки, какое-то шмотье. Обрывки одежды, какие-то куски старых сумок...

— Мама, — одними губами шевельнула Мел, едва не теряя сознание.

— Успокойся, никакой мамы тут нет! — Моника испугалась по-настоящему: да, не надо было им все-таки сюда соваться. Она встала и попыталась поднять со стула слабеющую прямо на глазах подругу. — Вставай, Мел, и поедем домой! Там ты придеешь в себя.

Педро со зловещей ухмылкой, гнусно осклабившись, смотрел на непрошенных гостей. Он явно издевался и насмехался над ними.

«Подонки! — подумала взбешенная Моника. — Надо же мне было так вляпаться. Ведь

Саид меня предупреждал... Почему я его не послушалась? А главное, никто не знает, куда мы поехали...»

— Мама... — пролепетала посеревшая от страха Мел, показывая в угол слабеющей рукой. — Это ее сумка...

— А-а, высмотрела-таки, сучка глазастая! — злобно прошипел Педро и проворно, по-молодому стремительно вскочил на ноги. — Да, это правда! Это ее сумка, твоей подлой матери-обманщицы! И теперь я вас отсюда тоже ни за что не выпущу! Живыми и вы не уйдете!

Мел медленно сползала со стула. Моника мгновенно незаметно сунула руку в карман, где притаился ее верный маленький приятель — пистолет. Она была готова к битве не на жизнь, а на смерть. Моника по недомыслию привела сюда подругу и должна ее увести отсюда живой и здоровой. Моника в ответе за Мел! Перед Педринью, перед Лукасом, перед самой собой.

Старик медленно двинулся по направлению к Монике. Она напряглась...

— Стой, негодяй! — вдруг раздался от дверей решительный мужской голос. — Ещё один шаг к ней — и я тебя моментально уничтожу!

Педро резко обернулся.

Моника вскинула изумленные глаза и не поверила им. В дверях стоял Саид, сжимая в руках оружие.

Шанди-два мирно играл на ковре, и тут вдруг ему что-то не понравилось в комнате. Что-то странным образом насторожило его, даже напугало. Он поднял голову и пристально огляделся. Все привычно и тихо, мирно и спокойно. Но вот именно эта тишина в доме и показалась мальчику подозрительной, заставив его остановить игру и чутко прислушаться. Что-то не так. Но что?

Он встал и осторожно двинулся из детской, по дороге сосредоточенно приглядываясь к обстановке. Казалось, вокруг совершенно ничего не изменилось: все та же чистота и уют, все вещи на своих местах, игрушки и книжки, и одежда Шанди — все на своем обычном месте, как всегда.

Мальчик вышел из комнаты. Пустой и тихий коридор насторожил его еще больше. Где его няни — одна и вторая? Где мама? Почему ее так давно не видно? Где бабушка Жура? Где папа? Он так давно не приезжал...

Тревога разрасталась и давила все сильнее и сильнее. Становилось страшнее и страшнее.

Шанди пугливо пробирался вперед. Шаг, еще один и еще один... Мальчик дошел до лестницы, ведущей вниз, и остановился. Где все домочадцы? Куда это они вдруг все разом подевались?

В доме застыла напряженная, нехорошая тишина, ничем и никем не нарушаемая. Даже на кухне почему-то не звенела посуда. А ведь совсем

недавно был завтрак... Далва кормила Шанди. Заглядывала кухарка. Потом забегала, как всегда, сияющая радостно и такая красивая, изумительно благоухающая бабушка Иветти, столь мало похожая на бабушку, что язык не поворачивался ее так называть. А Далва как-то говорила, что она даже прабабушка Шанди — ну, в это вообще было невозможно поверить!

Мальчик насупился и, съежившись, сел на ступеньки.

Куда это исчезли сразу все взрослые? Их всегда было так много в доме!

Вообще собственная жизнь в последнее время нравилась Шанди все меньше и меньше, она перестала его устраивать. С одной стороны, все очень хорошо: дом, собственная комната, игрушки, вкусная еда, заботливые нянюшки, — у него было все, о чем наверняка упоенно мечтал какой-нибудь ребенок, живущий на окраинной полунищей улице. Да, казалось, у него было все: родители, многочисленные бабушки и дедушки, выполнявшие все его желания. Но... у него ничего не было.

«Их слишком много, — часто думал Шанди, наблюдая за своими родственниками. — Слишком! И они все чересчур заняты своими делами и собой. Живут в разных местах. Поэтому заглядывают ко мне просто так, по обязанности, просто потому, что здесь так заведено...»

Он был недалеко от истины, хотя еще не признавал, что в доме с его рождением началась скрытая, не видимая постороннему глазу борьба за него, единственного ребенка, развернулось настоящее сражение, битва за его любовь, за его сердце, за его привязанность. И были, конечно, как тонко и чутко догадывался Шанди, и дежурные визиты, например, тех же Иветти, и Жади, и Педринью, была и затаенная ревность, проявляющаяся нечасто, но порой дающая о себе знать очень болезненными взаимными уколами. Ребенка ревновали Мел и Шанди-старший, донна Жура и Далва, даже Леонидас, который вообще заглядывал в детскую чрезвычайно редко, так что его появления там всегда вызывали искреннее удивление мальчика.

Шанди рано развился и повзрослел среди взрослых, рано научился мыслить взрослыми категориями, повторять взрослые слова, сначала просто так, а потом вникая в них, постигая смысл.

Домашние не подозревали, что в этой детской головке живут уже совсем не детские впечатления и наблюдения, совсем не детские грусть и тоска по любви, которой, как это ни странно, маленький Шанди оказался обделенным в этом перенаселенном доме Феррасов.

«Почему мама и папа здесь не живут? — часто печально думал он. — Здесь ведь так хорошо!

Здесь моя любимая Далва... А они все время где-то далеко. Я так редко вижу маму. И папу тоже редко... Поскорее бы они приехали!»

Подступали слезы, но Шанди вспоминал нянюшку Далву, которая всегда учила его: «Как только захочешь плакать, сразу скажи слезам, что они тебе не нужны, что ты их не звал, что это они пришли сами, без твоего разрешения. Они расстреляются и уйдут».

Вот и сейчас Шанди, помня наставление Далвы, крепко сжал руки в кулачки и прошептал, грозно нахмурившись, чтобы пострашнее напугать слезы:

— Немедленно уходите прочь! Я вас не звал, в гости не приглашал! Вы пришли сами, незваные! А в гости без приглашения не ходят, это неприлично и не принято! Так всегда говорит прадедушка Леонидас! Убирайтесь вон!

И слезы, как всегда, испугались, послушались и высохли. Совет Далвы действовал безотказно. Но где же она сама? Куда вдруг пропала? Такая страшная тишина кругом...

Шанди со вздохом встал и, без конца испуганно озираясь, побрел в комнату Далвы. Он потихоньку постучал в дверь. Никто не отзывался. Полная тишина, застывшая страшным, давящим на мальчика беспокойством... Он постучал снова. И опять все та же тишина в ответ. Тогда Шанди решился войти, хотя прадедушка Леонидас стро-

го-настрога запрещал входить в чужие комнаты без стука и не получив разрешения. Но Шанди ведь стучал! Просто ему никто не ответил. Мальчик осторожно толкнул дверь. Она подалась без труда, и Шанди вошел. И ошеломленно застыл на пороге.

Старая нянюшка лежала почему-то на ковре и не шевелилась.

— Далва! — неуверенно позвал мальчик. — Далвочка, это я, Шанди! Я тебя так долго искал и звал, а ты отчего-то не отзывалась. Я скучаю без тебя, Далвочка... Встань, пожалуйста... Ты что, так захотела спать, что не могла даже дойти до кровати? А у меня тоже так бывает иногда вечером. Когда наиграешься и набегаешься... Встань, пожалуйста, Далвочка!

Оробевший растерянный Шанди опустился рядом с нянюшкой на ковер и осторожно, одним пальцем, прикоснулся к ее руке. Рука была холодной. Мальчик испугался еще больше.

— Ты заболела? — шепотом спросил он. — Почему ты не отвечаешь? Это ведь я, Шанди... И ты меня очень любишь, правда? Ты одна любишь меня... — Он не выдержал и, не успев вовремя дать новый грозный приказ слезам, заплакал. — Тебе холодно? Давай я тебя укрою...

Он стремительно вскочил на ноги, бросился к кровати, сорвал с нее одеяло и метнулся назад, к неподвижно лежавшей на ковре Далве.

— Сейчас, сейчас, — бормотал он. — Сейчас ты согреешься, тебе будет очень тепло, это такое теплое одеяло... — Мальчик старательно укутал свою старую нянюшку. — Ты согреешься и сразу выздоровеешь, — лепетал он. — Правда-правда!

Но Далва оставалась безучастной к его искренним заботам. И тогда Шанди охватила настоящая паника. С громким криком, горько рыдая, он выскочил из комнаты нянюшки и метнулся вниз за помощью.

— Мама! — отчаянно кричал он. — Mamочка! Где ты, мама?! Далва заболела и не встает!

На его крик явилась неслышная, всегда бесшумная, словно плывущая бабушка Жади. Она нежно прижала к себе малыша, вытерла слезы и взяла его на руки.

— Далва! — истошно кричал Шанди и рвался из ее рук. — Пойдем скорее туда! — Он указывал на дверь комнаты старой няни. — Она там лежит и не встает! Я звал ее, но она не откликается! Я боюсь! Где мама?

— Не бойся, малыш! — ласково вытирая ему слезы, повторяла Жади. — Не бойся, я с тобой! И мама скоро придет. Обязательно..!

Она понесла притихшего Шанди наверх, в комнату Далвы. И тоже испуганно застыла на пороге.

— Видишь?! Ты видишь?! — снова закричал мальчик. — Почему она лежит? Ну почему?! Я не

хочу, чтобы она лежала! Далвочка, встань, ну пожалуйста! Я не могу без тебя!

С ним началась настоящая истерика.

Опустившись на стул и прижимая к себе малыша. Жади с трудом дрожащими пальцами набрала на своем мобильном номер Лукаса.

— Приезжай домой! — сказала она срывающимся глухим голосом. — Как можно скорее. У нас большое несчастье.

— Далва, Далвочка! Я люблю тебя, встань! Ну пожалуйста! Я тебя прошу! — надрывался из последних силенок П Ганди,

Лукас услышал его крик и обо всем тотчас догадался.

— Еду, — коротко бросил он в трубку.

14

Амим не стал дожидаться дядю Али и тетю Зо-райде. А зачем? Разве он не может без них лететь в Фес? Что за глупости тетки Назиры, что за странные фантазии?

Прямо сказать ей об этом он, конечно, не осмелился, но твердо решил настоять на своем и улететь в Фес как можно скорее. Беседы с дядей Саидом только укрепили его в этом желании. Поэтому Амим купил два билета на самолет и принес их домой.

— Вот, — показал он их тетке, сделав строгое лицо. — Летим завтра. Собирайся.

Назира вздохнула и заторопилась.

Теперь вся ее жизнь сосредоточилась в племяннике и племянницах, словно замкнулась на них. Порой Назира грустила, что осталась одна, так и не сумев обрести женское счастье, найти мужа, построить собственную семью... Но каждому свое, и надо было примириться со своей горькой, скорбной участью. Да и нельзя оплакивать свою жизнь — ведь ты живешь, и каждый день может произойти что-то счастливое, не-

ожиданное, значимое. И ни в коем случае нельзя жаловаться на судьбу — Аллах может покарать за это. Он не выносит недовольных, об этом постоянно твердил дядя Али. И хотя Назира не очень-то прислушивалась к брюзжанию и вечным наставлениям старика, обожавшего всех поучать, все равно всегда помнила, что Аллах велит радоваться дарованной тебе жизни. Только так и не иначе!

И Назира полетела с племянником в Фес.

В последнее время ее все больше и больше беспокоила Кадижа. Тетке хотелось как можно скорее, прямо немедленно, своими руками устроить счастье племянника и племянниц, увидеть их довольные, радостные мордочки и успокоиться. Вот тогда ее сердце умиротворится, но никак не раньше. Но пока была счастлива одна лишь Самира. За нее тетка действительно могла не волноваться, а вот остальные двое...

«Ладно, — думала она, сидя в кресле самолета рядом с Амимом, уставившимся в окно, — вот образуется все у этого маленького изверга, замучившего своей неудавшейся любовью всю семью, тогда я вернусь и сразу займусь судьбой Кадижи. Девочку пора пристраивать. А то она попросту мается дурью».

О Кадиже она знала многое от Саида, который, правда, редко, но все-таки виделся с дочерью. Знала о ней и Латиффа — с ней часто делилась со-

кровенным и наболевшим Жади. Так что информации было вполне достаточно, но она не радовалась беспокойное сердце тетки. Кадижа оставалась несчастной и одинокой даже со своим парнем, который в общем-то нравился Назире.

«И чего им всем не хватает? — грустно размышляла она. — Кажется, все для них делается, все у них есть. А они все какие-то неприкаянные, все тоскуют... Прямо беда... И как помочь — часто не знаешь. Ищешь и не находишь решения, ночами не спишь. Бедные Латиффа и Жади...»

Она не впервые жалела невесток, но вообще жалость к женам братьев проснулась в Назире не так уж давно — когда она, наконец, сумела постичь чужое горе почти как свое и научилась сопереживать. А это тоже непростая наука, на ее изучение иногда у человека уходит целая жизнь...

Фес встретил Амима и Назиру привычной тишиной и жарой. По улицам неслышно скользили женщины в паранджах, изредка тихо проезжали машины, жаром дышала недалекая пустыня. Шум и гомон доносились только со стороны рынка, и Амим был слегка ошеломлен и растерян свалившейся на него красотой и экзотикой совершенно иного мира.

«А ведь я здесь мог бы жить, — подумал Амим. — Это мой родной город. Родина...»

Он несколько раз произнес про себя это слово. Оно звучало странно и привлекательно. Родина...

Бразилия их приютила и пригрела, но их родная страна — здесь, именно здесь. Вот эта...

Дальше Амин думать не стал, побоялся. А то вот сейчас он нафантазирует себе невесту что, напридумывает, навоображает, а потом все эти мечты и грезы рухнут в одно мгновение, вновь накрыв его своей неимоверной тяжестью. Точно так и случилось с Карлой. Он так мечтал о ней, так любил ее, а она...

«Ну что она? — спросил сам себя Амин. — Она просто любила другого. И вовсе не была обязана любить меня и отвечать на мое чувство взаимностью».

Так откровенно и сказал недавно Амиму дядя Саид во время одной из очередных их дружеских душевных бесед, к которым Амин уже очень привык. Он с нежностью вспомнил о дяде. Какой тот хороший, заботливый, умный. Как искренне говорит о себе, не стыдится и не боится поделиться своими переживаниями и настроениями, рассказать о собственных ошибках. Не то что другие взрослые.

А мама... Амин даже зажмурился, вспомнив ее ласковые тревожные глаза, всегда смотревшие на него с такой любовью, ее постоянные ежедневные хлопоты по дому, словно нет никаких служанок, ее заботы, ее вопросы, ее волнение за него, любимого сына. А он ведь часто бывал несправедлив к маме, груб, дерзок, часто незаслу-

женно обижал ее, ничего не рассказывал ей, замыкался в себе, в своей боли, ничем с ней не делился.

Дядя Саид словно научил его своим примером, как надо вести себя с близкими и дорогими людьми, как надо беречь и любить родных, как надо их ценить.

А отец... Он тоже молчал, чувствуя обиду. Отец хотел помочь единственному сыну, поддержать, научить, но Амин шарахался от него, хамил, не отвечал на его вопросы...

Одна лишь Самира своей настойчивостью и прямоотой сумела найти подход к Амиму. Да и он почему-то доверял больше всего именно ей одной. Думал, что она лучше его поймет, так как ближе ему по возрасту. Самира... У нее скоро будет ребенок — племянник или племянница Амима.

Он улыбнулся и повернулся к необычно молчаливой тетке, чинно и важно шествующей с ним рядом по жаркой улице Феса.

— Знаешь, тетя, — задумчиво сказал Амин, — я бы хотел, чтобы у меня было много детей. И чтобы их всех воспитывала ты.

Назира улыбнулась.

— Я не против, — весело отозвалась она.

Рыдающая Карла упорно стояла перед глазами Лео. Он сам не понимал, что это с ним такое слу-

чилось. Он будто стал другим, вдруг научился реагировать на боль окружающих, начал откликаться на нее, чувствовать людей, сопереживать, чего раньше никогда за ним не водилось.

Вообще в последнее время жизнь Лео резко изменилась и внезапно стала его радовать. Заставив пасынка встать с дивана и начать работать, Эдвалду совершил по-настоящему мудрый поступок, повел себя как подлинный воспитатель, не отдавая себе в том никакого отчета. Но результат не замедлил сказаться, и Деуза и донна Мосинья разом повеселели.

Лео начал трудиться в ателье, во всем слушаясь отчима. А тот понял, что поступает правильно, осознал наконец, как себя вести, и говорил теперь с пасынком только строго и сдержанно, давая первые уроки портняжного мастерства. Лео слушал внимательно, стараясь все понять и постичь, вообще проявлял недюжинное и совершенно неожиданное в нем старание и прилежание, а потому быстро стал делать первые успехи.

Эдвалду был очень доволен, но выдерживал характер и похваливал Лео скупой, без всяких эмоций. Особенно радовало Эда изменившееся настроение Деузы, ее повеселевшие, сразу заблестевшие жизнью глаза, смотревшие теперь на мужа с надеждой, благодарностью и любовью.

— Спасибо тебе, Эд, — часто повторяла она, когда они оставались наедине.

— Не за что, — строго отвечал портной.

Он кривил душой, отлично понимая, что как раз есть за что.

То раннее утро, когда обезумевшая от горя растрепанная, зареванная Карла ворвалась в ателье, Эдвалду запомнил надолго как страшный сон, как кошмар. Да, у него никогда не было своих детей. К большому сожалению. Сейчас он понимал, какая это трагическая ошибка и как ему хочется их иметь. Но поздно. Только теперь, досыта пообщавшись с пасынком, Эд гораздо лучше стал понимать боль и страдание отцов и матерей, которые мучились с детьми и страдали за них, пытаясь решить их проблемы и не в силах помочь. Лео давно стал близок Эдвалду из-за Деузы. Он действительно по-настоящему любил эту женщину — а ведь когда-то всерьез задумал ее бросить, от нее отказаться, забыть навсегда, попросту вычеркнуть из своей жизни! Каким дураком он тогда был!

Любовь к танцовщице изменила. Эда, сделала его другим, заставила принять и **ощутить** ее боль, ее материнские муки, и не только ощутить, но и разделить, почувствовать сердцем как свои собственные и попробовать помочь. Да, вот это главное — он всеми **силами** стремился помочь ей, своей дивной танцовщице, своей красавице,

своей единственной большой любви. И вот результат. Эдвалду мог по праву гордиться собой, но он старался этого ни в коем случае не допускать.

И боль Карлы тоже ужалила его. Но она пронзила и самого Лео, как это ни странно.

— Пожалуйста, не плачь, — едва слышно прошептал Лео, растерянно переминаясь с ноги на ногу перед Карлой. — Выпей воды. Вот... — Он протянул ей стакан с водой. — Расскажи, что случилось.

— Антонио пропал! — рыдая, крикнула Карла. — Ушел из дома! Рано утром. Я же говорю, мы с мамой обегали все ближние дворы и улицы... Его никто не видел. Я не знаю, что мне делать! — И она зарыдала еще громче, словно не замечая робкой руки Лео со стаканом.

На помощь пришел Эдвалду, вмешавшийся в разговор, и вдвоем им с большим трудом удалось хотя бы немного успокоить Карлу. Когда она ушла, явилась рыдающая Деуза.

В общем, то еще выдалось утро. Запомнится надолго. Потом Эдвалду долго вспоминал тот денек, с содроганием, не говоря уж о женщинах. А Лео... После ухода Карлы и матери, он забился в угол и сидел там безмолвно, тихо, как мышь, работая не поднимая головы и не произнося ни слова. Поел нехотя, еле-еле — и снова за работу.

Вечером Эдвалду засобиравшись домой. Сегодня был тревожный день, и засиживаться в ателье ему не хотелось.

— Эй, ты идешь? — окликнул он пасынка.

— Я немного еще посижу здесь, поработаю. Мне надо задержаться, — еле слышным шепотом откликнулся тот. — У меня срочный заказ. Я все закрою.

— Ладно, — кивнул Эд. — Только не засиживайся допоздна. — И поспешил домой, к жене.

Лео остался один. Он выждал какое-то время, потом встал и внимательно осмотрелся. Тишина. Никого. Лео подошел к входной двери и запер ее. Затем двинулся к самому дальнему чулану, где Эдвалду хранил старые выкройки и вообще всякий хлам, до которого у него никак не доходили руки. Все собирался разобрать чулан и выбросить ненужное, привести комнатку в порядок, да как-то времени не хватало.

Лео открыл дверь и крикнул в темноту:

— Выходи! Все ушли! Мы с тобой остались вдвоем.

Из чуланчика выскочил очень довольный, хотя и весь в пыли, Антонио.

— Сесеу вернулся! Ура! — вдруг ликующе закричал маленький Саид.

Сердце Рании стремительно ухнуло вниз, рванувшись неожиданно куда-то к коленям, и закончилось испуганно и торопливо. Сесеу приехал?! А ничего ведь не говорил, не предупредил, даже

не намекнул. Наверное, хотел сделать ей сюрприз.

— Сесеу! — радостно голосил в соседней комнате Саид. — Сесеу! А мы с мамой так ждали тебя! Так скучали без тебя!

«Маленький хитрец...» — ласково подумала Рания.

Ноги не слушались ее от волнения, и она никак не могла овладеть собой и выйти навстречу мужу.

Сесеу бросил на пол вещи и подхватил мальчика на руки. Он весело подкинул малыша под потолок, как делал часто. Саид завизжал от восторга.

— Осторожнее! — воскликнула Рания.

Она наконец усилием воли заставила себя встать и добрести из кухни до большой комнаты, где счастливо визжал и заливался смехом сын. Сесеу тоже сиял.

Увидев Ранию, он аккуратно поставил малыша на пол и улыбнулся еще шире.

— Ну, здравствуй! Надумал вот явиться неожиданно... Ты мне не рада?

— Очень рада, — проговорила Рания и внезапно заплакала, сама не ожидая этого. — Я так тебя ждала все время...

Саид внимательно, с большим любопытством наблюдал за взрослыми.

— Здорово! — сказал он. — У нас все всегда получается на отлично! Лучше, чем у всех остальных, правда?

— Конечно, правда, — уверенно кивнул Сесеу. — И мама тоже это прекрасно понимает, только до сих пор не хочет почему-то в этом признаться.

Ночью Сесеу и Рания никак не могли наслаждаться друг другом.

— Тише, — шептала Рания, прижимаясь к мужу, — Саида разбудим. Мы прямо с ума сошли...

— Не разбудим! — весело отмахивался Сесеу. — Парень набегался и спит без задних ног. Мы с ним досыта накатались днем на роликах. Он меня загонял вконец. Такой спортивный мальчишка!

— Он вообще очень способный, — гордо ответила довольная Рания. Какой же матери не понравится, когда нахваливают ее ребенка. — Так бойко болтает на стольких языках! Общительный, живой... Я думаю, он будет великим ученым.

— Почему именно ученым? — засмеялся Сесеу, поглаживая ее руку.

— Ну, не знаю... Он такой способный, — повторила она, почти засыпая. — Я такая счастливая! Только...

— Что только? — слегка насторожился Сесеу.

— Да нет, ничего, — ушла от ответа Рания.

Ей не хотелось рассказывать мужу о звонке и визите сестры.

Рания вспомнила голос Амины, который дрожал и бился о трубку. Рания страшно испугалась.

Сначала она обрадовалась, услышав давно пропавшую сестру, но потом...

— Мы погибаем, — бормотала, как заведенная, Амина, — мы погибаем... Рания, прости меня, но я хотела быть с ним... И была бы дальше... Но еще был Муса... Я летала к нему в Марокко... А сейчас у нас настоящая беда... Мы погибаем...

— Подожди, подожди! — торопливо прервала ее обеспокоенная Рания. — Я пока ничего не понимаю. Почему вы погибаете? Какой Муса? Расскажи все по порядку. А вообще, лучше всего приезжай. Возьми такси. Ты знаешь наш адрес? Как ты нашла меня? Я ведь не могла тебя отыскать в Нью-Йорке, хотя и пыталась.

— У меня все есть, — прошелестела сестра. — Я сейчас приеду и все расскажу...

Когда Рания увидела сестру, то испугалась еще больше. Амина стала напоминать изваяние — белая, неподвижная, страшно худая, с измученным лицом и тоскливыми глазами.

— Что с тобой?! — в ужасе вскричала Рания. — Садись, рассказывай... Я накрою на стол.

Тотчас примчался Саид и с любопытством уставился на гостью. Он ее уже почти не помнил.

— Как он вырос, — отметила Амина.

— А ты помнишь тетю? — обратилась Рания к сыну. — Это твоя тетя Амина.

Мальчик отрицательно помотал головой и тотчас бойко вскарабкался на колени к Амине.

Она неловко прижала его к себе и погладила по голове. Вдохнула теплый запах ребенка. И слабо улыбнулась.

— Ну, вот! — обрадовалась Рания. — Уже лучше! Рассказывай.

Долгий и путаный, местами бессвязный рассказ сестры поверг Ранию в ужас, ее охватила паника. Проснулась острая боль за сестру, за ее неудавшуюся судьбу.

Саид, мало что понимая из разговора, быстро соскучился и убежал к себе. Сестры продолжали беседовать.

— Нанду давно где-то раздобыл ваш номер телефона и адрес, — тихо говорила Амина. — Только скрывал их от меня. Я случайно нашла в его записной книжке. После нашего провала в Марокко Нанду совершенно замкнулся, стал злым, просто бешеным... Кричал на меня... Даже поднимал руку... — Амина содрогнулась, вспомнив все пережитое. Рания молчала, сжав ладонями виски, и слушала. — Он уходил обычно из дома рано утром и возвращался за полночь. Иногда не ночевал дома. Ничего мне не рассказывал, ничем не делился. А если я пыталась его расспросить о его делах, начинал орать... Стал все чаще принимать наркотики. Кололся. Я все время находила дома шприцы и ампулы... Мои деньги закончились, я сняла все со своего счета, чтобы выжить — Нанду денег

мне не давал вообще. А потом... Потом он как-то пришел домой в приподнятом настроении, чересчур веселый. Я думала, опять наркота, но он вдруг бодро заявил мне: «Все, черная полоса кончилась! Теперь мы заживем! Я нашел новый канал связи».

Амина замолчала, невидящими глазами глядя в окно. Рания подвинула к ней ближе остывшую чашку с зеленым чаем. Амина автоматически взяла ее и сделала глоток. Затем поставила чашку на стол, посмотрела на сестру совершенно мертвыми глазами и продолжала свой горестный рассказ:

— Я обрадовалась. Даже очень. Поверила ему... Какая же я дура! Но сначала мы действительно зажили неплохо: появились деньги, и я купила себе новые вещи и кое-что для дома... А Нанду опять загулял, стал снова шататься по кабакам, по девкам. Неделью назад его арестовали... Пришла полиция, обыскала квартиру. У нас нашли много наркотиков. Нанду крикнул мне, когда его уводили: «Меня подставили! Продали! Какая-то сволочь! Немедленно уезжай домой!» Я нашла в его записной книжке ваш телефон... Рания, я не знаю, что мне теперь делать...

В первом порыве Рания хотела предложить сестре остаться у них. Но она тотчас вспомнила Сесеу, который резко отзывался о Нанду и больше не желал иметь с ним никакого дела, а поэтому оста-

новила саму себя, осеклась на полуслове. Нет, пока приглашать сестру в дом нельзя, надо подумать, посоветоваться с Сесеу. И вообще... Может быть, это даже опасно — поселить здесь Амину. Ведь Нанду арестован и она тоже под подозрением. Так легко навредить и себе, и Сесеу, и главное — Саиду.

Рания смешалась, но Амина, погруженная в себя и в свою боль, ничего не заметила. И хорошо, иначе бы она смертельно обиделась на сестру, а Рании сейчас вовсе не хотелось ее обижать, причинять новые страдания и опять обострять отношения. Она была очень рада, что сестра нашлась, пусть даже при таких страшных, тяжелых обстоятельствах.

— Этот Нанду, — гневно сказала Рания, — я никогда его не любила.

Она кривила душой: когда-то Нанду, всегда живой, веселый, смешливый, ей был вполне приятен и симпатичен, и она искренне верила, что сестре будет с ним хорошо. Она ошиблась, Но Амина обожглась куда сильнее.

— А как ты думаешь, — спросила Амина, — Нанду дал мне правильный совет? Может, мне действительно стоит уехать в Марокко? Но меня ведь не примут ни родители, ни другие родственники... Или вернуться в Бразилию? Только что я буду там делать, как жить?

— Это и правда все очень непросто, — отозвалась растерянная и подавленная Рания. — Я не

знаю даже, что тебе сказать... А помнишь, — она ласково взглянула на сестру, — это ведь ты раньше мне всегда советовала, подсказывала, учила меня, как себя вести в трудных случаях, выручала? Ты, а не я... Я сама ничего не знала и ничего не умела. Ты всегда была умнее и опытнее меня...

— Да, была, — отозвалась Амина. — Как давно это было... В это даже трудно поверить... А вот теперь я прошу совета у тебя... Помоги мне, Рания! Кроме тебя, у меня не осталось никого на свете! Ни мужа, ни детей, одна ты!

И Амина отчаянно разрыдалась. У Рании впервые в жизни закололо сердце.

«Нет, — подумала она, — чего бы мне это ни стоило, я должна, просто обязана помочь сестре! Она действительно совершенно одна, в чужом городе, в чужой стране, без друзей, без денег, без работы...»

— Я сделаю все, что смогу, все от меня зависящее! — твердо сказала Рания. — Только немножко потерпи и подожди. А пока... Пока ты должна немедленно переехать. Я сегодня же найду тебе квартиру в соседнем доме или прямо в нашем. Ты должна жить возле меня. И вообще оставаться в той квартире тебе опасно.

— Но я задолжала за нее за три месяца! — пробормотала Амина. — Нанду ведь только тра- тил...

— Я дам тебе денег. — Рания вытащила из сумки кошелек. — Столько хватит? Если нет, я добавлю, у меня есть. Сесеу хорошо зарабатывает. Ты снова бери такси и не отпускай его. Расплатишься с хозяином квартиры, быстренько соберешь вещи — и назад! А я пока найду тебе жилье. Не волнуйся, все будет хорошо.

Амина уехала, а Рания вместе с сыном отправилась на поиски квартиры. Благодаря общительности и приветливости Саида, его знали в доме все, а значит, и его мать тоже. Поэтому перед Ранией тотчас распахивались любые двери. И уже через полчаса она сняла для сестры очень приличную, чистую, маленькую и недорогую квартиру в соседнем подъезде. Очень довольная, она вернулась домой. Через два часа приехала Амина...

И вот теперь Рании предстояло все рассказать Сесеу. Она поежилась, собираясь с духом, уже привстала на локте, но увидела, что муж спит, легко и сладко, как ребенок, посапывая во сне.

Рания улыбнулась, укрыла его одеялом и, облегченно вздохнув, отложила тяжелый и неприятный разговор на утро.

Педро медленно, шаг за шагом, отступал, не сводя с Саида настороженных острых глазок.

Моника тоже не выпускала из горячих пальцев пистолета, который держала уже не таясь. Она понимала, что здесь может все непредсказуемо измениться в любую секунду.

Мел застыла на стуле, не сводя перепуганных глаз с Саида. Все сосредоточилось на нем одном. И он это отлично сознавал, полностью контролируя ситуацию и собираясь владеть ею и дальше.

— Ты, старик, не думай, что можешь все, — жестко отчеканил Саид. — Ты уже возомнил себя властелином мира, способным его перевернуть! — Он неторопливо, но неуклонно двигался вслед за Педро, держа его на мушке. — Что ты на самом деле из себя представляешь? Обыкновенный наркоторан, правда, довольно ушлый и ловкий, несмотря на возраст, а потому удачливый и богатый. Сколько у тебя денег на счетах?

Педро не отвечал, отступая все дальше в глубь комнаты и не спуская глаз с дула пистолета Саида.

— Молчишь? Я и сам знаю, что немало. Ты стал опасен, агрессивен, перешел все допустимые границы. А когда-то мы были с тобой в неплохих отношениях, помнишь?

Педро кивнул.

— Ну, вот. Только ты не дорожил ничьей дружбой и расположением. Ты ничего не ценил, кроме

денег. Твое место в тюрьме! И ты его займешь, я тебе обещаю его обеспечить. Где Маиза?

— Я ничего не знаю про нее! — завизжал старик. Чувствовалось, что он не на шутку испугался. — Ничего не знаю и знать не хочу! Я не видел ее с того вечера, когда мы встретились у нее дома.

— Ты врешь, старик! — холодно и неторопливо чеканя слова, отозвался Саид. — Откуда у тебя здесь, в твоей комнате, ее вещи? Как они тут оказались? Как попали к тебе?

Педро отступил еще на шаг, почти уперся спиной в стену.

— Я ничего не знаю, — повторил он, отлично сознавая, что это уже звучит глупо и бессмысленно. Его приперли к стене во всех смыслах слова.

— Хватит лгать и изворачиваться! — Голос Саида звучал еще жестче и холоднее. — Где Маиза?

— Я не убивал ее, не убивал, клянусь вам! — истошно заголосил старик визгливым фальцетом. — Я никого никогда не убивал! Наркотики — это да, но это совсем другое дело. Хотя эта ваша Маиза меня обманула, подло подставила, но я не тронул ее и пальцем!

— Где Маиза? — мрачно повторил Саид. — Ответь! Хватит валять дурака! Мы должны ее найти! И мы ее найдем! Ты знаешь, что эта молодая женщина ищет мать. Мать, понимаешь?!

— Ах, мать?! — внезапно начал ерничать Педро. — Мать... Конечно, понимаю. Даже очень...

Моника не успела еще ничего сообразить, как он вдруг метнулся к ней, вырвал пистолет из ослабевшей на мгновение руки и направил его на Саида.

— Ах, ах, ах! Какая неудача постигла этого господина! Теперь у меня тоже есть такая же игрушка! — Он насмешливо поднял оружие Моника на уровень лба противника. — Женщины всегда такие неловкие, неумелые! Им нельзя ничего доверять и поручать, обязательно подведут. На них никогда нельзя ни в чем положиться. Как же она вас подвела, эта юная дамочка!

Моника в гневе и досаде кусала губы. Мел прилипла к стулу и сжалась, будто стараясь исчезнуть.

— Теперь мы на равных! — паясничая, продолжал старик. — И все зависит от того, кто будет действовать быстрее и окажется проворнее! А после тебя я пристрелю и этих девок. Одну за другой. Мне не привыкать!

— Но ты ведь только что объявил нам, что никогда никого не убивал! — хладнокровно заметил Саид. — И из кожи вон лез, чтобы убедить нас в этом.

Он держался так, словно ровным счетом ничего не произошло. Моника взглянула на него с

восхищением, несмотря на отчаянность их положения.

— А вы все больше меня слушайте! — омерзительно хихикнул Педро. — Я и не такое могу наплевости! Среди лгунов мне нет равных!

Он был по-настоящему отвратителен и страшен.

— Так это вы, значит, убили мою маму! — крикнула Мел и вдруг вскочила со стула.

Никто этого, конечно, не ожидал, и поэтому все растерялись. Но Монике хватило одной секунды, чтобы прийти в себя.

Мел метнулась к старику и яростно, злобно вцепилась ему в жалкие остатки волос, не обращая внимания на пистолет, направленный теперь на нее. Педро опешил, ему было очень больно, и он не смог сразу нажать на курок. В это мгновение Моника метнула нож, точно вонзившийся старику в правое плечо. Обезумевший от боли Педро перевел пистолет на нее. И тогда вперед рванулся Саид. Одним броском он отшвырнул от старика уже ослабевшую Мел и выстрелил старику в грудь. Тот захрипел и стал медленно оседать на пол.

— Вот и все, — произнес Саид, опуская пистолет. — Мы можем ехать. Искать убийц этого негодяя все равно никто не станет.

— А мама?! — крикнула Мел, сидя на полу.

— Нам нужно ехать, — твердо повторил Саид.

— Моника, — простонала Мел, и та бросилась к подруге. — Моника... — Она поманила подругу пальцем. — Наклонись ко мне... Мне плохо... По-моему, у меня началось кровотечение. — Мел еле-еле шептала. — Мне нужно в больницу.

— Скорее, Саид! — крикнула Моника. — У нее начались роды!

15

Лео присел перед сыном на корточки. На него смотрела его же собственная детская плутовская физиономия. Как же этот малыш похож на него! Как все это интересно и забавно...

Лео сразу вспомнил детство: мать, бабушку, отца... Свои обиды и горести, постоянное желание что-то изменить в жизни, которая вечно ему не нравилась, каждую минуту его чем-то не устраивала. Какой же он был неблагодарный, какой жестокий! Но он всегда любил одного отца, был привязан к нему и убегал только к нему, мечтая жить с ним.

Трагедии и обиды детства никогда не забываются, но взрослый человек способен их пересмотреть под другим углом зрения, и тогда трагедия понемногу теряет свою остроту.

«Неужели он во всем так же **точно** похож на меня? — думал Лео, разглядывая сына. — Почему он прибежал ко мне? Как он меня нашел? Но ведь он меня никогда не видел, а я был так привязан в детстве к Аугусто... Нет, тут что-то другое. Но что?»

Рано утром, когда Лео был в ателье один — Эд с другими помощниками отлучились в ближний магазин — в дверь осторожно постучали. Лео удивился: клиенты никогда не стучали в дверь, тем более так тихо.

— Входите, не заперто! — крикнул Лео.

Дверь жалобно заскрипела, поползла, и вошел малыш. Лео оцепенел. Это был он сам маленький — с такими же глазами, с такой же лукавой улыбкой, даже волосы росли у мальчика точно так же, как у Лео, всегда оставаясь почему-то чуточку длиннее слева, как их не постригай. Помнится, бабушка, донна Мосинья, всегда сокрушалась и удивлялась по этому поводу.

— Привет! — сказал мальчик. — Это ты, да? А это я!

Он смотрел большими доверчивыми глазами, и вот в этом взгляде Лео и увидел единственную, но серьезную разницу между ними. Сам Лео никогда не смотрел так на людей, всегда их сторонился, бычился, замыкался, жил сам в себе. Этот малыш был не таков. И очень хорошо!

— Я боюсь, что меня тут найдет мама. Или бабушка, — быстро-быстро заговорил Антонио. — Ты спрячь меня, пожалуйста, я буду сидеть тихо-тихо. А когда все уйдут, ты меня выпустишь, ладно?

Лео не успел еще ничего обдумать, сообразить и ответить, как услышал голоса возвращающихся

работников Эдвалду. Он стремительно встал, схватил мальчика за руку и отвел в чулан. Закрывая дверь, он все-таки умудрился сунуть внутрь бутылку пепси и пару пирожков со стола. Больше ничего под рукой не оказалось.

Весь день Лео жестоко мучился, не зная, как там чувствует себя малыш. Один раз, сделав вид, что разыскивает старую выкройку, Лео заглянул в чулан. Антонио мирно спал, свернувшись калачиком на куче старых тряпок. Пирожки были съедены, бутылка опустела. На полу лужа. Но ведь мальчик не может весь день терпеть! Ничего, позже, вечером, Лео все уберет.

Он заботливо и осторожно, стараясь не разбудить, укрыл сына. Сын! Какое непривычное слово! Потом оставил тайком принесенную за пазухой вторую бутылку с водой и несколько бутербродов и неслышно вышел.

И вот наконец они остались вдвоем. Кругом тишина.

— Как ты там вытерпел столько времени? — спросил Лео.

Антонио махнул рукой.

— Я почти все время спал. А там ничего, тепло и уютно. Только тесно и пыльно.

В подтверждение своих слов он оглушительно чихнул и засмеялся.

— Пойдем, тебе надо умыться, — улыбнулся Лео.

Он отвел сына к раковине и долго с любопытством наблюдал, как малыш старательно намыливает руки, плещется и трет ладонями лицо. Потом Антонио вытерся полотенцем и повернулся к отцу.

— А ужинать мы будем? Я готов! Вот! Руки чистые! — И он охотно и весело протянул ладошки Лео.

— Ну да, конечно! — спохватился Лео. — Пошли.

Он вытащил все запасы Эдвалду, опустошив холодильник. Антонио с удовольствием следил за его хлопотами.

— Какая пицца! — обрадованно сказал он. — Я ее очень люблю! Давай с нее и начнем. — И ребенок с большим удовольствием принялся уничтожать еду.

Лео сидел напротив и рассматривал Антонио. Сын... Родной сын... Жутко на него похожий... Карла не обманула — это действительно его сын.

— А почему ты не ешь? — спросил мальчик, с завидным аппетитом доедая пищу.

— Я сыт, недавно перекусил, — объяснил Лео. — А как ты меня нашел?

— Приходила бабушка Деуза, — солидно начал Антонио. — Я спросил ее, когда придет папа. А она почему-то смутилась и сказала, что ты очень занят на работе, в ателье. Я спросил, где

это ателье. Она рассказала. — Малыш довольно усмехнулся.

«Обвел бабуку вокруг пальца, — подумал Лео. — Хитрец!»

— А зачем ты меня искал?

Антонио взглянул на него сочувственно, даже с жалостью, как на недоумка. Папа такой несообразительный! Значит, придется ему все растолковать, подробно объяснить.

— Ну как же, — с прежней серьезностью отозвался он, — ведь если один родной человек долго не приходит к другому родному человеку, значит, второй должен прийти сам. Проявить инициативу, как часто любит повторять бабушка Одетти. А ты ведь мне родной, и ты очень долго не приходил. Я вообще тебя не помню. А ты меня?

Антонио смотрел по-прежнему открыто и доверчиво. И Лео смутился под этим детским взглядом.

— Да, я тоже не помню... Я виноват перед тобой...

— Чепуха! — великодушно махнул рукой мальчик. — Мы же вот наконец все-таки нашли друг друга! А ты был очень занят. Так говорила бабушка Деуза. Работа — это очень важно. Правда? Так говорит мама. Хотя она нигде пока не работает, но собирается.

— Мама собирается пойти работать? — удивился Лео. — И куда же?

— Она говорит, что ей все равно. Лишь бы денег платили побольше. Нам почему-то их все время не хватает. Хотя нам все помогают: бабушка Деуза, дедушка Эдвалду, дедушка Аугусто, бабушка Эдна... У меня очень много родственников, — похвастался Антонио. — Только вот ты долго не приходил...

Лео потерялся окончательно. Он не знал слишком многого.

— А разве Эдвалду к вам приходит? И Аугусто тоже?

— Дедушка Эдвалду не приходит, — уплетая колбасу, поведал мальчик. — О нем просто часто рассказывает бабушка Деуза. Передает приветы и пожелания, и подарки там разные от него. А дедушка Аугусто стал приходить совсем недавно. Его привела бабушка Деуза. Теперь он ходит один. Он очень ласковый и тоже приносит много всяких вкусностей и игрушек. Маме он очень нравится.

— Вот как... — протянул Лео. — А скажи... Зачем я тебе понадобился?

Он опять вспомнил себя в детстве. Как же он тосковал без отца! Но ведь он вырос рядом с Албиери, а Антонио не знал своего родителя.

Мальчик удивленно пожал плечами. Вновь отец проявлял невиданную тупость и несообразительность. Придется снова разъяснять ему такие простые вещи.

— Нутак у всех должны быть и мама, и папа. Бабушки и дедушки у меня есть, даже много. А вот папа... Поэтому я и пришел. Чтобы ты был. Чтобы ты приходил к нам. Ладно?

Лео хотел сказать, что этого никогда не будет, что он не хочет никого видеть, не желает... И вдруг задумался. Сын смотрел на него большими чистыми доверчивыми глазами. Лео был не в состоянии так прямо брякнуть ребенку, что он не может его проводить... Сказать это, глядя в детские невинные глаза... Нет, это невозможно, у него не повернется язык. Он не способен на такое. И, собственно, почему он не может приходить в дом к Карле? Почему?

Этот вопрос поставил самого Лео в тупик. Раньше он не задумывался над подобными проблемами — просто нет, и все! Но сейчас напротив него сидел ребенок, сын, родной и теплый, и смотрел на отца с надеждой и верой... Нанести своим ответом малышу удар? Убить эту веру и надежду?

Лео окончательно потерялся. И добрый, чуткий Антонио тотчас пришел ему на помощь.

— У тебя нет времени? Бабушка Деуза говорила... Тогда приходи хоть изредка, иногда, когда сумеешь... — Он встал, подошел к Лео и заглянул ему в лицо. — Папа, я буду тебя ждать!

В висках у Лео тревожно застучало. Папа... Какое далекое и странное слово, и оно обращено

именно к нему! Папа... Это он, это к нему, он — отец... Почему он так долго не признавал этого? Почему не желал ничего понять?

Перед глазами вдруг опять появилось зареванное, опухшее, страшное лицо Карлы. И Лео забеспокоился.

— Сынок, — сказал он, впервые в жизни с трудом выговаривая это слово, — сынок... А не поехать ли нам прямо сейчас к тебе домой? Ведь и мама, и бабушки, и дедушки — все там сейчас с ума сходят. Они ищут тебя с утра.

— Ура! — крикнул Антонио, подпрыгнув. — Поехали!

После похорон Далвы Шанди-два заболел. Никто и ничто не могло его развеселить, развлечь, рассмешить. Он плохо спал, кричал во сне, потерял всякий аппетит и только звал без конца любимую нянюшку и часто плакал, уткнувшись носом в подушку.

— Во всем виноваты мы, взрослые! — сказал вечером изнервничавшийся Леонидас жене. — Каждый из нас занимался собой и своими делами, мальчик интересовал всех лишь как игрушка, забава, развлечение! В детскую все ходили, чтобы отдохнуть от забот. Одна только Далва и была при нем постоянно, одна она любила его по-настоящему, как должно и нужно! Ты думаешь, дети

этого не понимают, не чувствуют? Они все прекрасно ощущают! И ребенок давно все понял и обо всем догадался. Он был нужен одной Далве, одной лишь ей! А что теперь?

— Ну, в общем-то, на сей раз ты прав, Львеночек, — нехотя согласилась Иветти, подавляя тяжелый вздох. — Во многом прав. Люди — большие эгоисты. И все мы не исключение. Увы! Но мне действительно сейчас очень жаль Шанди. Прямо нет сил на него смотреть. Не знаю, чем помочь...

— Вот-вот! — проворчал Леонидас. — Никто из нас ничего не знает! В этом вся беда. А как там Мел?

Иветти вновь тяжело вздохнула.

— Ну как... Неважно. Тоже еле-еле отходит от шока. А малыша пытаются выходить. У врачей еще не исчезла последняя надежда. Они спасали и не таких недоношенных. Я каждый день хожу к ним в клинику.

— Что за дом! — пробурчал Леонидас. — Я всегда говорил, что над нашим домом тяготеет рок.

— Но мы его обязательно одолеем, Львеночек! — уверенно заявила Иветти. Она по-прежнему не теряла своего оптимизма. — Неужели мы сдадимся и спасуем перед каким-то там роком? Да ну! Мы должны доказать, что сильнее его!

Леонидас скептически хмыкнул.

Несчастья действительно облюбовали дом Феррасов и прямо-таки прилипли к нему.

После смерти Далвы и событий, произошедших с Мел, совсем притихла и словно растворилась в своих комнатах наверху Жади, погрузился Лукас, замолчали болтливые служанки.

Лукаса терзала мысль, что Маиза ушла из жизни так страшно, так тяжело, а они даже не успели или не захотели помириться перед ее гибелью... Жади понимала его настроения и чувства и старалась его не трогать.

Дом притих, примолк, затаился.

Кадижа тоже сидела неслышно, как мышка, в своей комнате, жалея всех сразу: Далву, Лукаса, едва знакомую ей Маизу, мать и, конечно, больше всех Шанди.

Однажды девушка случайно наткнулась на него возле лестницы. Малыш, грустно нахохлившись, сидел на ступеньках, не отрывая глаз от дверей пустой теперь комнаты Далвы. Такой одинокий, сиротливый, несчастный!

Кадижа осторожно подошла к нему.

— Ты что здесь делаешь?

Он поднял на нее не по-детски тоскливые глаза.

— Вспоминаю Далвочку. Она была такая добрая, такая хорошая... — Шанди вытер кулачком глаза. — И ты мне, пожалуйста, не мешай!

Расстроенная Кадижа поплелась к себе.

Что только ни делали старшие, пытались привести мальчика в норму, вылечить, помочь ему! Каких только врачей не приглашали! Все было бесполезно. Малыш продолжал плакать и звать няню.

Донна Жура буквально сбилась с ног, тоже потеряла сон и покой, почти переселилась в дом Феррасов, стараясь вытащить малыша из беды, но все было напрасно. Посерел и осунулся Шанди-старший. Он тоже теперь приезжал к Феррасам часто, почти каждый день, но и его визиты никакого положительного результата не приносили.

Как-то в гости к Кадиже заглянул Дуда.

— Давно не показываешься, — заметил он. — Не болеешь?

Кадижа грустно покачала головой.

— Нет... У нас Далва умерла, и теперь малыш не может без нее жить.

— Угу! Все понятно, — пробурчал Дуда. — Так чего же ты сидишь сложа руки?

Кадижа пожала плечами.

— А что я должна делать?

— Как что? Идти к нему!

— Да там, знаешь, сколько каждый день взрослых? И без меня хватает!

— Ты не поняла! — терпеливо взялся объяснять ей Дуда. — Этих всех взрослых малыш давно знает как облупленных. Они и впрямь вряд ли

сумеют что-нибудь изменить. Он к ним привык и даже не очень им верит, раз так плохо у них все получается. А ты — человек для него новый, мало знакомый. К тебе у него может появиться просто любопытство. Попробуй стать ему новой няней, заменить ту, старую... У тебя, по-моему, должно выйти.

— Почему ты так думаешь? — удивилась Кадижа.

— Заодно и дело себе найдешь, а то совсем измаялась от безделья, — не отвечая на ее вопрос, отозвался Дуда.

Кадижа обдумала его совет, поразмышляла над ним, ничего не поняла, но все же решила попробовать. И наутро, улыбаясь, вошла в детскую.

Шанди только что проснулся и лежал тихо и неподвижно, как маленький старичок, у которого уже с утра болят ноги, сердце и голова. Он изумился, увидев Кадижу.

«Что ему сказать? — испугалась и забеспокоилась та, хотя с вечера заранее тщательно продумала план действий и даже обсудила его с Дудой. Тот все одобрил. Но теперь, волнуясь, Кадижа абсолютно все забыла. — Мы ведь это придумали вместе с Дудой... Что я должна говорить по нашему сценарию?!»

Малыш смотрел на нее недоуменно-вопросительно.

— Ты зачем ко мне пришла? — наконец спросил он.

Шанди припомнил эту девочку. Она не так давно появилась у них в доме, он ее видел. Но она никогда не приходила к нему, и кто она, он так и не разобрался.

— Я твоя новая няня, — не найдя ничего лучшего и не вспомнив правильного ответа, брякнула растерянная Кадижа. — Меня прислала к тебе Далва. Она ушла, ты ведь знаешь об этом, но просила меня ее заменить.

Она выпалила все это и сжалась от ужаса. Что она несет?! Какая-то чушь! Они с Дудой ничего подобного не планировали. Она должна была произнести совсем другие слова. Но какие?! Кадижа забыла все напрочь. Что теперь будет?

Но почему-то мальчик воспринял ее сообщение вполне серьезно и даже привстал.

— Далва? — переспросил он, и его глаза наполнились слезами. Они уже готовы были брызнуть, но тут Шанди снова вспомнил совет своей старой нянюшки. — Кыш, на место! Вас никто не звал! — крикнул он слезам, а когда они поспешно скрылись, пристыженные, встал и внимательно посмотрел на удивленную его репликами Кадижу. — А как тебя зовут?

Та ответила.

— Кадижа... — задумчиво повторил Шанди. — Знаешь, у меня вообще-то есть вторая няня, но она... — он замялся, — она тоже меня не любит. Она просто здесь работает... А куда делась мама?

Я спрашиваю всех о ней, а они твердят одно: «Скоро придет, скоро придет!» А когда будет это «скоро»?

Кадижа снова растерялась.

— Разве ты не знаешь, что у тебя родился брат?

И подумала: «Странно, что ему до сих пор об этом не рассказали».

— Брат? — изумился Шанди. — Какой брат?

— Ну, он еще пока совсем маленький... — Кадижа пристроилась рядом с кроваткой на стул.

Она вспомнила, как у нее самой появился брат, какой он был крохотный, смешной, совершенно беспомощный... Как его было жалко и как хотелось ему чем-то помочь, только она не знала, чем и как.

И все это Кадижа стала рассказывать малышу. Он слушал очень внимательно, а потом перебрался из кровати к ней на колени.

— Но твоя мама пока больна... То есть не больна, — поспешно исправилась Кадижа, заметив страх в глазах Шанди. — Просто женщине трудно бывает родить ребенка. Это нормально. Зато потом все будет хорошо, а у тебя появится новый друг — твой брат. Только он должен немножко подрасти...

— Я подожду, пока он будет побольше, — с готовностью сказал Шанди. — А сейчас давай я встану, оденусь, позавтракаю, и мы с тобой поедем к маме. Я хочу ее повидать. И маленького брата тоже. И помогать ему я тоже хочу.

Кадижа перепугалась вконец: что же она на-творила? Куда это можно ехать вместе с Шанди?.. Но на ее счастье, дверь отворилась, и вошла улыбающаяся Иветти. Вошла и застыла на пороге.

— Бабушка! — закричал радостно Шанди. — Что же ты не рассказала мне про брата? Мы с Кадижей сейчас поедem к нему! Я хочу его видеть! И маму тоже! Скорее давай завтракать!

Кадижа пугливо моргала, виновато глядя на Иветти.

— Молодец! Умница! — шепнула ей та. — Ничего, не дрожи так, поедem! Я договорюсь в клинике. Шанди туда пустят, ничего...

Назира в соседней комнате оживленно болтала по телефону с Зорайде. Та сообщала ей радостные вести: Антонио нашелся, Лео приехал вместе с ним к Карле, все счастливы.

Амим слушал разговор и рассеянно смотрел в окно. Прошло уже несколько дней после его приезда в Фес. Ну и что? Да ничего особенного! Тоскливый какой-то город, все та же Нескончаемая жара, бесконечная пыль, все те же неслышно скользящие по улицам женщины в паранджах, все тот же гомонящий рынок...

И ради всего этого он сюда ехал?! Смешно! Он, оказывается, наивный романтик. Но ведь и

мать, и отец, и дядя Саид, и тетя Назира, и Кадиджа — все твердили ему, что нет ничего на свете краше и лучше, чем этот город — Фес. И вот он в Фесе... Тьфу! Амим даже плюнул с досады. Пора брать билет на самолет и лететь обратно в Рио, домой. Там его город. Там его жизнь. И нечего больше здесь маяться дурью! Зачем он послушал родных? А впрочем, при чем тут они? Он сам сюда рвался. Какой-то самообман!

Тетка Назира ликующе щебетала в трубку. Неожиданно входная дверь отворилась, и вошла девушка. Обычная девушка, каких много. Нет! Таких мало. Таких нет вообще! Амим глянул на нее и притих.

Она осторожно проскользнула в комнату и посмотрела на юношу.

— Ты Амим, да?

Он кивнул, совершенно потрясенный.

— Да. А ты?

— А я Сумайя, племянница дяди Абдула.

Сумайя... Та самая, которую когда-то Жади спасла от противного жениха. Наверное, теперь у нее давно есть другой жених. Или даже муж. Ведь она старше Амима.

— Я давно не видела тетю Назиру, — продолжала девушка. — А как там поживают Жади и твоя мама? А Кадиджа и Самира? Мы когда-то так дружили...

Она вздохнула легко и трепетно о прошедшем времени и улыбнулась. Амим тотчас улыбнулся

в ответ. Да ей и нельзя было не ответить улыбкой.

— У них все хорошо. У всех... Самира ждет ребенка.

Сумайя вновь легко вздохнула.

— Молодец. А я все никак не найду себе мужа. Женихи, которых мне подбирают старшие, меня не устраивают, а сама... Ну, сам посуди, кого я могу найти самостоятельно, все время сидя дома? А здесь так просто на улицу одна не выйдешь.

Амим страшно обрадовался.

— Да, у вас тут какие-то драконовские законы. У нас все проще. Ты была в Рио?

Сумайя покачала головой.

— Никогда.

— А хочешь туда полететь?

Она не успела ответить, потому что вошла Назира.

— Как я рада тебя видеть! — закричала она с порога. — Какая ты стала красавица!

С Назирой трудно было не согласиться.

Амим не спускал с девушки глаз. Нет, все-таки неслучайно он так рвался в Фес! Неслучайно упоминал имя Сумайи. Да и вообще, **бывает** ли что-нибудь случайное на Земле? Все **не** так просто, как кажется...

Назира начала весело болтать с Сумайей, пересказывая ей все последние новости. Девушка слушала сосредоточенно и внимательно, изредка

кивая головой. Амим ничего не слышал да и не слушал: он просто сидел рядом и любовался своей новой знакомой.

Тетка, наконец, замолчала. Видимо, выложила все новости.

— Выходи за меня замуж! — неожиданно даже для себя выпал взволнованный Амим, воспользовавшись возникшей в разговоре паузой.

Сумайа растерянно заморгала. Тетка сразу набросилась на Амима:

— Ты что это себе позволяешь? Едва увидел девушку... И вообще здесь так не принято, это совсем другая страна, с другими порядками и законами!

— И слышать ничего не хочу про другие порядки! — закричал возбужденный Амим. У него словно помутилось в голове. — Порядок на Земле везде и всюду один и тот же: или люди любят друг друга, или нет! И никаких других порядков и законов!

Сумайа улыбнулась.

— А вообще-то ты прав... Только вот мои родные... И все так быстро! Ты чересчур торопишься. Давай немного подождем. Нельзя же так сразу.

— Я тоже мусульманин! — кричал Амим. — Но я живу в Рио! И учусь там. И мне придется довольно скоро туда возвращаться. А ты останешься здесь. Понимаешь, я уже любил одну женщину.

Она тоже была старше меня. Ну и что? Такая, видно, у меня судьба. Но она не любила меня. И теперь мне страшно, я боюсь потерять и тебя тоже. Ты такая... такая... Я не могу выразить словами... Это невозможно.

Сумайа смотрела в пол и улыбалась.

Назира не узнавала своего обычно хмурого замкнутого племянника. Что это с ним вдруг случилось? Что произошло?

— Амим, — попыталась она снова вмешаться и образумить его.

Но он не дал ей продолжать.

— За свое счастье и за свою любовь надо бороться! — внезапно заявил он.

Откуда он набрался этих истин? Назира схватилась за голову.

— Амим! — простонала она.

— И я теперь буду за них бороться! — продолжал племянник, не обращая на тетку ни малейшего внимания. — Я так решил! Мне нужна ты! — Он смело и прямо посмотрел на Сумайю. — Пусть это звучит глупо и дико! Пусть никто из вас не верит в любовь с первого взгляда!

— Почему никто не верит? Я верю, — тихо встала Сумайа.

Назира окончательно потеряла терпение. Это еще что за выверты? Чтобы девушка сама такое говорила, в таком признавалась?! И эта девушка, родившаяся и выросшая в Марокко, в мусульман-

ской семье?! Неслыханно! Нет, мир чудовищно изменился, и не в лучшую сторону...

— Да? Вот как? — обрадовался Амин. — Тогда мы пойдем друг друга. Ты ведь тоже, как я понял, одинока. У тебя нет здесь человека, который был бы тебе дорог и близок. Так ведь?

Сумайа кивнула, улыбаясь. Ей все больше и больше нравился этот искренний пылкий юноша, нежданно-негаданно свалившийся на ее голову. Но в жизни многое происходит абсолютно непредсказуемо, почти все.

— Ну вот. — Амин был страшно доволен и шел дальше напролом: — Конечно, я понимаю, так быстро ничего не делается! Давай начнем с тобой переписываться и перезваниваться. А потом ты приедешь к нам в гости, тебя ведь хорошо помнят мои родные. Приедешь?

— Обязательно, — снова улыбнулась Сумайа. — Я давно мечтаю посмотреть Рио.

— Здорово! — воскликнул сияющий Амин. — Тебе там понравится, я уверен! А я скоро заканчиваю учебу. Знаешь, кем я буду? Химиком! Мы будем жить хорошо, дружно. И у нас будет много детей... — Он внезапно смутился, замолчал и отвел глаза.

— Ты сумасшедший! — объявила негодующая Назира. — Все расскажу отцу!

— Да я сам ему все расскажу! — махнул рукой ликующий Амин. — Приеду в Рио — и расскажу.

— Обязательно, — вдруг отозвалась тихо Сумайа. — Это я насчет детей...

Назира потеряла дар речи от возмущения.

Они вошли в дом, крепко держась за руки, — отец и сын, Лео и Антонио.

— Сыночек! — закричала Карла и зарыдала с удвоенной силой. На сей раз от счастья. — Как ты его нашел, Лео? Спасибо тебе! — Она плакала и обнимала сына. — Мама, звони скорее бабушке Деузе! Она там сходит с ума и без конца звонит в полицию!

— Чего теперь-то реветь? — недовольно сказал Антонио. Он, как истый мужчина, не выносил слез. — Я нашелся, вот он я!

— Да, да! — продолжала заливаться слезами Карла. — Вот он ты... Где же ты был?

— Я искал папу! — торжественно сообщил мальчик. — И нашел его!

Карла сразу притихла, ее слезы моментально, как по мановению волшебной палочки, высохли. Смущенный Лео растерянно переминался с ноги на ногу.

— И теперь папа будет к нам приходить! Правда? Антонио строго взглянул на отца. Тот кивнул. Карла не верила своим глазам и ушам.

— Приходить?... К нам?... Это хорошо, — недоверчиво протянула она.

Она боялась поверить во внезапные превращения Лео. Одетти тоже улыбалась ядовито и насмешливо. Но рядом с ней Лео увидел отца. Аугусто сиял.

— Лео, — пробормотал он, — как я рад, что все так получилось... Дети, они часто мудрее взрослых. Их нередко направляет неведомая нам интуиция, дарованная им свыше. С возрастом мы теряем ее, увы... Я всегда верил и надеялся, что все изменится к лучшему. И вот мои мечты сбылись... Вообще без такой веры нельзя жить на свете...

— Садись! Что же ты стоишь? — засуетилась наконец опомнившаяся Карла. — Будем ужинать. Надо еще обрадовать всех остальных!

— Эдне, Али и Матиолли позвонит Деуза, — сказал профессор. — И вообще, думаю, они все сейчас сюда примчатся.

Доктор не ошибся. Через полчаса влетела сияющая Деуза, а следом за ней приехали Али и Зорайде. И начался общий ужин, скорее напоминающий небольшой семейный пир.

Во главе стола восседал радостный Антонио. Он размышлял о том, как просто оказалось всех примирить. Надо было только взяться за это дело именно ему. Взрослые такие недогадливые и так всего боятся!

Албиери сидел рядом с Али. Ученый внимательно взглянул в лицо старого товарища, и оно

ему не слишком понравилось. Доктор упрекнул себя, что из-за всех этих событий — исчезновения Жади и Кадижи, поступков и болезни Лео, пропажи Антонио — он даже не заметил, как плохо выглядит его лучший друг.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил профессор и мгновенно поймал на себе тревожный взгляд Зорайде.

— Все в воле Аллаха! — ушел от ответа Али.

Аугусто понял, что от него ничего не добьешься, и после ужина отозвал в сторону Зорайде.

— Что происходит с Али? — прямо спросил он.

Зорайде тихо заплакала, поспешно вытирая слезы и стараясь, чтобы их никто не увидел.

— Ему плохо... Это началось не так давно... Он скрывает свою болезнь от всех, и от меня тоже. Но я-то вижу, что у него что-то болит. И очень сильно. Он не спит ночами, мучается.

— А он обращался к врачам?

Зорайде печально покачала головой и обреченно махнула рукой:

— Да где там... Я настаивала на этом, но он постоянно отказывается наотрез.

— Тогда этим займусь я! — решительно пообещал доктор.

Соппротивление Али удалось сломать с великим трудом, только с помощью Зорайде, Жади и Латиффы, которые вместе, дружно, стали тре-

бовать от мужа и дяди обследоваться у медиков. Али пришлось сдаться под давлением трех женщин.

Албиери устроил его в отличную клинику, но первые же результаты обследований и анализы повергли доктора в уныние. У его друга обнаружили рак желудка, и это было уже не подозрение, в этом были почти уверены.

Профессор осторожно, с трудом подбирая слова, рассказал кое-что Зорайде и Али.

— Нужна немедленная операция! — подытожил он.

Зорайде тотчас с готовностью кивнула.

— Все в воле Аллаха! — привычно отозвался невозмутимый Али.

— Ну, конечно, — проворчал ученый. — Но у Него свои дела, а у врачей — свои. И пусть каждый из нас занимается своим делом!

Операция прошла успешно, и очень скоро слабый, но явно выздоравливающий Али начал передвигаться по палате, опираясь на руку преданной Зорайде.

Племянницы прибегали каждый день, заглядывала Кадижа, которая сейчас была целиком занята маленьким Шанди, заходили Лукас, Мохаммед и даже Саид. Появлялся Амим, вернувшийся из Марокко. Часто навещала старика Деуза и, сияя, рассказывала, как понемногу нала-

живается жизнь Лео и Карлы, и как доволен Антонио.

— Я никогда не думала, что наша жизнь может вдруг так измениться к лучшему! — часто повторяла Деуза. — И не верила в это!

— Все в воле Аллаха! — твердил Али.

И он, конечно, был прав.

16

Сесеу выслушал жену очень внимательно, не перебивая.

— Я знал, что этим кончится! — заявил он. — Нанду доигрался! Да и какого другого результата можно было ждать?

Подавленная Рания быстро-быстро закивала, соглашаясь с мужем. Но судьба Нанду ее не сильно волновала. Намного больше ее тревожило будущее сестры.

— А... как теперь быть... что делать сейчас Амине? — неуверенно спросила она. — Ты не посоветуешь? Не поможешь?

Сесеу тяжело вздохнул.

— Вляпалась она в историю, не позавидуешь... Значит, ты ей нашла квартиру рядом с нами? Это разумно. Но дальше...

Он призадумался. Рания робко и терпеливо ждала.

— А что она хочет? Уехать или остаться здесь, в Америке?

— Можно, я ее позову? — скороговоркой с надеждой спросила Рания. — Пусть она все тебе

расскажет сама. В последний раз, когда мы с ней говорили, она была прямо сама не своя. Никак не может прийти в себя. Так что ты не очень удивляйся и не пугайся, когда увидишь ее: Амина очень изменилась.

— Несчастье связаться с таким человеком, как Нанду, — пробурчал Сесеу. — Да, кстати... — он слегка замялся, — мне вдруг совершенно неожиданно позвонила Телминья...

Краска бросилась в лицо Рании. Конечно, муж многое скрывал от нее, таил многие подробности своей жизни, но Рания все равно чутко догадывалась, как относятся к ней родные Сесеу. Они ведь практически отвергли ее, не пожелали с ней общаться, равно как и с самим сыном после его женитьбы. Да, Рания все это отлично знала, но молчала. Да и что ей было говорить? В чем обвинять не знакомых ей людей?

Рания даже пробовала поставить себя на их место и с грустью думала, что и она сама в подобном случае поступила бы, наверное, точно так же. С одной стороны, сын, а с другой — женщина другой веры, из чужой страны, да еще и с малым ребенком! Бегство от мужа, прямо-таки похищение... Действительно, какой-то ужас... Ну как еще могли отреагировать родители и сестра Сесеу? Они ведь любят его.

Да, Рания все прекрасно понимала, только это ее понимание не приносило никакого облегчения.

На душе постоянно оставался горький осадок. И вот теперь этот неожиданный звонок Телминьи. Что это значит? Означает ли это, что они помирятся, что Рания войдет в семью Сесеу ее полноправным законным членом? Что они вернутся в Бразилию и будут жить одним домом? А как же Саид?

Рания вспомнила о нем и помрачнела. Да, Саид... Рания не писала ему и не звонила. Зачем? Лучше сразу оборвать все связывавшие их когда-то ниточки. Сын? Да, сын... Но сейчас это уже практически сын Сесеу.

Сесеу сейчас внимательно наблюдал за женой, довольно точно читая все ее мысли. Он и сам пока четко не понимал смысла звонка сестры, но он явно сулил какие-то изменения. И, безусловно, хорошие. А Саид... Ну что — Саид? Он тоже живет в Рио, особенно не интересуясь судьбой сына и сбежавшей жены, не задумываясь об их настоящем и будущем. У него, очевидно, своя жизнь, и пусть она будет счастливой! Сесеу старался никогда никому не желать зла, это было противно его душе.

Но Нанду... Сесеу вспомнил, как долго и крепко они дружили, как когда-то делили на двоих все свои беды и радости, как перезванивались каждый день, как часто виделись. Все стало ломаться, обрываться, искажаться с того дня, когда Нанду впервые попробовал наркотик. Новое

опасное развлечение стало быстро затягивать. И все — дальше их пути-дороги разошлись, хотя они еще какое-то время продолжали встречаться и пытались поддерживать прежние отношения. Тщетно. Ничего из этого не получилось. Зря они так старались, хотя в основном старался один лишь Сесеу. Нанду уже жил по инерции. Потом еще на какое-то короткое время их соединили сестры. Сесеу тогда опять понадеялся на лучшее и вновь жестоко обманулся. Думал, что любовь способна изменить Нанду, что он недавно лечился в клинике и это принесет свои результаты... Но ничто и никто не мог уже изменить Нанду: ни врачи, ни лекарства, ни любимая женщина. Никто и ничто.

— Хорошо, зови сестру, — задумчиво сказал Сесеу. — Будем искать выход вместе.

Обрадованная Рания бросилась звонить Амине.

Ребенок Мел, ее второй сын, родился недоношенным, и врачи прилагали все усилия, чтобы его выходить. Малыша оставили в клинике, а Мел выписали домой. Но сначала ее неожиданно навестили Шанди-два с Кадижей и Иветти.

Конечно, никто из родных не рассказывал Мел о несчастье с Шанди. Эту печальную тайну свято берегли от нее, разумно опасаясь потревожить ее лишний раз.

— Не знаю только, что мы будем делать, когда ее выпишут, — ворчал Леонидас. — Она увидит несчастного больного старшего сына и заболеет сама. Нет, все-таки насколько проклятый рок привязался к нашему дому!

— Ничего, Львеночек, — как всегда весело отвечала Иветти. — К тому времени, когда ее выпишут, что-нибудь да изменится.

И она снова оказалась права: Кадиже удалось переломить ситуацию.

Увидев мать, счастливый Шанди сразу метнулся к ней.

— Я хочу посмотреть на брата! — закричал он. — Мне вообще почему-то о нем ничего не говорили! Только вот она. — Мальчик ласково глянул на Кадижу. — Она мне и рассказала о нем! Это знаешь кто? Это моя новая няня! Ее прислала Далва!

Мел очень удивилась, но, вопросительно посмотрев на Иветти, высказывать своего замешательства благоразумно не стала. Иветти улыбалась ей и кивала, словно призывая просто соглашаться с сыном. И Мел правильно поняла этот молчаливый совет.

— На брата? — повторила Мел. — Я думаю, это можно будет сделать. — Она снова покосилась на верного советчика Иветти. Та опять весело закивала. — Вот, бабушка Иветти все устроит и поможет. Она тебя и отведет к брату. Да?

Иветти ласково просияла в ответ.

— И Кадижа пойдет с нами! — быстро сказал Шанди. — Она теперь всюду будет ходить со мной!

Мел и Иветти одновременно посмотрели на девочку.

«Интересно, — подумала Мел, — как это все так получилось?.. Но Шанди прямо-таки счастлив, значит, все в порядке».

«Непонятно, как это все вышло с Кадижей, — размышляла Иветти. Девочка не призналась ей, что это была идея Дуды. — Но все сложилось на редкость удачно. Никто даже не ожидал этого. Никто, кроме меня. Я всегда верила и говорила, что у нас все будет отлично! Так и случилось, по моему утверждению! А глупый Львеночек еще пытался надо мной иронизировать!»

Кадижа тихо сидела в уголке и слушала. Она чувствовала себя победительницей. Наконец-то ей удалось найти свое дело. С этим малышом, которого она раньше, несмотря на то, что жила с ним в одном доме, толком даже не знала, Кадижа пришла в равновесие. Ей было с ним интересно, ее тянуло к нему, нравилось ощущать себя его Защитницей, именно той, которая пришла и спасла его от беды, избавила от болезни, от тяжелых страданий и слез. Ей очень нравилась ее новая и неожиданная роль.

Конечно, Шанди не перестал вспоминать Далву, продолжая грустить о ней, но эта его грусть

приобрела другие краски, перестала давить на него, его терзать и мучить. Печаль стала светлой, превратившись в память, в вечную память маленького человека о той, которая его любила по-настоящему.

Шанди много и подолгу рассказывал теперь Кадиже о Далве, но не плакал. Он изливал ей свою исстрадавшуюся душу, тоскующую по любви, и Кадижа его очень хорошо понимала, потому что точно такое чувство испытала когда-то сама. Это случилось в тот момент, когда отец, казалось, примирился с Ранией и стал любить новорожденного сына, а мать привязалась к Лукасу крепче прежнего. Сейчас Кадижа прекрасно понимала, что тогда только казалась себе брошенной всеми, на самом деле никто не переставал ее любить. Но то острое болезненное чувство неприкаянности, забытости буквально всеми запомнила навсегда. Оно в то время жестоко ранило ее точно так же, как совсем недавно — Шанди. И это очень сблизило их.

Да плюс к тому Кадижа еще очень хорошо помнила свое детство, была к нему намного ближе, чем все остальные в доме Феррасов, и это тоже помогло ей понять Шанди лучше других.

Он жаловался ей, что мама и папа любят его мало. Кадижа возражала, объясняя мальчику, что это не так, что так ему только кажется, как казалось и ей когда-то. Она в свою очередь рассказывала ему о своем детстве в далекой, жаркой и красивой стра-

не Марокко, о своей семье и ее сложностях, ничего не утаивая от него. Она держалась с мальчиком на равных, и он сразу оценил это и признал ее бесспорное право на наставничество. Шанди слушал Кадижу, затаив дыхание, а едва она, устав, замолкала, просил:

— Рассказывай дальше! Это так интересно!

Позвонил Дуда справиться, как дела. И Кадижа с законной гордостью поведала ему о своих успехах в роли няни и воспитательницы.

— Правда, я не очень пока научилась помогать ему есть и справляться со шнурками, он еще далеко не все умеет, — призналась она. — Но главного я добилась: мы хорошо понимаем и любим друг друга. И знаешь, это произошло так легко и быстро, что я сама страшно удивилась.

— Замечательно, — одобрил тоже очень довольный Дуда. — А то ты без конца ныла да капризничала, что тебе нечем заняться! Хотя твое призвание, как оказалось, не надо было далеко искать. Дело нашлось у тебя под самым носом, в твоём же собственном доме. Надо было только оглядеться повнимательнее вокруг, и все! Да, вот еще какой из всего этого следует вывод: тебе нужно стать педагогом! Как ваша Мел. А еще иметь много детей. Ну, за этим у нас дело не стоит! Заведем!

Смушенная Кадижа растерянно молчала. Каких еще детей? О чем это он?

— Что ты молчишь? — строго поинтересовался Дуда. — Язык проглотила от счастья? Или я непонятно тебе все объяснил?

— Непонятно, — с трудом придя в себя, пролепетала наконец Кадижа. — Кто это собирается заводить много детей?

— Я! — заявил Дуда. — С тобой! Ну и бестолковая ты! Не понимаешь самых простых вещей! Мне самому сказать твоим родителям о нашей предстоящей свадьбе или ты возьмешь сию обязанность на себя?

— Подожди... Какая свадьба? — прошептала совершенно смешавшаяся Кадижа.

— Обыкновенная! С гостями и подарками! Шумная и торжественная! Ты что, совсем тупая? Ну и жену я себе подобрал! Ладно, сам виноват, сам буду и отвечать перед собой. Так как же с нашим сообщением твоим родителям? Своим я уже все выложил, они ничего не имеют против.

Кадижа совсем лишилась дара речи.

— Когда вновь заговоришь, позвони, — сказал Дуда, устав прижимать к уху безмолвную трубку. — Буду ждать, привет!

Кадижа тотчас бросилась к матери.

— Мама! — закричала она с порога. — Дуда сделал мне предложение! Он собирается на мне жениться!

Жади давно подсознательно ждала этого момента, но все равно ее сердце внезапно дрогну-

ло. Замуж? Ее маленькая девочка, ее теплый родной комочек — и замуж?! Да не может этого быть!

Глаза Кадижи горели от возбуждения.

— Он уже переговорил со своими родителями! Они согласны! Ты ведь тоже не возражаешь, правда? Так я ему сейчас все скажу!

И Кадижа уже собиралась, не дожидаясь ответа, вылететь из комнаты.

— Постой! — попрердержала ее Жади. — А отец? Ты не хочешь поговорить с ним?

Дочь остановилась и призадумалась, склонив голову набок.

— С отцом? Да, ты права... Наверное, надо... Я ему позвоню! — Она выскочила прочь.

Жади смотрела дочери вслед с задумчивой и грустной улыбкой.

Амим названивал из Рио своей новой знакомой чуть ли не ежедневно.

— Ты сначала заработай на эти переговоры, а потом уже трезвонь! — сурово выговорила ему сестра.

Он отмахнулся. Его вновь интересовал лишь один человек на свете, его новая любовь. Теперь Карлу заменила Сумайа.

Латиффа и Мохаммед обрадовались чудесному излечению сына.

— Только бы у него опять не сорвалось! — часто бормотала Латиффа. — Только бы все получилось... Второго несчастья ему не пережить.

О себе она умалчивала.

Родители закрыли глаза и на возраст невесты, и на столь скоропалительное решение Амима. Им было важно одно: чтобы сын пришел в себя, ожил, начал по-настоящему улыбаться и смеяться. И это, наконец, произошло! Чего же еще им желать?

Самира неожиданно родила близнецов, двух горластых смуглых мальчишек, совершенно пленивших ошеломленного своим невиданным счастьем Зе Роберту. Он ходил с блуждающей улыбкой помешанного и всем без конца рассказывал о своих детях.

— Твой муж совсем сошел с ума от восторга! — ехидно доложил сестре Амим. — Как ты теперь будешь с ним жить?

— Не твоя забота! — не осталась в долгу Самира. — Я вот, например, все время удивляюсь, что это нашла в тебе моя подружка Сумайа! Надо бы ее порасспросить хорошенько.

На самом деле она тоже ликовала оттого, что брат нашел себе девушку по вкусу, и как раз такую, которая устраивала всю их семью. Лучше выбора и не сделаешь.

Радостная Латиффа хлопотала возле внуков, помогая дочери. Взяли двух нянь, но забот хватало

всем: мальчишки оказались на редкость беспокойными и голосистыми.

В дом возвращались счастье и покой.

Срочно примчалась из Феса неутомонная и, кажется, совершенно не стареющая Назира, и заявила, что тоже будет нянчиться с малышами.

— Но тут уже хватит рук! — сказала ей несколько растерянная ее рвением Латиффа.

Конечно, с течением времени женщинам удалось примириться, но тень былого недоверия и сложных отношений все равно осталась, поэтому Латиффа предпочла бы обойтись без помощи сестры мужа.

— Ерунда! — с видом многоопытной женщины заявила Назира. — Когда в доме сразу двое маленьких детей, рук не может быть достаточно!

— Правильно! — неожиданно поддержал любимую тетку Амим. — Ты уж больше не уезжай в этот свой драгоценный Фес! А то скоро прилетит Сумайа, мы поженимся, и тогда ты будешь помогать нянчить детей нам. А мальчишки Самиры к тому времени уже подрастут.

— Молодец! — обрадовалась Назира, хотя еще совсем недавно утверждала, что племянник сошел с ума и совершенно ничего не соображает. — Буду вам всем помогать! Это теперь мое главное и единственное предназначение на Земле!

Она легко вздохнула о потерянных возможностях, почти смирившись со своей жизнью. О, Аллаха, помоги!

Амим хитро прищурился.

— А еще замуж выходит Кадижа. За этого своего Дуду. Так что тебе, тетя, работы здесь хватит!

Латиффа и Назира дружно засмеялись.

— Вы сговорились все, что ли?

Амим покачал головой:

— Нет, зачем? Все получилось случайно, по вдохновению.

— По воле Аллаха, как сейчас сказал бы дядя Али, — добавила Латиффа. — А как он там?

Назира вздохнула.

— Ну, в общем-то, ничего. Хотя очень еще слабый. Зорайде не отходит от него ни на шаг, это его спасение и надежда.

Она снова вздохнула, вспомнив, как когда-то давно мечтала выйти замуж за Али... Хотела найти мужа, создать семью... Все ее мечты рассеялись, как горячий песчаный вихрь над пустыней. Так решил Аллах, все в Его воле.

— А Саид знает, что Кадижа выходит замуж? — спросила Назира.

Амим пожал плечами.

— Я не в курсе. Надо спросить его самого.

Мел вернулась домой из больницы. Педрињу был с ней ласков, взял на себя на время немало работ по дому, нашел симпатичную старательную служанку. Часто забегала Моника. Но Мел словно

чего-то недоставало, чего-то не хватало, и она сама не понимала, чего именно.

Почему-то с каждым днем росла ее тревога за малыша, который, хотя и находился в хорошей клинике под неусыпным контролем медиков, все равно оставался еще очень слабеньким, рос плоховато, и врачи боялись отдать его домой.

— Ничего страшного, — утешала подругу Моника. — Недоношенных детей полным-полно! Их теперь научились выхаживать запросто. Только тебе надо набраться терпения и подождать.

Но Мел с каждым днем ощущала свое одиночество все острее, постоянно тосковала и грустила все больше. От Шанди-два ее поневоле оторвало новое замужество и переезд в другой дом. Она думала, что рождение второго ребенка внесет в ее жизнь много новых перемен к лучшему. Но ничего подобного не случилось. Педрињу был вроде бы рад рождению сына, но на самом деле остался глубоко равнодушным, спрашивал о нем вскользь, как бы между делом, совсем не переживал за его жизнь, что глубоко оскорбляло и пугало Мел. Отец из него явно вышел неважный. Даже Лобату, дед, и тот обрадовался намного больше появлению внука и ликовал много дней, однажды даже напившись на радостях, отчего Моника переполошилась, припомнив прежнее пристрастие отца.

Прибавились и новые волнения: Мел внезапно самым глупым образом стала ревновать старшего сына к Кадиже.

«Что нужно этой паршивой девчонке? — злобно думала она. — Что это она к нему так привязалась? Свалилась на мою голову, чуть ли не отобрала у меня ребенка...»

И некому было объяснить неразумной Мел, что Кадижа спасла Шанди от большой беды, от отчаяния, подарила ему новую настоящую любовь...

Правда, Иветти сделала однажды попытку объяснить это Мел, но та ее сразу гневно прервала, заявив, что не желает ничего слышать про Кадижу.

— Да, тебе сильно досталось за последнее время, — сочувственно отозвалась Иветти. — Но все-таки к этой девочке ты очень несправедлива. Без нее неизвестно, что могло бы случиться с твоим сыном.

— Да ничего бы с ним не случилось! — крикнула Мел. Она продолжала упорно не верить в серьезность недавнего состояния Шанди. — Поплакал бы, поплакал и перестал!

Иветти поняла тщетность дальнейших разговоров и бесполезность любых дискуссий и объяснений и замолчала. Тратить свои силы бессмысленно она не любила.

В тот несчастный день измученная, исхудавшая Мел приехала утром в клинику проводить младше-

го сына. Врачи, как всегда, утешили и обнадежили ее, однако просили еще немного подождать, прежде чем забирать малыша домой: он еще очень слаб и нуждается в ежедневном медицинском уходе.

Мел все это выслушала в очередной раз, печально кивая, как марионетка, села за руль и поехала проведать Шанди. Мальчик встретил ее, на первый взгляд, радостно, но Мел тотчас уловила оттенок равнодушия: ребенок чересчур увлеченно играл с Кадижей.

Взбешенная, еле сдерживающая себя Мел вышла из детской, нервно сжимая пальцы, и наткнулась на своего первого мужа. Оба машинально рванулись друг к другу и остановились.

— Здравствуй, — растерянно прошептала Мел.

— Здравствуй, — отозвался Шанди-старший. — Давно тебя не видел...

Мел подняла на него усталые, тоскующие глаза.

— Да, мы как-то очень редко встречаемся.

Оба помолчали. Наверху показалась Иветти, но, заметив их, сразу неслышно растворилась в одной из комнат.

— Как твой малыш? — спокойно спросил Шанди.

Мел безнадежно махнула рукой.

— Говорят, что все будет в порядке, но никак не отдают домой, и я просто уже ничего не понимаю.

— Я съезжу завтра и поговорю с врачами, — сказал Шанди. — Я знаю там одного педиатра.

Спасал ему несколько раз его старую больную таксу. Он ее обожает.

Глаза Мел засветились благодарностью. Подступили слезы. Она в который раз вспомнила, что Педринью, родной отец, ездил в клинику только к ней, а к сыну — всего один раз, да и то вместе с Моникой.

— Спасибо, — тихо сказала Мел. — А как твои дела?

— Да все в порядке. Работаю, лечу собак, кошек и птиц. Иногда привозят пони. А однажды старичок притащил крокодила. Тоже старого и очень больного.

Мел улыбнулась.

— А как там Дора?

Задав этот вопрос, она внезапно очень смутилась. Слова точно сами сорвались с ее языка.

Шанди хладнокровно пожал плечами, даже не удивившись.

— С Дорой мы расстались довольно давно. Теперь просто вместе работаем. А почему тебя это интересует?

Он рассматривал Мел в упор, чуточку насмешливо, и откровенно ею любясь, хотя Мел прекрасно знала, как ужасно, попросту отвратительно она сейчас выглядит после всего, что с ней случилось.

— Мама... — начала она, пытаясь уйти от ответа.

— Я знаю, — прервал ее Шанди. — Я в курсе всех твоих несчастий. Тебе не повезло. Досталось по полной, не позавидуешь. Но все наши беды все равно проходят. Главное — не заикливаться на них и найти себе занятие, чтобы отвлечься.

— Шанди... — снова начала Мел, и опять бывший муж ее перебил:

— Мы с тобой словно бросили сына, забыли о нем, хотя довольно часто навещали. Мы виноваты во многом: и ты, и я. Но ошибки никогда не поздно исправить.

Он испытующе глядел на нее, будто ждал какого-то определенного, необходимого ему ответа. Какого? Мел растерялась еще больше.

— Ты счастлива? — вдруг прямо спросил Шанди. — Мне что-то кажется, что не очень...

Мел отвела расстроенные глаза.

— Ты угадал, — с трудом призналась она. — Это еще одна моя ошибка...

— Которую еще не поздно исправить, — закончил за нее фразу Шанди. — Правильно? Послушай, Мел, мы оба напортачили в своей жизни будь здоров: и я, и ты. Мы оба во многом виноваты. Я часто думал об этом... И о тебе. И о нашем сыне... Давай попробуем вернуться к старому. Попробуем снова жить вместе. Этот твой Педринью легко расстанется с тобой и даст тебе развод. Ты ему не нужна. Прости, но это правда.

Мел молчала, пристально изучая стену напротив. По щекам катились слезы.

— А у меня зато будет сразу два сына, — неожиданно весело закончил Шанди. — Я всегда мечтал о втором. Как ты его, кстати, назвала?

Мел заплакала навзрыд, уже не сдерживаясь, и уткнулась лбом в плечо Шанди.

Сверху выглянула Иветти, посмотрела на бывших супругов и вновь скрылась, очень довольная.

Сесеу позвонил сестре в Рио. Телминья явно обрадовалась, услышав его голос.

— Привет, братец! Чем развлечешь?

— Привет, сестрица! — в тон ей отозвался Сесеу. — У меня к тебе большая просьба. Нужно помочь Амине, сестре Рании.

Когда он все изложил Телминье, та поскуцнела.

— Да нет, я не отказываюсь, — сказала она. — Но, согласись, эта задачка непростая. Устроить в Рио женщину без всякого образования, практически ничего не умеющую делать... Да еще связанную с торговлей наркотиками...

— Это все в прошлом, — терпеливо начал объяснять Сесеу. — И докладывать об этом никому не нужно. Но оставаться здесь ей нельзя, да и пристроить ее в Нью-Йорке к делу я не сумею. Я тут тоже чужак, часто гастролирую, Рания сидит дома. Чем мы можем ей помочь?

— А я чем? — воскликнула Телминья.

— Ну, хотя бы пристрой ее в свой магазин. Пусть учится торговать.

Телминья открыла в Рио небольшой обувной магазинчик.

— Мне сейчас не нужны продавцы, — заявила она. — Ну ладно, я что-нибудь придумаю. Только для тебя, братец. Присылай эту свою Амину, я встречу ее и найду ей квартиру. Дальше разберемся на месте, по обстоятельствам.

— Спасибо, — благодарно отозвался Сесеу. — Я всегда знал, что ты прелесть и умница!

— Фу, какая грубая лесть! — со смехом закричала Телминья. — Кланяйся своей жене! Как там ее... — Она прекрасно помнила имя Рании. — А ты не собираешься в Бразилию?

— Разве что на гастроли в родную страну! — засмеялся Сесеу.

— Это не ответ! — обиделась Телминья. — Хотелось бы увидеться...

Сесеу посерьезнел.

— Тебе действительно этого хочется? А родителям?

— И им тоже, — отозвалась сестра. — Мы немало говорили с ними о тебе. Обсуждали все случившееся. И пришли к общему мнению, что были неправы... Это заключение далось нам всем непросто. Но когда приняли наконец решение, то очень обрадовались. После твоего отъезда мы все стали

тосковать, каждый поодиночке, усиленно скрывая это от других. Но потом все равно все все заметили, этого ведь надолго не спрячешь... Ну, и поняли, что живем, как страусы, пытаюсь спрятать головы в песок. Но сколько так проживешь? Надо меняться. Так что ты уж нас прости, братец...

— Спасибо тебе, — изменившимся, слегка охрипшим от волнения голосом ответил Сесеу. — Огромное спасибо! Если бы ты могла себе только представить, как я обрадовался твоему первому звонку! И как хотел, чтобы он стал не единственным!

— Ладно, я тоже рада, — пробормотала Телминья, стараясь скрыть охватившее ее волнение. — Все отлично... Ты позвони родителям, они очень ждут этого.

Так, с легкой руки Сесеу, Амина улетела назад в Рио. Нужно было начинать новую жизнь, опять в Бразилии, привыкать к самостоятельности и своему иному положению, учиться работать, а не перевозить наркотики.

Телминья выполнила свое обещание. Она сняла для Амины неплохую, очень недорогую квартиру и подыскала работу в соседнем с домом магазинчике, где хозяйкой была ее знакомая. Так что Амина начала все заново.

Приходилось ей, конечно, поначалу нелегко.

Ни к чему не приученная, разве что к курьерской роли, которая казалась ей опасным развлечением, будоражащим кровь, Амина с трудом привыкала к обыкновенному труду, училась улыбаться покупателям, угождать им, исполнять их желания и требования и при этом всегда оставаться вежливой, выдержанной, приветливой. Давалось это все нелегко. Нередко Амина, закусив губу, последним усилием воли удерживала в себе вспышку гнева, не позволяя себе резко ответить очередной капризной покупательнице. Амина слишком хорошо понимала, что помочь ей в Рио, кроме Телминьи, некому, а та, если услышит о выкрутасах и плохом характере Амины, вправе возмутиться и пожаловаться брату. А тогда... Нет, Амина старалась даже не думать о том, что может произойти тогда.

О Нанду она постаралась забыть и даже не пробовала ничего узнавать о его судьбе. Правда, добросердечная и любящая сестру Рания предложила свою помощь: можно было попробовать разведать о Нанду в полиции или еще где-нибудь. Но Амина наотрез отказалась.

— Не подставляй себя и свою семью, — сказала она позвонившей ей сестре. — Зачем рисковать собой, ребенком и мужем? У вас сейчас все наладилось, так хорошо устроилось. А Нанду... Он уже сыграл свою роль, сделал все, что умел и хотел,

его будущее меня больше не беспокоит и насколько не занимает, хотя, наверное, это выглядит бессердечно с моей стороны. Но мне все равно. Ты лучше занимайся Саидом и Сесеу. Не хочешь родить им еще одного малыша?

Рания странно замялась.

— Как ты угадала? — смущенно проговорила она.

— А что тут сложного? — невесело засмеялась Амина. — Я рада, что хотя бы у тебя хорошо сложилась жизнь, что хоть тебе из нас двоих повезло. Но должна признаться, что одно время страшно тебе завидовала и даже тебя ненавидела. Но это все давно в прошлом, поэтому и рассказываю тебе. Я сумела объяснить самой себе, что во всем виновата сама. И расплачиваюсь за свои грехи...

— Аллах милостив и справедлив, — откликнулась растроганная Рания. — Я люблю тебя, сестренка!

— А я тебя, — ласково ответила Амина.

Кадижа позвонила отцу. Он очень обрадовался, услышав ее голос.

— Ну наконец-то! Ты так давно не звонила мне.

— Ты тоже, — вполне справедливо заметила Кадижа. — Хотя я понимаю, тебе звонить сюда не слишком хочется, как-то не тянет... Но ведь есть мобильник.

— Есть, — согласился Саид. — Только он у тебя довольно часто блокирован, не замечала? У тебя все в порядке?

— Все! — выпалила Кадижа. — И даже больше, чем ты можешь предположить.

Саид насторожился:

— А в чем дело?

— Я приеду к тебе и все расскажу! Можно прямо сегодня?

— Конечно! Буду тебя ждать.

Вечером Саид постарался уехать из офиса пораньше. Служанка уже все приготовила по его просьбе, стол был накрыт, посередине темнела бутылка вина.

Саид опустился в кресло и усмехнулся. Как все-таки сильно меняет человека жизнь в чужой стране! Еще несколько лет назад ему бы в голову не пришло поставить на стол вино в ожидании дочери, а если бы вдруг случайно его навестила подобная мысль, то он бы поразился своему кощунству и нравственному падению, ужаснулся бы сам себе. А теперь... Теперь это у него запросто. Хотя Кади-же всего-навсего восемнадцать лет.

Саид тяжело задумался. Надо же, как быстро они промелькнули, как стремительно пробежали, эти восемнадцать лет! Кажется, совсем недавно она родилась, его любимая дочка, его крошечная девочка... И вот, пожалуйста, — взрослая, красивая, с какими-то тайнами, которыми она хочет поделиться с отцом. И это очень хорошо! Значит, Кадижа не забыла его, не вычеркнула напрочь из своей жизни, не отказалась от отца. А он так боялся этого! Выросшие дети всегда уходят в свою жизнь — это закон. А дочь — тем более. Выйдет замуж, заведет детей...

Саид вновь усмехнулся. Замуж... А почему бы и нет? Девушке уже восемнадцать, на востоке выйдут замуж и раньше.

Кадижа примчалась возбужденная и красная.

— Папа! — взволнованно крикнула она, бросаясь к отцу. — Мне нужно с тобой посоветоваться. Я выхожу замуж!

Как это он угадал?

— А в чем же тогда советоваться, если ты уже выходишь? — резонно отозвался Саид. — Или у тебя есть сомнения?

— Нету! — выпалила дочь, хватая со стола апельсин и усаживаясь. — А здорово у тебя! — Она внимательно огляделась. — Красиво, уютно, чисто... Ты женился? — вдруг прямо в лоб спросила Кадижа.

Саид слегка смутился.

— Нет, но собираюсь... И тоже хотел бы познакомиться тебя со своей избранницей. Ты ведь тоже, надеюсь, познакомишь меня со своим женихом?

— Угу! — ответила дочь с набитым ртом. — Обязательно. И очень скоро. Но он бразилец, папа.

— Я уже догадался об этом, — спокойно отозвался Саид. — Что же делать, мы давно живем в Рио... И моя будущая жена — тоже не мусульманка.

Они дружно расхохотались.

— Погоди-ка, погоди, — задумчиво добавил он, что-то припоминая. — А не тот ли это юноша, что был тогда с нами в Марокко? Как же его звали...

— Тот самый! — торжественно призналась Кадижа. — Его зовут Дуда! И он меня любит!

Саид пристально посмотрел на дочь.

— А ты его? Это ведь очень важно...

— И я. — Кадижа чуточку покраснела и опустила глаза. — Мне без него трудно даже день про-

жить... А он так занят... — Девушка тяжело вздохнула.

— Значит, не бездельник, — с удовлетворением подытожил Саид. — Так какой же совет требуется от меня? И нужен ли он тебе вообще?

— Нужен! И еще как! — Хитрая девчонка быстро пересела поближе к отцу и стала ластиться к нему. — Я надеюсь, что ты поможешь нам со свадьбой. Правда? Всякие там приготовления, рестораны, приглашение гостей... А то у меня ребенок на руках!

Саид пораженно отпрянул.

— Что-о?! Какой еще ребенок?! Чей?! Почему я ничего об этом не слышал?!

— Да ты не нервничай так! Ничего страшного! — поспешно успокоила его дочь. — Я тебе все сейчас расскажу.

И начала повествование...

Рано утром, заняв свое место за прилавком, Амина неожиданно увидела входящего в магазин Саида. Она вздрогнула и попыталась спрятаться, но оставить рабочее место не могла. И никакой замены поблизости не оказалось, как назло.

Саид приближался к прилавку. Амина смотрела на него с окаменевшим лицом. Сейчас начнется...

Однако Саид просто очень удивился.

— Откуда ты здесь? И давно ты здесь очутилась? — спросил он, не здороваясь.

Амина замялась. Не рассказывать же ему всю историю. Тем более в магазине.

— Вот, прилетела... Недавно, два месяца назад... Вернулась... Работаю... А ты здесь зачем?

— Кадижа выходит замуж, — весело объяснил Саид. — Ищу подарки, устраиваю свадьбу, помогаю... — Он помолчал. Амина напряглась. — А... Рания? Она тоже вернулась?

Амина, конечно, ждала этого вопроса. Он не мог не прозвучать.

— Нет, она осталась в Штатах. У Сесеу все хорошо, большой успех, гастроли...

— Знаю, видел по телевизору, — резковато прервал ее Саид. — Но вы наверняка поддерживаете отношения, перезваниваетесь и переписываетесь.

Скрывать правду было невозможно. Да он бы и не поверил.

Амина кивнула:

— Да, довольно часто.

— Тогда вот что... — Саид на мгновение задумался. — Передай сестре, что я получил развод, и она совершенно свободна. Что у меня тоже все хорошо, и я тоже собираюсь жениться. — Он улыбнулся. — Меня мучает лишь одно: Рания должна понимать, что я тоже хочу видеть сына, это ведь не только ее ребенок. Конечно, мы находимся на большом расстоянии друг от друга... Но все равно,

несмотря на это что-то можно придумать, если захотеть.

— Я передам, — пробормотала смущенная Амина. — Извини, на меня вон уже строго глядит хозяйка. Надо работать.

— Ну и работай себе на здоровье! — хмыкнул Саид. — Перед тобой я — покупатель, который хочет кое-что приобрести. Посоветуй, что из вашей посуды можно подарить на свадьбу. Я совершенно не разбираюсь в этих чашках-тарелках-бокалах.

«Напишу сестре сегодня же, — подумала Амина. — Действительно, надо бы что-нибудь придумать, хотя это и сложно. В конце концов, Саид ни в чем не виноват, — она уже забыла, как сама когда-то обвиняла его в том, что он любит первую жену и совершенно равнодушен ко второй. — Он неплохой человек и всегда относился к Рании и ко мне доброжелательно. И, конечно же, он вполне видеть сына...»

И она начала увлеченно демонстрировать и хвалить товар.

Эдна открыла дверь на звонок и оцепенела. Перед ней стояла Алисинья. Опять... Неужели все начинается заново?!

— Как хорошо нам было без тебя! — откровенно воскликнула Эдна. — Что тебе здесь снова нужно? Тебя сюда никто не звал!

Она действительно с облегчением вздохнула, когда племянница наконец перестала тревожить ее своими звонками и визитами. После истории с Саидом Алисинья исчезла, затаилась, хотя Эдна отлично знала, что племянница работает там же, в клинике, и по-прежнему активно подыскивает себе мужа. Об этом Эдне время от времени рассказывали сотрудники клиники и коллеги Албиери.

Иногда несколько слов ронял и сам Аугусто. Вскользь, нехотя. Вспоминать Алисинью ему, конечно, не хотелось. Но он хорошо понимал, что жене все равно, несмотря ни на что могут быть интересны сведения о племяннице.

На самом деле Эдна только радовалась про себя, что Алисинья не появляется. И надеялась, что так и будет продолжаться впредь. Но мечты не сбылись, как это часто случается в жизни.

— Можно мне войти, тетя? — скромно потупив глазки, спросила Алисинья, на сей раз изображавшая послушную тихую девочку.

Подобная роль ей подходила меньше всего, и выглядело все это представление смешно и нелепо, но Алисинья ничего не понимала. И не желала сознавать, что уж в этом-то доме на сей раз ей провести никого не удастся. Не те времена. Но Алисинья была по-прежнему, несмотря на все испытания и разочарования, на все удары судьбы, уверена в себе, настроена только на победу,

держалась уверенно, самовлюбленно и нагло. Это лишь сейчас, в доме тети она надела на себя маску и принялась увлеченно, как это делала всегда, играть другую роль.

Однажды Саид, уже неплохо ее изучивший, постигший ее суть великой обманщицы, заметил ей:

— Тебе бы стать артисткой. По-моему, на сцене ты бы добила немалых успехов.

— А я и так их добьюсь где угодно, — нахально заявила в ответ Алисинья.

Саид тогда только усмехнулся.

Эдна поморщилась, но бросила холодно:

— Входи.

Обрадованная племянница (она, правда, и не сомневалась в успехе своего нового предприятия, о котором и намеревалась поставить в известность тетку) вошла и уселась в гостиной. Эдна, неестественно выпрямившись, села напротив. Но едва Алисинья собралась говорить, как вошел Лео.

В последнее время он стал нередко бывать у профессора. Приятно было вспомнить детство, потрогать старые, памятные ему вещи. Когда-то он жил здесь, потом просто прибегал сюда — он вырос здесь, в этом доме.

Лео иногда молча долго бродил по комнатам, особенно часто застывая в своей бывшей детской. Вот тот же самый шкаф, запомнившийся еще

много лет назад. Вот теперь уже совершенно истертый коврик на полу, доктор не решился его выбросить и правильно сделал. Теперь Лео мог посидеть на этом коврике, перебирая в памяти эпизоды детства. Сразу становилось хорошо, тепло, и тотчас вспоминался Антонио, так похожий на отца и такой веселый и милый.

Лео сидел, закрыв глаза. Ни Аугусто, ни Эдна не осмеливались его беспокоить в это время, а только переглядывались, счастливые и успокоенные. В их дом наконец-то пришел мир. Как пришел он и в дома Деузы и Карлы. Они все так долго ждали его, надеялись на него, мечтали о нем. И вот сбылось... Свершилось тогда, когда они все уже измучились и отчаялись. И теперь все они безмерно дорожили этим нежданно-негаданно полученным счастьем и постоянно боялись, что оно вдруг снова исчезнет, отвернется от них.

Вошедший Лео мельком взглянул на Алисинью, а она, буквально раскрыв рот, уставилась на него во все глаза.

— Здравствуйте, — пробормотала она.

— Добрый день! — равнодушно отозвался Лео. — Тетя, я пошел, много дел. Забегу через два дня. Дяде большой привет.

— А... вы нас не познакомите? — вдруг попросила Алисинья, по-прежнему изображая робость и сделав просительные умоляющие глаза.

Эдна вновь поморщилась.

— Это Лео, племянник Аугусто, — нехотя проронила она. — А это Алисинья, моя племянница.

Алисинья не отводила от Лео восхищенных глаз, и Эдна даже забеспокоилась, но напрасно: Лео остался совершенно безразличен. Его и раньше не сильно занимало то, как женщины на него реагируют, а теперь и вовсе интересовало совсем другое.

— Ах, как жалко, что мы с вами не познакомились хотя бы немного раньше, — вздохнула Алисинья.

— Жалко? Почему же? — слегка удивился Лео и усмехнулся. — Вы просто не представляете себе, каким я был раньше.

— Нет, я как раз представляю! — с неожиданным жаром воскликнула Алисинья. — Но я не об этом. Просто мы потеряли с вами столько времени даром. Но ничего, наверстаем!

Лео изумился: он еще никогда не встречался с такой откровенной, ничем не прикрытой женской наглостью. Эдна нахмурилась и закипела:

— Ты что себе позволяешь?! Думаю, тебе лучше всего уйти!

— Хорошо, тетя! Я уйду! — с готовностью вскочила Алисинья. — До свидания! Зайду как-нибудь в другой раз...

Она кивнула обоим и выскочила за дверь. Эдна мрачно посмотрела вслед племяннице. Лео, усме-

хаясь, тоже вышел. Ну, конечно, как он и предполагал, Алисинья поджидала его возле дома.

— Я верю в случайные встречи и в любовь с первого взгляда, — затараторила она, зашагав рядом с ним и тщетно пытаясь попасть в ногу. — А вы?

— А у меня другие цели и задачи, — отозвался Лео, которого стала уже раздражать эта весьма навязчивая особа.

Наглая девица ему была совершенно не нужна, но она не желала понимать этого.

— Одно другому не мешает, — ничуть не смутилась и упрямо не отставала Алисинья. Она упрямо не отставала от Лео. — Тем более, что у мужчин любовь и семья редко бывают основными целями и задачами. И это правильно. Мужчина должен заниматься делом, трудиться, зарабатывать деньги. Но любовь ему тоже нужна. Это ни для кого не лишнее.

Она лукаво засмеялась. Лео взглянул на нее с ненавистью и презрением. И остановился. Алисинья обрадовалась, решив, что, наконец, ее слова возымели действие и она добилась желаемого результата. Она стояла рядом, глядя на Лео снизу вверх с нарочитой преданностью и наигранной любовью. Хотя... Хотя наверняка какие-то слабые чувства к Лео могли зародиться и в ее грязноватой душонке, все бывает на свете.

Но Лео не желал даже думать об этом.

За последнее время он передумал и пережил очень много. Он вспоминал теперь Жади изредка, печально и нежно и неизменно удивлялся, как это он докатился до настоящего преступления. Любовь ничего не оправдывала. Жади... Самая лучшая и красивая женщина на Земле... Но это все в прошлом. Теперь у него есть сын, Антонио. Тоже самый лучший и красивый на свете! У него есть мать, бабушка и сразу два отца. Есть Эдна, жена и теща. Есть работа. Он богатый и счастливый человек.

Лео задумчиво улыбнулся, вспомнив их всех. Обрадованная Алисинья сразу самонадеянно отнесла эту улыбку на свой счет.

— Вы согласны со мной насчет любви? — кокетливо спросила она.

— Слушайте, вы! — грубо отозвался Лео, выйдя из себя: она его просто довела, достала! — Что вы пристаёте ко мне и ходите за мной по пятам? Женщину это вообще не красит! Кроме того, вы абсолютно ничего обо мне не знаете. Поэтому слушайте!

У Алисиньи вытянулось лицо, но она, удивительно упорная от природы, все равно не теряла надежды, уверенная что все еще можно изменить, переиначить, все можно сделать по-своему.

— Так вот! — продолжал взбешенный Лео. — У меня есть семья и маленький сын, которого я люблю! И изменять **что-либо** в своей жизни я не

намерен! Ни сейчас, ни позже! А посему советую вам идти своей дорогой, а я пойду своей!

Он резко повернулся и широко зашагал вперед. Его жизнь лежала перед ним — ясная и четко вычерченная, как могучее дерево в песках пустыни, глубоко вросшее в нее корнями. И менять что-либо в своей жизни Лео больше не собирался.